

МИХАИЛ
КЛИКИН

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ЛИЧНЫЙ ВРАГ БОГА

Личный враг Бога

Михаил Кликин

Личный враг Бога

«Автор»

Кликин М.

Личный враг Бога / М. Кликин — «Автор», — (Личный враг Бога)

Глеб живет в двух мирах: в реальном и виртуальном, информация о котором напрямую поступает в его мозг. Виртуальный мир, созданный для развлечения, настолько совершенен, что отличить его от реальности практически невозможно. Населенный воинами и магами, пиратами и торговцами, а также гномами, гоблинами, драконами и чудовищами, каких не встретишь в самых страшных земных сказках, этот мир имеет своих героев и своих злодеев. Один из них захотел стать Богом...

© Кликин М.

© Автор

Содержание

Часть первая: Шаг на дорогу	7
Глава 1	7
1	8
2	9
3	10
4	11
Глава 2	12
1	12
2	15
3	16
Глава 3	18
1	19
2	19
3	20
4	22
5	23
6	24
7	25
Глава 4	27
1	28
2	30
3	30
4	31
5	33
6	34
Глава 5	35
1	36
2	38
3	38
4	40
5	40
6	41
Глава 6	42
1	42
2	43
3	44
Глава 7	46
1	47
2	48
Глава 8	53
1	53
2	53
3	56
4	58
5	60
6	60

Глава 9	65
1	65
2	66
3	67
4	69
5	72
6	73
7	74
Глава 10	78
1	78
2	79
3	81
4	82
5	82
Глава 11	84
1	84
2	85
3	86
4	87
5	89
Глава 12	94
1	94
2	95
3	97
4	98
5	100
6	100
Глава 13	103
1	104
2	106
3	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Михаил Кликин

Личный враг бога

Еще в XX веке физиологи обнаружили, что раздражая слабым током определенные участки мозга, можно вызывать или подавлять некоторые чувства: голод, наслаждение, тревогу...

В начале XXI века гигантская компьютерная корпорация заинтересовалась исследованиями мозга. Она не жалела денег, разрабатывая перспективное направление. Лучшие нейрофизиологи мира работали в ее лабораториях.

Через пятнадцать лет стало возможным обеспечить прямую связь между человеческим мозгом и компьютерными системами...

Человечество получило возможность создавать собственные миры. Миры, чьи чудеса ограничивала лишь фантазия создателей. Миры, где действовали лишь те законы, что заложили их творцы. Миры реалистичные и насыщенные событиями...

Маленькое устройство, вживленное в мозг, позволило человеку посещать многочисленные компьютерные вселенные, проживать десятки полноценных жизней, жертвуя одной...

Часть первая: Шаг на дорогу

*«Большое дерево вырастает из маленького зернышка,
девятиэтажная башня начинает строиться из горстки земли,
путешествие в тысячу ли начинается с одного шага...»
«ДАО ДЭ ЦЗИН», Лао Цзы*

Глава 1

С чего все это началось?

С рекламных листовок, брошенных в почтовый ящик? С корявых цветастых слоганов? С кричащих фраз, отпечатанных на бумаге?

«...Два часа бесплатного подключения! Самые низкие расценки! Более ста тысяч компьютерных персонажей! Две тысячи игроков! Незабываемые ощущения! Реальные приключения в нереальном!...»

До этого была реклама по ящику. Сообщения в новостях. Споры медиков, социологов, политиков. Круглые столы и ток-шоу. Люди боялись. Они были против.

«Хирургическое вмешательство в мозг может повлечь за собой развитие новообразований, злокачественных опухолей. Нейроконтактер не прошел достаточных испытаний и не может быть допущен в массы. Страшно подумать, к чему приведет повсеместное использование подобного устройства!...»

«Применение этой технологии может быть оправдано лишь в исключительных случаях, но уж никак не с целью развлечения...»

«Не забывайте про психику. Уже сейчас мы наблюдаем катастрофический рост психических отклонений. Подумайте о наших детях, о подростках. О будущем нации. О человечестве в целом...»

«Человек станет рабом сети. Рабом несуществующего...»

«Эскейпизм – уход от действительности...»

Сначала виртуальные миры были развлечением для богатых. Но цены падали. Техника дешевела. В больницах спешно создавались центры по взживлению нейроконтактеров. Стало модным ходить с пластмассовой коробочкой на виске. Все больше людей выступало «за».

«Дайте нам свободу! Нам надоели законы! Мы хотим жить, а не существовать...»

«Это же игра. Всего лишь игра. Не стоит думать, что мы потеряли ориентацию в реальном и виртуальном. Что мы не видим разницы. Это не так. Вы же не спутаете сон с явью. Там одно, здесь совсем другое...»

С чего все это началось? С первой модели нейроконтактера? С создания глобальной сети? С изобретения компьютера? Микросхем? Полупроводников?..

Что же было началом? Быть может, появление человека – Человека Разумного?..

Для Глеба все началось с того дня, когда он взял неделю отгулов.

– Собираюсь сегодня в больницу сходить, – сказал он товарищам по работе.

– А деньги откуда? – спросили у него, понимая, для чего он туда идет и слегка завидуя.

– Накопил. Продал кое-чего. На операцию хватит, я уже и договор подписал...

Была ранняя бестолковая весна. Днем, под лучами солнца, улицы расплзались слякотью, а за ночь все снова промерзло. Погода менялась несколько раз на день. Ветер, казалось, сам не знал, откуда же ему дуть сегодня. То и дело на солнце набегали низкие тучи, но через пару часов они незаметно исчезали, и небо вновь сияло чистотой.

С крыши сбрасывали снег, и вдоль фасадов домов, отмечая опасную зону, тянулись канаты ограждений с красными лоскутами флажков. Глеб шел вдоль гирлянды трепещущих тряпок и размышлял. Он слышал, что иногда охотники, участвующие в облаве на волков, загоняют хищников, отделяя участок леса с помощью подобных алых флажков, и что звери якобы не могут преодолеть ничтожное ограждение из ярких тряпич. Почему? Что им мешает? Что видят волки в развевающихся флажках?

А куда загоняют его? И кто? Не дворники же на крышах?

Он улыбался, задирая голову и разглядывая высящиеся серые параллелепипеды домов. Иногда он трогал висок, то место черепа, куда скоро будет вживлена маленькая пластмассовая коробочка с частой гребенкой контактов...

С карнизов падали сосульки, разбивались о землю, брызгали в стороны острыми хрустальными осколками. И таяли, лежа в грязном месиве.

1

– Эй, парень! Тебе не кажется, что у тебя слишком длинный нос?

Глеб обернулся на голос. В нескольких метрах от него, вызывающе поставив одну ногу на деревянную скамью, стоял длинноволосый бородатый крепыш, фигурой напоминающий слегка уменьшенную копию Кинг-Конга. Левую руку он держал на рукояти меча, кулаком правой упирался в бок.

– Зато у тебя нос, словно картофелина, – ответил Глеб, чувствуя, как обмирает сердце.

Многочисленные посетители замызанной пивнушки заулюлюкали, с интересом ожидая дальнейшего развития событий.

– Ха! – выдохнул Кинг-Конг и качнул головой в сторону двери. – Пойдем, поговорим.

– Пойдем!

Они вышли из душного бара на улицу. Большая часть посетителей вывалилась из дверей следом за ними.

Пекло полуденное солнце. Небольшая деревенька, стоящая под самыми стенами Города подернулась колышущейся дымкой раскаленного пыльного воздуха. Деревья задыхались под слоем пыли, налипшей на листьях, бывших когда-то зелеными.

Глеб и крепыш встали на дороге друг напротив друга, не отходя далеко от бревенчатой пивнушки, над входом которой висела на цепях пустая бочка без дна. Они оба надеялись вернуться к оставленному пиву.

– Как будем драться? – спросил Глеб. – До первой крови?

– Ха! Мы что, дети?

В пивнушку вернется только один. Победитель.

Зрители расступились, образовав кольцо вокруг противников.

Кинг-Конг обнажил меч, и у Глеба екнуло сердце, провалилось куда-то к животу, забилось горячо и быстро – такой меч мог иметь только великолепный боец.

– Так что, парень? Мне кажется, что нос у тебя вырос еще больше.

Глеб встал вполоборота к противнику, вытащил из ножен свой неказистый клинок, совсем недавно купленный у старьевщика за пять серебряных монет.

– Ха! – сказал крепыш, демонстративно заведя левую руку себе за спину. Тяжелый полторный меч он без видимых усилий держал одной правой рукой.

Толпа вокруг загудела в нетерпении.

Глеб понимал, что шансы на победу у него невелики. Он видел, что соперник намного более искушен в бою, видел, что тот рисуется перед зрителями, уверенный в своих силах. Это и надо было использовать.

Кинг-Конг прыгнул вперед, размахнувшись так, что длинный клинок едва не задел стоящих позади зевак. От такого удара уклонился бы и младенец. Глеб просто чуть отступил и слегка пригнулся. Клинок прогудел над его головой.

– Ха! – удивился крепыш. Он занес свой меч для очередного удара, но Глеб не стал ждать – он рванулся вперед, обходя противника по касательной и коротко ткнул его в незащищенное кольчугой бедро. Кожаная штанина лопнула, из пореза брызнула кровь.

– Ха! – Кинг-Конг взъярился. Только что не застучал себя кулаками в грудь. Перехватив оружие двумя руками, уже не красуясь, он безрассудно бросился на изворотливого новичка и вновь наткнулся на колющее острие невзрачного меча. Глеб сделал два скользящих шага, и в одно мгновение оказался за спиной противника. Присев, он с силой рубанул крепыша по ногам, подрезая сухожилия и мышцы с обратной стороны колена. Кинг-Конг взревел, хотел было развернуться, но его ноги подкосились, и он рухнул лицом в пыль.

Толпа довольно загудела, раздались редкие аплодисменты.

– Добей его! – крикнул кто-то.

Глеб приставил клинок к голой шее поверженного крепыша, чуть надавил, прокалывая кожу, но передумал и отвел меч.

– Добей! – кричали уже несколько голосов.

Глеб развернулся и пошел в бар.

2

Ближе к вечеру в дверь его комнаты постучали.

– Открыто! – крикнул Глеб.

Несмазанные петли скрипнули, и в комнату осторожно вошел хозяин, неся в руках какой-то сверток, судя по всему весьма тяжелый. Он поклонился, на всякий случай осведомился еще раз:

– Можно? – и получив молчаливое согласие постояльца, приблизился к кровати, на которой сидел осматривающий меч Глеб.

– Вы хорошо бились сегодня, – сказал сутулящийся хозяин.

– Спасибо. – Глеб пробовал пальцем остроту лезвия, выискивая на нем свежие выбоины.

– Тот господин просил вам передать это, – хозяин протянул длинный сверток и едва не выронил его из рук.

– Что это? – Глеб отложил свой побитый меч в сторону, принял подношение и на коленях развернул серую тряпицу. Из-под ткани холодно блеснула сталь, и Глеб узнал меч побежденного сегодня Кинг-Конга.

– Господин просил сказать, что это не его оружие. Он отдает его вам, как победителю.

– А где он сам?

– Он выздоровеет. Его забрал друг.

– Я не хотел его убивать, – сказал Глеб, и рассердился на себя, потому что это прозвучало как неловкое извинение.

– Да, господин... Хотя это странно. Я первый раз вижу Двуживущего, который отказался от убийства. – Хозяин потупился, ссутулился еще больше, словно прося прощения за сказанную дерзость.

– Иди, – сказал Глеб, – я хочу отдохнуть.

– Конечно.

Скрипнули ржавые петли. Глеб остался в одиночестве.

Он еще раз осмотрел трофейный меч. Несомненно, это было отличное оружие. Сталь клинка была покрыта тонким, едва заметным рисунком великолепной закалки, рукоять, обмотанная искусно выделанной бархатистой кожей, словно льнула к руке. Балансировка была иде-

альной. Глеб – новичок Мира, Новорожденный – он даже мечтать не мог о таком оружии. Возможно даже, этот меч был заряжен какой-нибудь магией.

В комнате постепенно темнело. За стенами постоянного двора садилось солнце.

Глеб встал, обошел комнату по периметру, плотно закрыл ставни, запер на засов дверь, еще раз все проверил и только тогда, расправив постель, лег на кровать.

Он не торопился засыпать. Мгновение за мгновением он вновь переживал тот скоротечный бой.

Ошибка крепыша была в том, что он вел себя слишком самоуверенно.

И был слишком медлителен.

Чтобы не делать своих ошибок, надо учиться на ошибках других. Только так можно выжить в Мире...

Глеб свесил руку и коснулся пальцами своего нового меча, лежащего на полу возле кровати.

Цена любой ошибки – жизнь.

И хоть он и Двуживущий, хотя у него несколько жизней, он не может позволить себе умереть.

Он будет жить.

Долго.

Как можно дольше...

Сегодня был прекрасный день. Сегодня он влюбился в этот Мир.

3

Утром в баре его приветствовали как своего.

– Подходи, парень, угостим, – раздалось сразу несколько голосов, стоило ему появиться в дверях. Глеб улыбнулся, кивнул, поднял руки над головой – жест победителя.

Слава была приятной.

– Никому не нужен мой старый меч? – громко спросил Глеб.

– Выбрось это дерьмо на свалку, – посоветовал кто-то из дальнего угла.

«Слава и уважение – две совершенно разные вещи,» – подумал Глеб, но вслух сказал:

– Он еще неплох. Вы вчера видели его в деле. Просто два меча мне ни к чему, вот я и продаю.

– Отнеси кузнецу на соседнюю улицу, – предложил тот же голос.

– Да выкинь ты его. Если тебе постоянно будет везти так же, как вчера, то скоро ты на такое барахло вообще перестанешь внимание обращать, – сказал незнакомый угрюмый воин, сидящий в затененном углу.

– Сделай из него амулет на память и повесь на шею, малыш. Ты ведь Новорожденный? Это был твой первый меч? – хохотнул еще кто-то.

Глеб смешался и поспешил занять местечко где-нибудь подальше от посторонних глаз. Но завсегдатаи заведения уже потеряли к нему всякий интерес.

В баре всегда было душно и многолюдно. Здесь всегда пахло кислым пивом, или, если говорить языком Одноживущих, элем. Глеб околачивался в этом месте третий день, и здешняя атмосфера уже стала привычной ему.

Он заказал две кружки пива, мясное рагу и расслаблено откинулся на скамье, привалившись спиной к бревенчатой стене...

Вот уже шесть дней он провел в этом виртуальном мире и, пожалуй, это был лучший мир, что ему доводилось посещать. Впрочем, у него был небогатый опыт в посещении компьютерных вселенных – это новомодное увлечение стоило слишком больших денег. Он и так изрядно поистратился на операцию по вживлению нейроконтактера – устройства, обеспечива-

ющего прямую связь между человеческим мозгом и компьютером. А еще надо было заплатить за право подключения к серверам Мира. Этого фантастического, нереально реального, великолепного Мира.

Зато теперь он был здесь, и даже потраченных денег не жаль... Вдали от чертовой цивилизации, от пробок на дорогах, от толкотни на улицах. Вдали от себя самого. От собственной несостоятельности. Неуверенности. Одиночества.

То ли дело здесь! Мир, где все зависит только от тебя самого. Где ты – герой-одиночка, воин, странник. Где все выглядит, и пахнет, и осязается по-настоящему, и только реальная смерть невозможна.

Глеб пребывал в восхищении.

Единственное, что мешало ему всецело наслаждаться Миром, было знание о том, что его настоящее тело, подключенное к компьютеру, периодически нуждается в отдыхе и пище. И потому Глеб, как и любой другой Двуживущий, был вынужден возвращаться в реальность. При этом его виртуальное тело, оставленное здесь, пребывало в коме. Во сне. И любой другой человек мог запросто уничтожить временно безжизненную оболочку. Потому каждый Двуживущий заботился о надежном убежище на время своего сна. Зачастую, именно во сне проходила большая часть жизни Двуживущих. Ведь для минутного существования в виртуальном мире, необходимо было несколько часов проработать там. Там... Там – в настоящем, в реальности. Там – за чертой...

Двуживущий – живущий двумя жизнями, в двух мирах. Разрывающийся между ними...
Деньги.

На все нужны были деньги...

4

Ровно в полдень он вылез из-за стола, слегка пошатываясь – хмель туманил голову. Непривычно длинный меч на поясе только мешался, цепляясь за грубую мебель бара, а иной раз и за посетителей.

– Извините... извините... – Глеб с трудом ворочал языком. Его кто-то толкнул, и он, налетев на чью-то спину, едва не упал. Кругом раздался дружный хохот.

– Извините, – сказал Глеб и не дожидаясь реакции человека, которого чуть не сбил, пробкой вылетел на улицу. Все-таки он был еще новичком и незапланированные приключения могли оказаться для него последними.

– Никогда не извиняйся здесь, паренек, – сказал ему кто-то, положив тяжелую руку на плечо. – Они воспринимают это как проявление слабости.

Глеб повернул голову, собираясь ответить чем-то колючим, но, как назло, ничего не шло в голову. Непрошенный советчик, не дожидаясь, пока Глеб придумает достойный ответ, исчез за дверью бара. Глеб запомнил пронзительно голубые, льдистые глаза незнакомца, его мощную спину, косолапую поступь и голос.

Что-то было в этой случайной встрече. В этом человеке...

Глеб пьяно задумался, глядя в захлопнувшуюся перед носом дверь, затем махнул рукой, покачнулся, разворачиваясь на месте, и направился на соседнюю улицу. Договариваться с кузнецом о продаже старого меча.

Пусть хоть за три монеты.

Деньги требовались и здесь.

Глава 2

У хирурга дрожали руки.

Глеб заметил это, когда уже лежал на операционном столе. Он хотел отказаться от операции, перенести ее на следующий день и открыл было рот, чтобы во всеуслышание объявить о своем решении, но сестра поднесла к его лицу пластиковую маску. Глеб вдохнул тошнотворно сладкий газ, и слова забылись. Медленно-медленно поплыло сознание. Закачалось. Вспухло, наполнив собой всю операционную.

Глеб видел все. Но видел как-то странно.

Теперь дрожали не только руки хирурга. Он и сам дрожал. И сестра в белом халате. И белые стены, и потолок, и слепящий свет круглых ламп...

Все дрожало и кружилось. Быстрее, быстрее. Бешено...

Глеб зажмурился и уже не мог открыть глаза.

– Через две минуты приступаем, – эту фразу долго-долго выговаривал чей-то незнакомый голос, мучительно растягивая слова, словно тугие мехи гармони...

Он пришел в себя в палате и не сразу понял, где находится.

Болела голова. Он хотел потрогать висок, но руки не слушались. Он вообще не ощущал их. У него не было рук!

Глеб в ужасе вскрикнул, и тотчас рядом скрипнула половица. Морищинистое старушечье лицо склонилось над ним.

– Очнулись, голубчик? Все хорошо. Через два дня вас выпишут. Поспите пока. Поспите... – Голос старушки был ласков настолько, что хотелось плакать.

Но руки не слушались по-прежнему, и Глеб пробормотал:

– Где... руки?..

– Все хорошо, голубчик. Мы вас спеленали, чтобы вы не трогали голову. Не надо трогать, пока не заживет. Так врач велел... Спеленали, как дитя. Спите, спите... – Сиделка баюкала мягким заботливым шепотком, а в черепе гудел целый завод, там что-то гремело, щелкало, стучало. Там кипела работа. На короткие мгновения вдруг устанавливалась полная тишина – исчезал заводской шум, но вместе с ним пропадал и голос старушки. Только шевелились бледные тонкие губы. «Спите, спите...» – читал Глеб их движение.

«Спите...» – и он засыпал...

1

За старый клинок удалось выторговать четыре серебряные монеты.

Не так уж и плохо.

Глеб возвращался от кузнеца в приподнятом настроении. Хмель выветрился, вернулась ясность мышления.

Когда он проходил мимо большого тополя, прикрывшего ветвями сразу два деревенских дома, его окликнули:

– Эй, парень, подойди на минуту.

В тени под раскидистым деревом сидел грязный оборванец. Он не выглядел опасным, тем более, насколько мог видеть Глеб, у него не было оружия, разве только нож за пазухой. И на мага он не походил. Впрочем, кто знает... Глеб остановился, решая, стоит ли рисковать.

– Чего ты? – спросил оборванец. – Боишься, что ли?

– Кого? Тебя? – вскинулся Глеб. Он приблизился у сидящему на траве человеку и спросил:

– Чего тебе надо?

– Мне? – Загорелое лицо грязнули выразило удивление. Лукаво блеснули глаза из-под вздернувшихся бровей. – Это тебе надо, парень. Слушай... – Незнакомец заговорил быстро, взгляд его метался по пыльной дороге, отмечая каждого из идущих мимо людей. Когда кто-нибудь проходил рядом, он замолкал на некоторое время, словно боялся, что его услышат, и затем вновь продолжал свою скороговорку:

– Я торгую информацией, парень. Ты не смотри, что я такой, просто так не привлекаешь ничего внимания. Грабителям с меня нечего снять, да и подойти-то ко мне противно, я знаю. Но ты верь мне. Спроси кого хочешь – Рябого Пса все знают, все пользуются его услугами. Рябой Пес – это я. Проверенный человек, спроси у любого. Я не спрашиваю, как зовут тебя, мне все равно. У тебя есть деньги?

Глеб, опешивший от бурного потока обрушившихся на него слов, автоматически кивнул. Рябой Пес продолжал, словно и не заметив ответа:

– Я хожу-брожу по Миру, смотрю, где что есть, спрашиваю. Я все знаю. Я знаю всех. Меня все знают. Это мое кредо. – Ему явно понравилось это слово, и он несколько раз повторил, склонив голову набок, вслушиваясь в его звучание. Так он действительно напоминал собаку. Бродячую дворнягу. – Кредо... кредо... Это мое кредо... Надо запомнить... Так вот. Я человек известный, торгую информацией, смотрю, что почем, где у кого, знаю, кому чего нужно. Ведь тебе нужно стать сильным? Можешь не отвечать, Рябой Пес знает. Всего несколько монет – а сколько их у тебя? – и я расскажу тебе, где можно достать одну вещь. Хорошую вещь. Так сколько у тебя денег, парень?

– Мало, – сказал Глеб.

– Много-мало, это ни о чем не говорит. Кому-то мало, а мне, может, много, кому-то много, а мне будет мало. Много-мало – это не ответ. Сколько у тебя золотых? Или у тебя серебро? Мне все равно. Это мое кредо.

– Четыре серебряных.

– Четыре легеньких светленьких? Не-ет. Это действительно мало. Пожалуй, я сообщу об этой вещи другому. Это тянет минимум на пять золотых. Нет! – Он помотал головой. – Ты не хочешь стать сильным. Ты всегда будешь новичком. Навсегда останешься Новорожденным.

– Ты потише, – предупредил Глеб, касаясь рукояти меча.

– Меня не пугай, парень. Меня все знают. Я человек полезный. Коснись меня пальцем, и за тобой будут охотиться, словно за бешеным псом. Ха! Прощай...

– Подожди, – Глеб был заинтригован. – Так что там у тебя?

– Пять золотых.

– Десять серебряных.

– Десять серебряных? Десять серебряных! Десять серебряных... Двенадцать!

– Но у меня больше нет, – Глеб решил не говорить о пяти золотых, спрятанных во внутреннем кармане его кожаной куртки.

– У него больше нет. – Язык оборванца не знал устали. – Десять. Десять и все. Все! Хорошо! Десять серебряных. По рукам! Где деньги? Давай сюда!

Глеб уже потянулся к поясу, в котором были зашиты его небольшие сбережения, но вовремя спохватился и одернул руку.

– Но ты мне ничего не сказал.

– Скажу. Сразу скажу. Деньги вперед, затем я говорю тебе.

– Но что ты мне скажешь? Расскажешь про какую-нибудь безделицу?

– Безделицу! Вы слышите! Он называет это безделицей. Амулет, талисман, который считается утерянным уже несколько сотен лет – это безделица. А он лежит там и ждет, чтобы за ним пришли и взяли. Лежит и ждет! Безделицу! Это ж надо! Десять светлых монет за бесценный артефакт! Нет. Я передумал. Я лучше предложу эту информацию кому-нибудь другому. Прощай...

– Ну, хорошо. Даю впридачу еще один золотой. Но сперва ты объяснишь мне толком, что это за вещь. А потом я решу...

– Другой разговор! Вот это другой разговор. Это по-нашему. Приятно иметь с тобой дело...

– И что же там лежит? – перебил восторженного собеседника Глеб.

– О-о! – Оборванец закатил глаза. – Вещь! Она стоит кучу денег, но разве человек, имеющий ее, решится ее продать? Нет! Ни за что! Это бесценная вещь. Просто лежит и ждет.

– Так почему ты не возьмешь ее сам?

– Сам? Сам! – Рябой Пес зашелся в смехе. Просмеявшись, он неожиданно посерьезнел и спокойно сказал: – Это не мое кредо.

Глеба это не убедило. Он хмыкнул, но решил продолжить разговор.

– Ты так и не ответил мне...

– О да! Это магический амулет, который делает слабых сильными, а врагов своего хозяина – его друзьями. Маленькая безделушка – творение лесных эльфов и горных гномов. Маленькая безделушка, вешающаяся на шею. Ты сразу узнаешь ее, как только увидишь. Это такой маленький прозрачный камешек, а в середине его, там, внутри – черный глаз. Говорят, это глаз демона Й'Орха, древней страшной твари и ныне живущей где-то глубоко под землей... Впрочем, этому я не верю.

– Делает слабых сильнее... – повторил Глеб.

– И сильных тоже. Много сильнее! Ты станешь могучим. По-настоящему...

– А врагов превращает в друзей. Но как? Каким образом?

– Как? Как!.. – Рябой Пес расхохотался. – Видно, что ты здесь новичок. Сколько дней? Пять? Неделя? Я угадал? Вижу – угадал... Каким образом делает? Очень просто – с помощью магии. Волшебство. Понятно?

– В общем-то да, – Глеб сконфузился. – Но я еще не сталкивался с магией. Я воин. Не маг. И я еще не видел ни одного мага.

– Не видел мага? Не может такого быть. – Рябой Пес закрутил головой, высмотрел кого-то, показал на дорогу пальцем – Вон, там, вдали. Видишь, идет человек в уродливом балахоне и с посохом. Это волшебник.

– Да?

– Точно!

– Но он похож... На нищего побирушку.

– А он такой и есть. Это церковник, а не боевой маг. Он лечит людей и животных, иногда меняет погоду, снимает порчу, изгоняет бесов. Что там еще?... Боевых магов сейчас мало. Когда они приходят в Мир, они слишком слабы, их хилое волшебство не может ничего сделать с отточенной сталью. И они обычно погибают, не изучив и четверти доступных заклинаний, ведь воины магов не любят. Очень не любят. Потому что любой воин знает – если маг разовьется, окрепнет, если он обретет силу – он станет на порядок мощней самого могучего ратника. А кому это может понравиться? Вот потому маги обычно прячутся до поры до времени. Но в Мире нельзя укрыться надолго – рано или поздно тебя найдут. Случайно или по заказу. Ведь Рябой Пес бродит везде, его уши и глаза широко открыты... – Оборванец хитро прищурился. – А вот церковники – народ безобидный. Те же самые воины нередко лечатся у них. Потому-то они и живут относительно спокойно... Так где мои деньги?

– Возьми, – Глеб достал десять серебряных монет из-за пояса, добавил одну золотую из внутреннего кармана куртки и протянул их Рябому Псу.

– Ты не пожалеешь, парень. Спроси кого хочешь, Рябой Пес никого не обманывал.

– Я надеюсь.

– В общем так. – Довольный оборванец взял деньги, сжал ладонь, сделал какой-то хитрый пас руками, разжал кулак. Монеты исчезли. – На юго-западе, чуть не доходя до пустынь и в

стороне от болот, есть большая одинокая гора. Она стоит посреди равнины и ее видно издалека. Местные называют эту гору Утесом Плачущего Человека. Будешь там, поинтересуйся, почему они так ее прозвали. Интересная, кстати, история. Так вот, в этой горе есть пещера. Вход в нее располагается на южном склоне, где-то на полпути к вершине, в зарослях терновника. Но недавно там был обвал, и этот вход засыпало. В пещеру так же можно попасть через ходы гномов. Но я бы туда не полез. Гномы не любят людей, тем более Двуживущих. Лучше нанять пару крестьян и расчистить завал.

– Так амулет там?

– Да. В этой пещере. Лежит и ждет, когда ты придешь к нему.

– А где именно?

– Найдешь сам. Все-таки ты заплатил мне меньше, чем я рассчитывал... Ну, мне пора.

– Я отыщу тебя, если ты меня обманул.

– Я сам найду тебя, когда ты разбогатеешь. Тебе еще понадобятся услуги Рябого Пса... И еще одно. Не знаю, говорить ли тебе, но, пожалуй, скажу. В этой пещере обитает двухголовый ящер. Весьма противная тварь, знаешь ли. Так что будь осторожен. – Сказав это, оборванец проворно вскочил на ноги и заспешил, заторопился по дороге, направляясь к высящимся стенам Города. Глеб проводил взглядом невысокую серую фигуру.

– Амулет, – тихо проговорил он, пробуя слово на вкус. – Делает слабых сильными, а врагов превращает в друзей. Магия...

Солнце уже клонилось к западу. В ту сторону, где стоит одинокий Утес Плачущего Человека.

В кармане у Глеба остались четыре золотые монеты.

А еще у него был меч, стоимостью в целое состояние.

И еще он знал о бесценном амулете.

2

– Привет, парень! – крикнули с углового столика, едва он вошел в бар. – Я видел, что ты разговаривал с Рябым Псом. С этим грязным оборванцем. Надеюсь, он ничего не продал тебе?

– А что?

– Неужели продал?

Посетители бара подняли головы, прислушиваясь к разговору. Некоторые из них скалили зубы в беззлой усмешке.

– Так продал или нет?

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Брось придуриваться. Он продал тебе какую-нибудь информацию? Рассказал сказку про то, что где-то что-то лежит и только и ждет, чтобы ты пришел и взял это нечто? Да? Ведь так?

Глеб почувствовал, что краснеет.

– И сколько он с тебя содрал? Все деньги, что у тебя были?

– Нет, – неуверенно пробормотал Глеб. – Не все.

– Значит ты умнее, чем я думал. – Из-за углового стола поднялся высокий человек и объявил на все помещение: – Вы слышали, ребята? Оказывается еще есть в Мире лопухи, которых этот старый мошенник Рябой Пес может обвести вокруг пальца. Не перевелись еще у нас дураки!

Зал грохнул хохотом. Смеялись все. Рябой Пес не солгал – его действительно все знали.

– Поосторожней на поворотах, – зло пробормотал Глеб, но его никто не услышал.

Чувствуя, как горит лицо, Глеб развернулся и выбежал на улицу.

Конечно же, Рябого Пса давно и след простыл.

Только громада Города высилась над деревней.

– Я достану тебя, – зло пробурчал Глеб и погрозил кулаком в сторону Города.

3

На следующий день Глеб поднялся рано.

Он распахнул ставни и выглянул в окно.

Было свежо и туманно. Небо на востоке еще только теплилось, готовясь принять солнце. Земля дышала испарениями. Обильная роса серебрилась на изумрудной траве. Омытые утренней влагой деревья ожили, расправили листья.

Никого из Двуживущих на улице не было видно. Слишком рано – все еще спали. Только крестьяне ходили возле своих домов, переговаривались негромко, занимались работой по хозяйству. Кто-то нес воду с колодца, кто-то копался на огороде, кто-то колот дрова... Глеб с интересом следил за ними. Раньше ему как-то не доводилось наблюдать за жизнью Одноживущих, за их деятельностью. Он и за людей-то их не считал никогда – для него они всегда были лишь частью Мира, некими безликими образами, моделями, созданными программистами, не более того. Но сейчас, глядя на них, он задумался – а где та грань, что отделяет существо по-настоящему разумное от существа, живущего согласно некой программе? Может быть, вся разница лишь в гибкости алгоритма? Так или иначе, все мы живем согласно каким-то установленным однажды правилам, следуем общепринятым нормам...

И что за мысли возникают в головах этих существ? И возникают ли вообще? Неужели они способны размышлять? Получать информацию, анализировать, делать выводы, предпринимать разумные действия?

Если свободно общаясь с машиной, вы не можете определить, говорите вы с человеком или же с программой, то значит ли это, что машина обладает интеллектом? Настоящим интеллектом?

Значит ли это, что виртуальные существа, населяющие Мир, разумны?

Все эти крестьяне, и хозяин постоянного двора, и бармен, и кузнец. И гномы, которых он еще не видел, и таинственные эльфы.

Они разумны!?

Эта мысль почему-то напугала Глеба, и он содрогнулся...

Позднее он понял, чего же он тогда испугался.

Его напугала реальность смерти в этом игровом Мире.

Ведь если они действительно разумны, если они живут по-настоящему, значит и смерть для них реальна. А это означает, что практически каждый из Двуживущих – убийца. Настоящий убийца. Одно дело – лишать виртуальной жизни игрока, такого же, как и ты, совсем другое – забирать единственную жизнь у Одноживущего. Стирать разумную программу. Программу разума...

Тогда он решил никогда не убивать Одноживущих. На всякий случай.

Впрочем, впоследствии оказалось, что следовать этому принципу не так просто...

Глеб нашел хозяина заведения на кухне, где тот, вместе с женой, готовил завтрак для постояльцев.

– Доброе утро.

– Здравствуйте, господин. Вы рано сегодня.

– Я ухожу. Сколько я должен?

– Два золотых.

– Хорошо. Возьмите. – Глеб протянул деньги.

– Спасибо, господин. Приезжайте еще. Мы будем рады.

«Стандартный набор фраз», – предположил Глеб и спросил:

– Как думаете, куда мне лучше направиться?

– Это зависит от того, куда вы хотите попасть.

«Еще одна типовая фраза. И явно откуда-то заимствованная».

Он постоял, наблюдая, как хозяин и хозяйка возятся у раскаленного листа кухонной плиты.

– Мне все равно, куда идти.

– Вы были в Городе?

– Нет. Еще не успел.

– Обязательно сходите.

Хозяин подцепил на большую стальную вилку кусок жареного мяса и с поклоном поднес Глебу.

– Угощайтесь, господин. Бесплатно.

– Спасибо.

Глеб взял горячее мясо руками, откусил, обжигаясь.

– Смерть, это страшно? – спросил он у хозяина и заметил, как вздрогнула женщина у плиты.

– Я не знаю, господин, – смиренно ответил Одноживущий. – Мне еще не доводилось... умирать...

В окно было видно, как поднимается солнце. Роса успела высохнуть, бесследно испарился туман. На дороге показался воин. Двуживущий.

– Ну, ладно, – сказал Глеб. Ему не хотелось видеть людей – свидетелей его вчерашнего позора. – Мне пора.

– Удачи, господин.

– Всего хорошего.

Глеб вышел из кухни, прошел через пустой темный бар и вышел на улицу.

Стены Города закрывали небо на севере. Город был совсем близко. В нескольких часах ходьбы.

Глеб поправил меч, залез рукой в карман, проверяя, на месте ли оставшиеся деньги, и отправился в путь.

Во-первых, он хотел посмотреть Город.

Во-вторых, он должен был найти Рябого Пса.

Да и, просто-напросто, он уже не мог сидеть без дела на одном месте, в этой опостылевшей деревеньке, в грязном пивном баре осточертевшего постоянного двора.

Глава 3

Сослуживцы словно и не заметили произошедшей с Глебом перемены. Только в самый первый день, когда он вернулся на работу, его спросили:

– Ну, как?

– Нормально, – отозвался Глеб. И всех удовлетворил этот незамысловатый ответ. Большие вопросов не было.

Через два месяца Степан Герашин из бухгалтерии тоже вживил себе нейроконтактер. Во время обеденного перерыва он пришел к Глебу за советом.

– Привет! Приятного аппетита.

– Спасибо, Степан Петрович!

– Ты себе еще полный доступ не купил?

– Нет. Коплю пока средства. Может бухгалтерия ссуду даст?

– Ссуды начальник дает. А мы только начисляем... Выбор-то сделал?

– Ну, так... – Глеб неопределенно покачал головой. – Не то чтобы окончательно, но... Подключался к демонстрационным серверам. Присматривался. Кое-где четыре часа дают бесплатных. Но это редко. Обычно час-два. Маловато. Только-только осмотришься, а тебя уже вышвыривают...

– И где тебе понравилось?

– Средиземье ничего. Правда звуки там какие-то... ненатуральные. И запахи... Планета Аракон понравилась. Хотя там лазеры всякие, пушки. Мне большие мечи и луки по душе.

– А Мир?

– Что мир?

– Ну, Мир. Недавно совсем появился. Рекламу не видел?

– Нет.

– Говорят, последнее слово. Верх реалистичности.

– Координаты есть?

– Записал где-то. Если хочешь, я принесу завтра.

– Принеси, погляжу.

– Ладно...

Обед закончился. Люди покидали столовую, оставляя подносы и грязную посуду на столах. Степан глянул на часы и тоже заторопился:

– Пойду, ревизия у нас.

– Заходи, если что.

Степан отошел от Глеба на пару шагов, остановился нерешительно, потоптался. Вернулся. Спросил смущенно:

– А как там? Не страшно?

– Там? Здорово! – ответил Глеб и в подтверждение своих слов поднял вверх большой палец...

В конце недели дали неожиданно большую зарплату. Непонятно за какие заслуги выплатили вдруг квартальную премию, наконец-то дали компенсацию за прошлогодний отпуск, а еще начальник к юбилею предприятия решил сделать каждому сотруднику маленький подарок в виде именной кредитной карточки с не очень большой, но вполне круглой суммой.

Часть денег Глеб отложил на жизнь – на еду, проезд в транспорте, квартплату. Учел непредвиденные расходы. Пересчитал остаток, скалькулировал. Все верно – теперь у него на руках была необходимая сумма.

В тот же вечер он связался с сервисной службой, переслал им деньги со своего счета, а в обмен получил длинный ряд символов: кодовое имя и пароль для подключения к серверам.

– Добро пожаловать в Мир, – сказал ему менеджер, улыбаясь на экране монитора. – Уверены, вы не будете разочарованы.

– Спасибо, – сухо ответил Глеб и закрыл сеанс связи.

Менеджер оказался прав – Глеб не был разочарован. Ни через месяц, ни через год, ни позже...

1

Деревня исчезла за холмом.

Идти было легко и приятно. Поднялось солнце, еще не жаркое – большое, румяное, радующее глаз. Свежий ветерок охлаждал лицо.

Сперва Глеб ступал по мягкой серой пыли, но через полчаса дорога под его ногами оказалась вымощенной серым булыжником.

Выяснилось, что путешествовать – это совсем не скучно. То и дело с вершины очередного холма, на который взбиралась дорога, открывался новый великолепный вид: или ручей с нависшими над водой ивами, или березовая роща, светящаяся белизной стволов, или одинокое вековое дерево, потрясающе огромное и живописное. Глеб крутил головой, любуясь появляющимися картинами. Во всем чувствовалась рука художника...

А по направлению к Городу шли люди. И на это зрелище тоже стоило посмотреть. Одинокие воины в блестящих кирасах, с мечами у бедер, в вычурных шлемах, с разрисованными щитами за спинами. Бойцы рангом пониже, в кольчугах, с оружием попроще. Изыщные лучники в легких кожаных доспехах, с дугами луков за плечами, с колчанами и арбалетами. Закутанные в плащи невзрачные маги-церковники. Еще какие-то люди, опознать которых Глеб не мог.

И небольшие группы Одноживущих, стараясь держаться в стороне, ближе к обочинам, шли пешком, ехали верхом на унылых ослах и костлявых кобылах, везли какие-то вещи на рассохшихся скрипучих повозках...

Его обгоняли, и он сам кого-то обходил, кто-то попадался навстречу, но большая часть этого разношерстного живого потока направлялась к стенам Города. У каждого были там какие-то дела. Свои планы.

2

Городская стена поражала размерами.

Глеб, задрав голову, смотрел вверх.

Стена уходила к самым облакам. Пики ее острых башен терялись в тумане. Острые зубцы словно бы вгрызались в небо. Он смотрел, и ему казалось, что стена медленно заваливается на него, клонится, падает плавно, и от этого зрелища кружилась голова, и обмирало сердце.

А ведь до нее, как минимум, еще полчаса ходу.

Хотя уже отсюда он видел и серебящийся водой ров, и ворота, в которые упиралась дорога, и толпу людей перед ними. Он даже слышал гул сотен голосов.

А может, это ветер гудел на шпильях городской стены, в ее амбразурах?..

Глеб, широко распахнув глаза, любовался нависшим над ним Городом. Пока он не торопился отсюда уходить.

Мимо проходили люди. Они, улыбаясь, разглядывали восторженного молодого человека, судя по всему Новорожденного, с открытым ртом уставившегося на высящуюся к небу стену. Но Глебу не было никакого дела до того, что они о нем думают. Сейчас он их просто не замечал, потрясенный величием Вечного Города.

3

Перед городскими воротами выстроилась длинная очередь. Глеб прошелся вдоль нее, уже почти подошел к самым воротам, но на него цыкнули из толпы, и он отступил назад.

Заняв место в самом хвосте очереди, он отошел в сторонку, присел на торчащий из травы камень и стал следить за людьми.

Очередь жила по своим законам. Казалось бы, что может быть проще – новый человек встает позади и постепенно продвигается вперед, ко входу. Но, на самом деле, все выглядело гораздо сложнее. Глеб видел, как только что подошедшие люди выискивали в толпе своих знакомых, обменивались с ними парой слов и как-то незаметно, в одно мгновение, оказывались там – в середине длинной очереди, а то и возле самых ворот. Сзади стоящие роптали, но негромко, возможно потому, что и сами просочились в глубины растянувшейся толпы подобным образом. А еще здесь признавалось право сильного. Через пять минут после того, как Глеб занял место в самом хвосте, к толпе подошел высокий брюнет в цельнометаллических, лязгающих на каждом шаге доспехах и с огромным мечом, закрепленным на спине. Свой блистающий шлем он держал в руках. Не обращая внимания на кучащихся людей, брюнет шагнул прямо на них, и толпа уважительно расступилась. Кто-то неловкий замешкался, и воин, словно не заметив человека, толкнул его плечом, отшвырнул в сторону. Люди смыкались за его спиной, а он спокойно шел вперед, тяжелый, полностью упакованный в металл, уверенный в своих силах, в своих правах...

Толпа переругивалась, колыхалась, словно дышала, принимала новых людей, а некоторых выплевывала, не признавая.

Но несмотря ни на что, очередь постепенно продвигалась. Глеб поднялся и встал на свое место. Со всех сторон его жали, теснили, толкали. Он молча терпел, стараясь только не вылететь из толпы.

– Приятель! – сказал грубый голос позади. – У тебя слишком хороший меч для новичка. Ты отдашь его мне просто так? Или?..

Глеб извернулся в давке и глянул на говорившего. Поверх его головы смотрел куда-то невыразительными глазами долговязый верзила в короткой кольчуге. Глеб уже подумал, что тот обращается не к нему, но верзила сказал:

– Пойдем, выйдем отсюда, – и показал зажатый в ладони нож.

В такой тесноте даже пытаться вытащить клинок – безнадежное дело. Убежать также невозможно. Глеб прикинул, далеко ли до ворот и, тронув за плечо впереди стоящего, сказал:

– Я сейчас вернусь.

Тот равнодушно кивнул, даже не посмотрев, кто к нему обратился.

Они продрались сквозь толпу и вывалились на поросшую жесткой травой обочину дороги.

– Вот и молодец, – сказал верзила, поигрывая ножом. – Я мог бы пришить тебя прямо там, но боялся, что тебя сразу затопчут. Давай-ка меч, парень.

Глеб беспомощно огляделся. Никому до них не было дела.

Верзила выглядел опасным человеком. Значительно более опасным, чем неповоротливый Кинг-Конг в деревне.

– Давай, не мешкай.

Стоило ли рисковать?

Глеб взялся за рукоять меча, потянул вверх, высвобождая клинок из ножен, еще не решив: бросится ли он сейчас на грабителя или же просто отдаст ему свое оружие.

Верзила протянул руку, и на его указательном пальце ослепительно блеснул бриллиантом массивный перстень. Глеб успел увидеть замысловатую вязь мелких рун на золоте украшения.

Блеск кольца заметил не только Глеб.

– Что тебе надо от парня? – раздался новый голос, вроде бы даже знакомый.

Верзила сразу сник. Его нож, сверкнув лезвием на прощание, незаметно куда-то спрятался.

– Ничего, Апостол.

– Ты даже знаешь мое имя? – хмыкнул человек, вклиниваясь между Глебом и верзилой. Глеб узнал эту спину, и косолапую походку, и голос. – Значит ты знаешь и то, что мне от тебя надо.

– Что?

– Я видел это у тебя на руке. Занятная вещица. Дай-ка взглянуть мне на нее еще раз.

– Но... – Верзила сник еще больше. – Послушай, Апостол... Хочешь, я заплачу тебе?

– Видимо, ты все-таки плохо меня знаешь. От Апостола нельзя откупиться.

Задвинув клинок в ножны, Глеб отступил в сторону, продолжая наблюдать за развитием событий.

– Хорошо. Я отдам его тебе. Только спокойно... – Верзила зачем-то полез в карман штанов, и вдруг резко отскочил назад, широко расставил ноги, раскинул руки с невесть откуда взявшимися кинжалами, пригнулся. Он был похож на паука.

Апостол даже не шевельнулся, меч его по-прежнему находился в ножнах у бедра.

– Отдай добром! – склонил он голову.

– Возьми! – прошипел верзила и бросился на врага.

А потом... Глеб толком не успел увидеть движения, просто оказалось, что Апостол стоит выпрямившись и держит в руках свой меч, опустив его острием к земле. И верзила, разрубленный практически пополам, от плеча до пояса, валится на пыльную колючую траву. И кровь хлещет из страшной раны...

Глеб отшатнулся.

Апостол вытер клинок об одежду поверженного противника, убрал меч, наклонился, снял перстень с руки убитого, повертел его в пальцах, любуясь игрой света на гранях кристалла, разглядывая руны. Затем надел перстень на мизинец левой руки, обернулся и увидел Глеба. Посмотрел на ножны, на рукоять меча. Сказал:

– Действительно, неплохая игрушка для новичка. Украл или купил в рассрочку?

– Заработал, – сказал Глеб, стараясь держаться с достоинством.

– Заработал? – хмыкнул Апостол, чуть внимательней присматриваясь к Глебу. – Мы где-то уже виделись?

– Да. Недавно вы дали мне совет, чтобы я никогда не извинялся.

– А, так это ты! Надеюсь, ты последовал моему совету? – Он показал трофейный перстень Глебу и спросил: – Знаешь сколько стоит такая вещица?

– Нет.

– Я надеюсь выручить за нее никак не меньше полутора тысяч.

– Серебряных? – поразился Глеб.

– Золотых, – ухмыльнулся Апостол. – Не зря этот парень не хотел мне ее отдавать. Впрочем, я в любом случае убил бы его.

– Но зачем?

– Мне ни к чему живые враги. Их и так у меня слишком много... А ты, видимо, совсем недавно в Мире?

– Да.

– Это заметно. Первый раз идешь в Город?

– Да.

– Там тебе сейчас самое место. Не лезь на рожон. Накопи денег, потренируйся, купи приличные доспехи, оружие. Никогда не спеши.

– Спасибо за совет.

– И никогда никого не благодари... А ты бойкий парень. Ты мне нравишься. Дам тебе еще один совет – если обзаведешься приличными вещичками, постарайся не попадаться мне на пути. Я живу трофеями. И мне это нравится. Кстати, если хочешь, можешь снять что-нибудь с него. – Апостол кивнул на убитого. – Я уверен, у него есть кошелек, и он набит потуже, чем твой.

– Нет, спасибо, – замотал головой Глеб. – А вы тоже направляетесь в Город?

– Да. И не называй меня на «вы». Никого так не называй, если не хочешь казаться Ново-рожденным.

– Вы... Ты можешь встать со мной в очередь. Я уже почти у самых ворот.

– Пожалуй, я пройду просто так.

Апостол развернул плечи и косолапой походкой направился к толпе. Люди расступались перед ним, и уже через минуту его голова мелькала возле самого входа. Глеб с завистью посмотрел вслед воину и стал протискиваться на свое место. Его пихали в ребра, толкали, ругались на него, но он упрямо лез и лез, сдерживая рвущееся вежливое «извините».

В какой-то момент его развернуло, приподняло так, что он потерял опору под ногами, и тогда он увидел, что возле трупа верзилы, оставшегося на обочине дороги, присел какой-то человек и роется в его одежде.

Затем Глеб вновь нащупал ногами землю, рванулся вперед, коснулся стоящего впереди соседа и сказал:

– Я вернулся.

Тот, не оборачиваясь, кивнул.

Высокая арка входа была совсем рядом.

4

Стена уходила высоко в небо прямо перед ним. Он задрал голову и чуть не упал.

Теперь было свободнее. Давка осталась позади.

– Запускай следующих! – крикнули с той стороны стены, и заскрипел ворот, наматывая цепь, поднимая решетку.

Вход в Город были устроен по принципу трехступенчатого шлюза. Решетчатые двери отрезали кусок толпы, дробили его на несколько частей, на отдельных людей. На личности, которыми занималась стража.

Глеб вошел в арку ворот. Вместе с ним зашли еще несколько человек.

Впереди была маленькая калитка, возле которой стоял охранник в латах. Он махнул рукой и сказал:

– Подходите. Кто следующий?

Охранник о чем-то расспрашивал подходящих и открывал калитку, выпуская людей в Город. Впрочем, большинству он даже и вопросов не задавал, просто окидывал взглядом, оценивал и открывал проход.

Глеб шел последним.

– Двуживущий? – спросил стражник.

– Да.

– Имя?

– Глеб.

– Новичок?

– Да.

– В Городе в первый раз?

– Да.

Глеб уже хотел было шагнуть к калитке, но охранник задержал его, крепко взяв за локоть.

- Пройдемте со мной.
- Зачем?
- Вы в первый раз. Вам надо объяснить правила поведения в Городе. Это не займет много времени. Пройдемте. Таков порядок.
- Хорошо.
- Рыжий! – крикнул охранник. – Смени меня!
- Чего? – глухо донеслось откуда-то, и Глеб закрутил головой, пытаясь понять, кто это сказал.

Через несколько секунд в стене возникла трещина, взвизгнули петли, и из открывшегося проема появился еще один охранник. На нем были точно такие же доспехи с изображением взлетающего Пегаса на нагруднике.

– Чего тебе? – спросил воин, снимая шлем и приглаживая ладонью свою огненно-рыжую шевелюру.

- Смени меня.
 - А что случилось?
 - Новенький. Первый раз в Городе.
 - Ну и что? Пусть идет.
 - Не положено. Надо объяснить правила.
 - А-а! – Рыжий пренебрежительно махнул рукой, разглядывая Глеба. – Шел бы себе.
 - Давай-давай. Вставай.
 - И народу сегодня много, – Рыжий зевнул.
 - Северные ворота закрыли. Все к нам идут.
- Люди, стоящие за решеткой у входа, загудели, недовольные задержкой.
- Рыжий охранник скользнул по толпе равнодушным взглядом и сказал:
- Ладно, постою пока. Только не тяни там.
 - Пять минут!
 - Иди. – Рыжий махнул рукой и рявкнул: – Запускай следующих!

Лязгнули, натянувшись, цепи. Заскрипели, поднимаясь, массивные решетки.

5

Каморка, куда охранник привел Глеба, казалась абсолютно нежилой, хотя стояла здесь и незаправленная кровать с грудой мягкого белья, и стол, заваленный объедками и пустыми глиняными бутылками, и стулья, и шкаф с мутным зеркалом. Здесь было мрачно, холодно и сыро. Все звуки – и шаги, и слова – неприятно резонировали в этой каменной коробке, заставляя неосознанно понижать голос.

Через зарешеченное узкое окно доносился с улицы неразборчивый гул толпы возле городских ворот.

– Итак, вы в первый раз входите в Город, – серьезно сказал охранник, усаживаясь на стул и жестом давая понять Глебу, что и тот может присесть.

– Да.

– Я коротко объясню вам правила поведения. Итак... Городом и близлежащими к нему землями управляет Король. Король лично следит за порядком на своих владениях. Особенно за порядками внутри Города. Город – единственное место в Море, где запрещено убийство. Где запрещена магия. Где запрещено воровство. Здесь вы можете спать прямо на улице, хотя это тоже запрещено...

Глеб подавил невольный смешок. Охранник продолжал:

– За соблюдением правил следит королевская гвардия. Среди нас есть и конные воины, и мечники, и копейщики, и арбалетчики. Мы – единственная организованная армия Мира. Поэтому с нами принято считаться. – Он грозно посмотрел на своего слушателя, и Глеб согласно кивнул.

– О любом, самом незначительном проступке, происшедшем внутри городских стен, сразу становится известно Королю. Никто не может избежать наказания! Конечно, от правосудия можно скрыться, покинув Город, но Король помнит всех преступников, и, если нарушитель вновь покажется здесь, то немедленно будет пойман и наказан по закону. Не ввязывайтесь в драки. Не применяйте магию. Не воруйте. И все будет в порядке. В Городе есть банки, куда вы можете положить деньги, есть множество магазинов, есть базар, есть представительства и гильдии. Все это в вашем распоряжении, единственное условие – никогда не нарушайте закон! Вам все ясно?

– А Король – он Одноживущий?

– Конечно!

– А могу я вступить в королевскую гвардию?

Охранник фыркнул, возмущенный такой постановкой вопроса.

– Конечно же нет! Разве мы можем доверить Двуживущим следить за порядком?!

– Я все понял, – сказал Глеб. – Можно идти?

– Разумеется. Я провожу вас.

6

Глеб вышел из-под темной арки, сделал еще несколько шагов, щурясь от яркого солнечного света, и, моргая слезящимися глазами, застыл на месте, пораженный открывшейся картиной.

Он находился на просторной круглой площади, в центре которой играл, искрился всеми цветами радуги великолепный фонтан в виде многоглавого дракона. Величественная стена, уходящая к небу, была сплошь покрыта потрясающе яркими фресками. Рисунки были так велики, что взгляд не мог охватить их полностью. Глеб видел только отдельные, но оттого не менее впечатляющие фрагменты: фигуры исполинских воинов и кошмарных чудовищ, оскалы лиц и зубастых пастей, руки, когти, хвосты, глаза... Краски были необычайно сочными, движение изображенных фигур было схвачено художниками с удивительной точностью – казалось, люди и монстры застыли на короткое мгновение, и сейчас вновь продолжают бой...

Добрых полчаса Глеб, не отрываясь, разглядывал уходящую к небу роспись городской стены. Люди, проходящие мимо, иной раз задевали его, толкали, но он не обращал на них внимания. С открытым ртом, не глядя под ноги, он медленно кружил по площади, жадно всматриваясь в разноцветие великолепных фресок.

Вдоволь налюбовавшись, Глеб опустил взгляд, заметил косящихся на него людей, представил, как он выглядел со стороны, немного смутился и поспешил уйти с многолюдной площади.

Он не знал, куда направиться и потому просто шел, куда глаза глядят, и несут ноги.

Город был огромен. Находясь у южной стены, возле городских ворот, Глеб не видел северной стены. А ведь та тоже цеплялась за небо шпилями своих башен.

Он долго бродил по широким улицам и маленьким темным переулочкам, выходил на площади, несколько раз упирался в тупики и был вынужден поворачивать назад. Он заблудился, потерялся в этом бесконечном бескрайнем лабиринте. И хотя кругом ходили люди, целые табуны людей, Глеб чувствовал себя одиноким. Он не мог ни к кому обратиться, хотя бы потому, что не знал, о чем у них спрашивать. Он не встретил ни одного знакомого человека.

Он не видел ни малейшей заинтересованности на лицах спешащих куда-то людей. Для них он был ничем. Пустым местом. Впрочем, и они для него тоже.

Смирившись с тем, что он окончательно заплутал в путанице улиц, Глеб остановился и огляделся.

Место, где он находился, выглядело несколько мрачновато. Солнце уже давно скрылось за громадой стены, и ее тень накрыла значительную часть Города. Вдоль узкой мощеной дороги выстроились в несколько рядов коробки приземистых домов с плоскими глиняными крышами и узкими вертикальными щелями окон. Темными ровными свечками тянулись вверх какие-то незнакомые деревья.

«Трущобы», – подумалось Глебу.

В ближайшем доме открылась обитая железом дверь. Распахнулась, словно бы сама по себе. И встала. Никто не показывался, не выходил.

Приглашение?

Глеб сделал шаг по направлению к ней.

А оттуда вдруг выскочило нечто стремительное и большое и понеслось прямо на него.

Глеб даже присел от неожиданности.

Здоровенный пес летел по направлению к нему. Лапы врывались в землю, отшвыривали назад куски дерна. Длинный язык вывалился из пасти на бок и тяжело болтался, словно флаг, пропитанный кровью.

«...запрещено убийство...», – так сказал охранник.

А вдруг это тоже будет считаться убийством?

Но если он ничего не сделает, то это будет самоубийство.

Глеб выхватил меч, выставил клинок перед собой, выжидая, когда собака бросится на него, чтобы вцепиться в горло.

Но пес, не обратив ни малейшего внимания на застывшего в боевой стойке человека, пронесся мимо. Слегка ошaleв, Глеб развернулся и посмотрел ему вслед.

По дороге шла женщина с корзиной в левой руке. Пес добежал до нее и радостно запрыгал вокруг, норовя лизнуть хозяйку в лицо, ткнуть мокрым носом в ее подбородок.

– Здравствуйте, господин, – поздоровалась женщина, поравнявшись с Глебом. Он кивнул, сглотнул слюну и сказал:

– Добрый вечер.

Женщина улыбнулась и пошла дальше. Пес, играя, схватил зубами ее свободную руку и стал несильно тянуть вперед, по направлению к дому.

– Тише, Буян. Тише. – Она высвободила запястье, обернулась и посмотрела на Глеба, все еще улыбаясь, и Глеб понял, что она смеется над ним.

Он спрятал оружие и попытался принять непринужденную позу.

Последнее время он слишком часто чувствовал себя одураченным.

7

К ночи Глеб все-таки нашел гостиницу.

Было темно, и он так и не понял, в какую часть Города забрел, и насколько далеко она находится от площади с фонтаном. Впрочем, даже если бы сейчас стоял белый день, навряд ли бы это помогло ему сориентироваться.

Хозяин уже спал, когда Глеб забарабанил в дверь, над которой висела толстая доска с названием заведения.

Его впустили, и за золотой простили столь поздний визит. Кроме того, предоставили отдельную комнату и принесли скромный ужин.

– Уже все остыло, господин, – извиняюще сказал хозяин. Он был бос, длинная ночная рубашка подметала подолом пол, забавный колпак украшал лысую голову.

– Ничего, – ответил Глеб, – я не хочу есть.

Но стоило хозяину уйти, как он тотчас набросился на еду и умял все до единой крошки. Перекусив, он упал на нерасправленную кровать и уже стал засыпать, как вдруг вспомнил, что не запер дверь.

«Король лично следит...» – пришли в голову чьи-то слова, и он, будучи уже не в состоянии перебороть сонливую лень, покинул Мир, оставив свое тело на попечение Короля.

Глава 4

Он возвращался с работы.

Быстро темнело. Было холодно. Стеллась по земле колючая поземка. Замерзший Глеб решил срезать дорогу и пошел чужими дворами и переулками.

Он был уже почти у самого дома, когда из темной подворотни к нему шагнули трое.

– Эй, братишка, – хрипло сказал один из них, – тебе не кажется, что у тебя слишком длинный нос?

Глеб, испугавшись этих внезапно выросших из мрака фигур, а больше того этих знакомых слов, отшатнулся. И вдруг почему-то сказал:

– Зато у тебя нос, словно картофелина, – хотя в темноте не мог разобрать даже смутных очертаний лиц.

Хрипун встал, словно наткнулся на невидимую стену. Он неуверенно коснулся своего носа и с трудом выдавил:

– Ты?.. Там... Да?

– Там? Я... – Глеб тоже растерялся. Это казалось невероятным, но они встретились. Уже здесь.

Хрипун вдруг шагнул к нему, облапил, и Глеб понял, что этот здоровяк сейчас его просто раздавит, сомнет, сотрет в порошок. Но нападающий тотчас отпустил его и завопил:

– Ха! А меч? Мой меч у тебя?

– Да... – Глеб не знал, чего ожидать.

– Ха! Здорово! Вот уж! А! Слушай! Ха! – Крепыш просто тонул в эмоциях. – Здорово ты меня! Тогда! Ха! А! – Он возбужденно мотал головой, хлопал Глеба по плечу, толкал в грудь, и Глеб все никак не мог понять, во что же он вляпался, что же происходит сейчас – встреча двух товарищей или избиение за старую обиду. – Ты молодец! Но меч не мое оружие. Тебе сказали это? Я работаю палицей...

– Иван! – встряли стоящие чуть позади темные фигуры. – Ты его знаешь?

– Ха! Конечно!

– Значит?..

– Да идите вы все! – махнул на них рукой здоровяк. – Шпана! Сволочи! Ха!

Фигуры растаяли в темноте. Глеб вздохнул облегченно. Теперь он был уверен, что экзекуция не состоится.

– Да как тебя зовут-то?

– Глеб.

– А там?

– Тоже Глеб.

– Здорово! А меня – Крушитель. Здесь – Иван. Слушай, ты торопишься?

– В общем-то, да.

– Ерунда! – уверенно заявил новообращенный товарищ. – Пошли! – Он сгреб Глеба в охапку и поволок куда-то.

– Куда? – Глеб пытался сопротивляться, но под ногами был лед, и ботинки беспомощно скользили.

– Познакомись с Серегой. Мы с ним учились вместе. Друган он мой.

– А я-то при чем?

– Так он тоже там бывает. Мы вместе. Надо бы позвонить ему. Ха! Плевать! Рано еще. Так, без приглашения зайдём.

– Но... – Глеб пытался найти какие-то доводы, чтобы оправдать свое нежелание и невозможность идти к какому-то Сереге, но Иван тащил его, игнорируя любые аргументы. Он сам так и сыпал словами:

– Мы с Серегой с самого детства вместе. В школе учились. Потом в институте. Только я не закончил. А он – голова! Он меня и подбил на это дело. Дорого, конечно, но зато... Ха! Мне нравится! А ты сам давно? Нет? Понятно! Как же ты меня смог тогда?.. Тебе повезло, что у меня не было булав. Меч – это не мое. Серега, вот он да. Он все острое любит. А – я человек простой. Дубину в руки – никакой шлем не выдержит. Ха!..

Глеб смирился с тем, что домой он сегодня попадет поздно и, уже не сопротивляясь, следовал за своим могучим проводником. Тем более, что у него наклеивалась одна интересная идея.

– Вон его дом, – сказал Иван, показывая на панельную девятиэтажку. – У себя. Видишь, окна горят. Серегины...

1

Три дня Глеб носу не показывал из гостиницы.

В соседних номерах жили люди. Двуживущие. Утром они уходили куда-то по делам, в полдень возвращались и спускались в обеденный зал. Отобедав, они весь оставшийся день бродили из комнаты в комнату, а вечером оккупировали уютный бар и лениво потягивали там пиво. И все говорили, говорили, говорили...

С некоторыми из них Глеб успел познакомиться...

– А, парень! – крикнули ему из соседней комнаты, когда он тащил к себе бутылку яблочного вина. – Может, заглянешь?

У соседа собралась шумная компания из пяти человек. Кое-кого Глеб знал: конечно же сам Кесарь – его сосед собственной персоной, балагур и весельчак; Радж – смуглый невысокий муж с кольцом в носу и с кривым ятаганом на поясе – весьма колоритная личность; Ворон – молчаливый, всегда задумчивый молодой человек, которого, как казалось, знала и уважала вся гостиница. Еще за заваленным снедью столом сидели, развалившись в уютных креслах, двое незнакомцев: один – седой старик в потрепанном халате, перепоясанном огненно-красным кушаком, второй – мускулистый полуголый варвар, из одежды на нем была только набедренная повязка из вонючих шкур, да многочисленные шнурки с нанизанными зубами неизвестных животных, с какими-то камешками и корешками – эти бусы висели у него всюду: на шее, на предплечьях, на запястьях, болтались под коленями, на щиколотке...

Глеб поставил тяжелую бутылку на стол и сел на свободный стул.

– Это Радж, – поочередно стал представлять Кесарь своих гостей. – Это Ворон. Это старый Жрец. Это Бешеный Волк. – Гости пьяно шурились на Глеба и чуть заметно кивали. – А это... – Кесарь наморщил лоб, вспоминая.

– Глеб.

– Точно – Глеб! Никак не могу запомнить. Что за странное, парень, у тебя имя...

– Имя как имя.

– Ну так вот... – продолжил свой рассказ полуголый варвар, которого все для краткости называли просто Волком. – Схватил я его за рога, держу, а он головой крутит, мотает. Мне бы отпустить, чтобы нож достать, а нельзя. Он сразу башкой двинет, рогами подденет, бросит на землю, затопчет...

– Ну и?.. – Кесарь улыбался.

– Перегрыз я ему горло.

– Перегрыз? – Кесарь всплеснул руками. Ворон нахмурился. Радж покачал головой.

– Точно говорю! – Волк с гордостью показал свои великолепные зубы, звонко пощелкал по клыкам ногтем указательного пальца.

– Быку? Горло?

– Ну!

– И как?

– Нормально! Правда, кожу было тяжело прокусить, но жить захочешь... И еще, когда кровь хлынула, то я чуть не выпустил его – закашлялся, едва не захлебнулся.

– Дикарь, – осуждающе сказал седой старик.

– Врешь ведь, Волк. Признайся.

– Эй! Ты поосторожней!

– Как-то не верится.

– Зачем мне врать-то?

– А кто тебя знает?

– Дикарь, – еще раз сказал старик. – Быку надо было наговор на ухо прошептать, он бы сразу успокоился.

– Наговор, – хмыкнул Волк. – Не знаю я никаких наговоров-заговоров.

– Вот-вот. – Старик осклабился, показав три пожелтевших зуба, торчащих вкривь-вкось из опухших розовых десен. – Куда катится Мир? Кругом одни солдафоны и дикари. Хорошего мага днем с огнем не найдешь... – Старик умело выдернул пробку из бутылки, принесенной Глебом и налил себе в кружку вина. Тонкая рука в коричневых пигментных пятнах даже не дрогнула, хотя – Глеб знал по себе – глиняная емкость в оплетке из ивовых прутьев была весьма тяжелой. Старик задрал голову и стал вливать в себя кисловатый хмельной напиток, мелко глотая. Острый угол кадыка дергался вверх-вниз под тонкой пергаментной кожей.

– А ты-то сам, Жрец, хороший маг? – спросил Радж, поправляя свой ятаган.

Старик не торопясь допил вино, оторвался от кружки, вытер рукавом губы, крикнул, прищурясь, и ответил:

– Один из лучших. – Он со значением поднял палец к потолку и повторил, слегка подывая: – Один из лучших!

Все смотрели на его кривой, будто бы в нескольких местах сломанный палец с грязным когтистым ногтем. Старик опустил руку, налил себе еще вина, сказал:

– Ваша сила ограничена, моя – безгранична.

– Так уж и безгранична? – хмыкнул Кесарь.

– По сравнению с вашей.

– То есть, сейчас ты можешь любого из нас легко убить?

– Ну, сейчас, допустим, не могу. Мы же в Городе. А вообще – да. Без сомнения.

– Ты? – Бешеный Волк засмеялся. – Беззубый старикашка?

– Не смейся над тем, чего не знаешь, – остановил его смех хмурый Ворон. – Старик прав. Магия сильнее меча.

– Правильно. – Жрец довольно кивнул. – Моя сила не в мускулах и не в оружии. Моя сила – это весь Мир. Что вы можете предпринять против всего Мира?

– Ну, например, я могу в одно мгновение проткнуть тебя этим ножом, – изрядно захмелевший Волк схватил кинжал, что лежал на столе рядом с куском окорока.

– Возможно. – Жрец кивнул и вдруг исчез. Его пустое кресло опрокинулось. Вытаращенными глазами Волк целую минуту смотрел на место, где только что находился старик. Затем варвар вскочил на ноги, обвел диким взглядом всю комнату, выглянул в коридор, вернулся, пробежал вдоль стен, сел на место, окончательно растерявшись.

И в тот же момент опрокинутое кресло поднялось, заняло нормальное положение, в нем вновь появился старик, все так же расслаблено возлежащий на мягких подушках.

– Я всего лишь отвел вам глаза. Тут и магии-то почти нет. Примитив. Забава. Надеюсь, Король простит мне эту маленькую шалость.

Посрамленный Волк молчал. Немного неуверенно улыбался Кесарь. Глеб смотрел на мага с восхищением и легкой завистью. Он уже жалел, что выбрал путь воина. Старик заметил его взгляд и улыбнулся.

– Не надо завидовать мне, сынок, – сказал он. – Магия требует больших жертв. Я, например, долго жил в глухой деревне, притворяясь Одноживущим, прежде чем овладел большинством заклинаний огненной стихии. Потом я ушел в предгорья Драконьих Скал, где читал старые книги и изучал магию воздуха, практически лишив себя сна. Я скрывался от людей, от Одноживущих и от Двуживущих. И только сейчас я могу жить более-менее спокойно – о моей силе знают окружающие и немногие хотят вступить со мной в бой. Но даже мои знания не дают абсолютной защиты. И поэтому большую часть времени я провожу в Городе, под охраной Короля и его гвардии. Новорожденному воину жить значительно проще, чем магу, поверь мне.

– Это точно, – подтвердил Кесарь. – Я видел, как двое мечников издевались над молодым неопытным магом. Они кололи его мечами, а он только и мог, что швыряться стусками огня, которые не смогли бы, наверное, и стог сухого сена поджечь.

– Меня рядом не было, – вздохнул Жрец.

– Закололи они его. Насмерть. А он ведь и недели здесь не прожил.

– Уж я бы... – пригрозил старик, поднимая к потолку корявый палец...

Собравшиеся еще долго говорили о пустяках, вспоминали поочередно свои старые приключения, хвастались. Иногда они говорили одновременно, взахлеб, перебивая друг-друга, иногда, напротив, в комнате надолго повисало молчание. Они ели и пили, все больше хмелея, и Глеб старался не отставать от старших товарищей. Он все порывался рассказать им сбивчивую историю про Кинг-Конга и свой меч, про Рябого Пса и про Апостола, но его уже никто не слушал, только привычно кивали головами на слова, не улавливая их смысл, но Глебу и этого было достаточно. И он, растроганный этими рассеянными пьяными кивками, все говорил и говорил, выдумывая что-то, то, чего и не было никогда, а вскоре и вовсе потерял нить повествования, запутался, остановился на полуслове, перед глазами все поплыло, и он тяжело повалился под стол, задев локтем пустое звонкое блюдо.

– Пожалуй, пора спать, – сказал Кесарь и долго и безуспешно пытался встать на ноги...

2

Перед тем как лечь, в комнату к наконец-то утомившимся постояльцам поднялся хозяин гостиницы. Его гости спали в самых вычурных позах. Кто-то развалился на столе, кто-то скорчился на полу. Старый Жрец по-прежнему полулежал в кресле, нос его был необычайно красен, халат распахнулся, обнажив худую впалую грудь. И только Ворон, даже во сне хмурия брови, лежал на кровати. Правда, поперек нее.

Хозяин заведения осуждающе пощелкал языком и вышел, плотно притворив за собой дверь.

3

Вечером следующего дня хозяин зашел в комнату к Глебу.

– Здравствуйте, господин.

– Привет, – Глеб был необычайно мрачен. Его подташнивало, кружилась голова, ломило мышцы. Утром он обнаружил у себя здоровенный синяк на бедре, и какое-то время натужно пытался вспомнить, как он его посадил, но от этих усилий лишь еще больше разболелась

голова, и Глеб, отчаявшись хоть что-то восстановить в памяти, махнул на все рукой, дав себе зарок больше не пить вообще.

Разве только пиво.

И иногда немного в компании.

– Вы должны мне, господин.

– Да? – искренне удивился Глеб.

– Один золотой.

– Я же дал тебе два.

– Кредит кончился, господин. Вы уже живете в долг.

– Вот, черт! Неужели здесь все так дорого?

– Моя гостиница одна из самых дешевых в Городе, господин. Вы живете здесь уже четыре дня. Комната, белье, завтрак, обед и ужин – с вас один золотой, господин.

– Вот, черт! У меня больше нет денег.

– Это плохо, господин. Вы должны мне заплатить.

– Чем? – Глеб развел руками.

Хозяин какое-то время укоризненно смотрел на него, затем кивнул и сказал:

– Я понял. У вас нет денег. – Он с поклоном исчез за дверью.

«Всего-то!» – подумал Глеб, опрокидываясь на кровать.

Перед глазами закружились черные пятна. Загудел колоколом пустой череп.

Пожалуй, реалистичность Мира порой была чрезмерна.

4

Утром, едва только Глеб продрал глаза, хозяин гостиницы вернулся. Он без стука распахнул дверь, беглым взглядом окинул относительный порядок в комнате и холодно поздоровался:

– Доброе утро, господин.

– Доброе, – осторожно подтвердил Глеб. Он увидел, что за фигурой хозяина маячит еще кто-то – плечистый, в блистающих доспехах.

– Вы не нашли денег?

– Когда? Я спал, – Глеб вылез из-под одеяла, стал неуклюже одеваться.

– Плохо, господин. Я вынужден вас выселить.

– Хорошо. Я и сам уже собирался уходить.

– Но вы должны мне два золотых.

– Как два? Вчера вечером я должен был всего один.

– А теперь два.

– Да это же вымогательство! – возмутился Глеб.

– Это бизнес.

– Бизнес? – Не сдержавшись, Глеб улыбнулся, так забавно звучало это слово здесь, в мире магии и мечей.

Хозяин шагнул в комнату. Следом за ним зашли и те – плечистые в доспехах. Сразу стало тесно, захотелось на свободу, на воздух. Только сейчас Глеб понял, что эти четыре дня прошли для него даром. Только сейчас он вспомнил про Рябого Пса. И заторопился.

– Ну, хорошо. Я найду денег и все верну. Заработаю, займу, наконец. Честно. Я не обманываю, поверьте.

Хозяин отрицательно водил головой.

Вперед выступил один из здоровяков в доспехах. Он посмотрел на Глеба, обернулся к хозяину гостиницы, еще раз пристально оглядел фигуру Глеба, от пяток и до макушки, спросил:

– Двуживущий?

- Да.
- Имя?
- Глеб.
- Правильно. Новорожденный?
- Что вы заладили? – Глеб разозлился, – «Новорожденный, новорожденный». Хватит уже! Надоело!
- Понятно. Новичок. В Городе первый раз.
- Да. И что? Это преступление?
- Вы должны два золотых этому человеку. У вас их нет. Это преступление.
- И что дальше? Вы посадите меня в тюрьму? Выгоните взашей из вашего Города? Казните?
- В этом нет необходимости. Ваше оружие стоит достаточно, чтобы выплатить долг. Вы должны отдать меч. – Ратник повернулся к хозяину гостиницы и спросил: – Вас устроит такой вариант?
- Да. Конечно.
- Эй! – Глеб вцепился в меч обеими руками, прижал оружие к телу. – Вы не можете его забрать. Во-первых, он стоит значительно больше, чем два золотых...
- Хозяин вернет вам остаток от суммы...
- Не нужна мне ваша сдача! Это мой меч!
- Прошу вас, отдайте нам оружие, или мы будем вынуждены применить силу.
- В распахнутую дверь заглядывали посторонние люди. Спор привлек уже целую толпу. Глеб с радостью увидел знакомое лицо соседа и с пылом обратился к нему:
- Кесарь, чего они? Скажи им – я все заплачу позже. Ну!
- Не связывайся с ними, парень. – Сосед покачал головой. – Лучше сделай то, что они хотят.
- Но почему?
- Потому что они сильнее. Это гвардия Короля. Видишь Пегас на доспехах? Отдай им меч.
- Да что же это! Всем только и дело, что до моего меча!
- А у тебя больше ничего нет, – хохотнул кто-то из толпы.
- Хозяин гостиницы и воины в доспехах молча ждали.
- А если я?.. – Глеб потянул рукоять, высвобождая клинок из ножен.
- Даже не вздумай! – Кесарь метнулся к нему, схватил за руки, стиснул запястья, надавил, заставляя спрятать клинок. – Ты же станешь изгоем. Тогда ты никогда больше не попадешь в Город. По крайней мере, живым. – Он повернулся к хозяину. – Сколько задолжал тебе этот парень?
- Два золотых.
- Вот, – Кесарь достал деньги из кармана, положил в протянутую ладонь Одноживущего. – Теперь все?
- Да. Но твой друг должен немедленно покинуть мою гостиницу.
- Слышишь? – Кесарь повернулся к Глебу. – Не спорь с ним.
- И не собираюсь. Спасибо за помощь. Я все верну, скажи только, где тебя найти.
- Эй, парень! Ты делаешь большую ошибку, принимая меня за друга. Просто сейчас мы в Городе, а два золотых для меня – пустяк. И, кроме того, я сегодня в хорошем настроении. Так что собирай свои вещи и уматывай побыстрее. А если нам доведется встретиться вне Города, на диких землях – мы поговорим с помощью наших мечей. Здесь так собирают долги. И отдают тоже. Надеюсь, ты будешь готов к этой встрече.
- Зря ты так, Кесарь. Нам бы держаться друг за друга.
- Не учи меня. Молод еще.

- И все равно спасибо.
- Давай-давай. Пожалуйста. И помни, парень, деньги здесь – не последняя вещь.
- Это везде так. Но в других местах кроме денег есть и иные ценности. А здесь...
- Покиньте здание, – прервал его гвардеец.
- Одну минуту, – заторопился Глеб.

Поняв, что представление окончено, толпящиеся у дверей люди стали расходиться. Ушел и хозяин, бросив прощальный взгляд на собирающегося Глеба. Из посторонних в комнате остались одни охранники.

Впрочем они-то как раз посторонними и не были.

Глеб заправился, подтянул перевязь меча, оглядел комнату – не оставил ли чего, хотя пришел сюда совершенно пустой и уходил сейчас так же – сказал:

– Пока! – и, опередив плечистых гвардейцев, вышел в коридор.

Ему позарез нужны были деньги. А про Рябого Пса он опять позабыл – теперь старая обида, нанесенная обманщиком, казалась ему мелочной и пустой.

5

Что-то все-таки изменилось за те четыре дня, что Глеб провел в гостинице. Теперь люди на улицах Города не казались ему чужими. Напротив, он воспринимал их почти как родных, легко заговаривал с ними, пристраивался бок о бок к незнакомым прохожим и шел, непринужденно болтая о пустяках. И, как ни странно, те воспринимали это вполне нормально и с удовольствием поддерживали разговор.

Город оказался не так уж и велик. Бегло ознакомившись с его географией, Глеб уже недоумевал, как он вообще мог здесь заблудиться.

Действительно, что-то изменилось!

Единственное, что пока оставалось неизменным – это пустота в карманах.

На его расспросы о том, как достать денег, большинство прохожих лишь пожимали плечами и торопились уйти – Глебу показалось, что они принимали его за нищего. Некоторые люди, выслушав его короткую историю, рекомендовали наняться в охрану к торговцам. По крайней мере и еда будет, и крыша над головой, и жалование. Но Глеба этот вариант не устраивал. Прежде всего потому, что деньги ему нужны были как можно скорей – он, все-таки, собирался отдать долг Кесарю, да и желудок не желал ждать и, громко бурча, сердито требовал пищи. Кто-то посоветовал обратиться к ростовщикам и даже назвал несколько фамилий и адреса, но тут же стал отсоветовать, многословно рассуждая о том, что не стоит новичку залезать в долги, ведь проценты в банках всегда велики, и может так получиться, что потом всю оставшуюся жизнь будешь расплачиваться, а если не повезет, так и в последующих жизнях... Глеб, терпеливо выслушав все доводы, отказался от идеи займа.

Но без денег никак.

– Парень, – сказал ему увешанный оружием, бугрящийся мускулами атлет, которого Глеб встретил возле маленькой закуской, – в Городе ты много не заработаешь. Туго здесь с работой, понимаешь? Все принадлежит Одноживущим, Королю. Вот у них деньги есть. А нормальные люди приходят в Город тратиться. А деньги ищут за стенами, в диких землях. Знаешь сколько стоит зуб водного чудовища Г'Йенда?

– Нет.

– Пять тысяч золотых.

Глеб присвистнул и спросил:

– А кому он нужен?

– В основном подобные вещицы покупают маги и лекари. Еще их охотно берут ремесленники, изготавливающие амулеты, обереги и прочие игрушки. Но пять тысяч – это еще мелочь.

Самая крупная моя сделка – кожа черного дракона. Тогда я выручил ровно восемьдесят восемь тысяч золотых монет, а вдобавок мне еще мне отдали талисман, который предсказывает бурю.

– И как же вы носите такие деньги? – спросил Глеб, почесав затылок.

– Ношу?! – усмехнулся здоровяк. – Зачем? Я держу их в банке, и беру необходимую сумму, когда мне вздумается. А с собой у меня всего пятьсот. И то тяжело.

– А мне бы хоть полсотни, – сказал Глеб и смутился того, что эту нечаянно вырвавшуюся фразу могли счесть формой попрошайничества.

– Иди в дикие земли, парень. Чем дальше от Города, тем меньше конкурентов. В крайнем случае будешь просто охотиться и продавать мясо в деревнях. Хотя это занятие недостойно настоящего мужчины.

Атлет оценивающе посмотрел на Глеба и добавил:

– Хиловат ты, парень. Недавно у нас?

Глеб неопределенно скривил лицо и развел плечи пошире.

– Пожалуй рано тебе в дикие земли. Лучше ограбь кого-нибудь. Или укради. Купишь новое оружие, доспехи, потренируешься. Потом и пойдешь приключений искать... Бывай, парень! Удачи тебе!

Он ушел, а Глеб еще какое-то время стоял у закуской и вдыхал аппетитно пахнущий воздух.

6

Весь день он проходил по Городу.

Уже давно опустилось за стену солнце. Темнело.

Глеб устал. Ноги окаменели. Желудок ссохся. Разболелась голова и сильно хотелось спать. Ему нужен был отдых.

Людей на улицах Города становилось все меньше. Высветились изнутри окна домов. По небу рассыпались звезды...

Уже поздней ночью, окончательно обессилев, Глеб забрел в район новостроек. Здесь приятно пахло смолой и древесными опилками. Мягко светились в темноте дощатые стены строящихся домов, с дырами дверных проемов и незастекленных рам.

Глеб забрался в ближайший недостроенный дом и долго в темноте бродил по нему, то и дело натыкаясь на балки, запинаясь о валяющиеся под ногами доски. Он чуть не сломал себе шею, шагнув в комнату, где еще не было пола. Свалившись на ворох шуршащей стружки, он пошарил вокруг руками, и чувствуя, что от усталости больше ничего не может и не хочет, перевернулся на спину и мгновенно заснул, прижав к себе драгоценный меч.

Глава 5

Водки было много.

Сам Сергей почти ничего не пил, но гостям роздыху не давал: то и дело наполнял рюмки и красиво, со знанием дела говорил очередной тост. Не выпить было кощунством.

После пятой рюмки раздался звонок. Сергей поднялся с дивана и ушел открывать дверь. Вернулся он с двумя девушками.

– Карина, – представил он, – и Вероника. Наши соседки. А это Глеб.

– Очень приятно, – проговорил, пытаясь привстать, Глеб.

– Присоединяйтесь, девочки, – пригласил Иван, хлопнув широкой ладонью по кожаной обивке дивана. – А то водки море, а нас только трое, – он расплылся в улыбке, страшно довольный тем, что сказал почти в рифму.

У Карины были роскошные волосы и изящные руки. Она приземлилась рядом с Иваном, ладонью мазнула его по щеке, попеняла:

– Опять ты не брился, – голос у нее был грубый, низкий. Неприятный голос.

– Вы подвинитесь? – мягко спросила Вероника. Глеб поднял на нее глаза. Девушка улыбалась. Улыбалась широко, но как-то тихо, словно бы немного неуверенно.

– Да, конечно. – Он заерзал, тесня Ивана. – Меня зовут Глеб. И можно «на ты», я ведь еще не настолько стар, чтобы... э-э... величать меня... значит... – Глеб запутался в словах – все-таки выпито было уже немало – и замолчал. Вероника села рядом.

Оказалось, что у всех уже налито, а пересевший на кресло Сергей произносит какой-то тост.

– Хорошо сказал, Сережа! – Карина захлопала в ладоши. Все чокнулись, выпили за что-то, кажется за знакомство.

«Утром на работу», – с тоской подумал Глеб, а потом вспомнил, что завтра суббота. Выходной.

Он разлил по рюмкам и коротко провозгласил:

– За встречу.

– За встречу! – весело подхватила Карина.

– За встречу, – улыбнулась Вероника и отбросила волосы с лица...

Потом были какие-то провалы. Время, в котором его не существовало, из которого он выпадал. Иногда вдруг наплывала действительность, и тогда он обретал себя и в недоумении смотрел на происходящее. Так дремлющий перед телевизором человек воспринимает идущий на экране фильм – обрывками, несвязными эпизодами, не зная ни сюжета, ни взаимоотношений персонажей, видя только одни и те же лица, которые что-то делают, говорят...

Сергей играет на гитаре. Иван пытается подпевать. Карина зажимает ему рот. Вероника звонко смеется...

Кто-то закончил рассказывать анекдот. Все хохочут. Иван хлопает ладонью по столу, опрокидывает бутылку водки. Карина вскакивает, бежит на кухню за тряпкой...

Вероника что-то объясняет ему. Он согласно кивает, но ничего не слышит, неотрывно смотрит в ее глаза и никак не может сосредоточиться на словах...

Какие-то парни. Кажется, они были вместе с Иваном там, на улице. Зашли, не раздеваясь: лиц не видно, натянутые по брови вязанные шапки, поднятые воротники, одинаковые черные куртки на меху. Опрокинули по рюмке. Тихо сказали что-то Ивану. Сергей молча смотрел на них и был суров, насутился грозно. Затем парни ушли, захватив с собой огурец...

Они с Вероникой целуются. На кухне. Дверь закрыта. Там визжит Карина, что-то хрипит Иван, пытаясь петь. Звонят струны расстроенной гитары...

В квартире никого нет. Вероника говорит, что все вышли прогуляться. Он целует ее, и все никак не может вспомнить ее имя. Губы твердые, агрессивные. Он отрывается, бормочет пьяно:

– Я люблю тебя, – но никак не может вспомнить имя, потому что в голове крутится глупая мысль, смысл которой он никак не может ухватить, так как пытается вспомнить имя девушки: «...Вот это ничем нельзя заменить...»

Они целуются долго.

«...это ничем нельзя заменить...»

«Вероника... Вероника!»

1

Первое, что услышал Глеб, когда пришел в себя, был гулкий перестук капель. Где-то совсем рядом капала вода, и он, не торопясь прозреть, решил, что идет вялый дождь. А потом в отдалении кто-то что-то крикнул коротко и невнятно, и глухое эхо отозвалось, повторяя неразборчивое слово.

Глеб открыл глаза. Над ним выгнулся дугой низкий каменный потолок, сплошь покрытый плесенью. Маленькая щель окна, забранная решеткой, показывала далекое, неестественно синее небо. Даже и не небо, а лишь крохотный осколок его, картинку с его изображением.

Глеб поднялся на локте и огляделся.

Он лежал на охапке гнилой соломы. С трех сторон его окружали глухие каменные стены. С четвертой стороны – прямо перед ним – находилась ржавая решетка из толстых прутьев. За ней был узкий темный коридор, на противоположной стороне которого он разглядел еще одну решетку – по-видимому, еще одну камеру.

Голос приближался. Кто-то повторял короткое слово, и Глеб все никак не мог его разобрать.

Он уже понял, что находится в тюрьме, и даже догадывался, за что именно его посадили, но кроме всего этого, еще что-то важное беспокоило его, что-то не давало покоя. И он не мог понять, что именно...

– Завтрак, – Глеб наконец-то разобрал слово.

По темному коридору за решеткой кто-то нес заключенным завтрак.

Глеб встал.

Что-то не так...

– Завтрак... – раздалось уже совсем близко. В коридоре сделалось чуть светлей.

– Завтрак!..

Глеб зажмурился, на мгновение ослепленный светом факела. В решетку ткнулась миска с бурой баландой, в которой плавал раскисший кусок хлеба. Глеб схватил ее, и сутулый человек пошел дальше по коридору, волоча за собой скрипучую тележку с водруженной большой кастрюлей и монотонно каркая:

– Завтрак!..

– Эй! – окликнул его Глеб. – Меня скоро выпустят? За что меня посадили?

В коридоре вновь стало темно. Человек, не обращая внимания на вопросы Глеба, уходил прочь.

– Эй! – Глеб вцепился в прутья решетки, прижался к ним лицом, пытаясь высмотреть если не фигуру тюремщика, то хоть отблески факела на стенах. – Я ничего не сделал!

– Завтрак... – раздалось совсем уже тихо.

Вновь стало слышно, как с заплесневевшего потолка капает вода. Глеб опустился на охапку соломы, с опаской понюхал баланду. В общем-то пахло вполне съедобно, почти аппетитно, особенно если учесть, что он вот уже второй день обходился без пищи. Единствен-

ная проблема заключалась в том, что ложки ему почему-то не дали. Возможно, заключенным ложка не полагалась.

– Эй, – сказал Глеб негромко, скорее для себя, чем для человека, разносящего еду, – а чем я буду есть?..

Естественно, ему никто не ответил, если не считать далекого гулко-го отголоска, в котором еще можно было разобрать что-то похожее на слово «завтрак».

Смирившись с таким невниманием, Глеб через край, бычком, стал хлебать баланду. Она была еще теплой и на удивление густой. Выхлебав все до конца, Глеб начисто вылизал миску и отставил в сторону. Пожалуй, нахождение в тюрьме имело кое-какие положительные стороны.

– Привет, парень, – раздался вдруг негромкий голос как бы из ниоткуда. Глеб вздрогнул и поднял голову. Если с ним и могли сейчас говорить, то лишь из камеры напротив. Но там было так темно, что Глеб ничего не мог разглядеть.

– Ты кто? – осторожно спросил он.

– Что, не узнал меня? – Сомнений не было – голос доносился из соседней камеры.

– Нет.

– Он меня не узнал! – затараторил невидимый собеседник. – Должно быть, у него столько знакомых, что он просто не помнит их всех. Да? Это так? У тебя много знакомых, парень? Так много, что ты не узнал меня?

– Рябой Пес!

– Наконец-то. Малыш узнал своего старого друга. Малыш еще помнит его...

– Ты обманул меня!

– Я? Тебя? Мы виделись всего раз, и я уже успел тебя обмануть? Невероятно. Просто невозможно!

– Ты выставил меня дураком. Из-за тебя я оказался здесь.

– Нет, парень! Здесь ты оказался из-за себя. Только из-за себя. Я не знаю, что ты там натворил, но здесь отвечают только за свои поступки. Ты что-то сделал – и вот ты здесь. Я что-то сделал – я тоже здесь. А так, чтобы я что-нибудь сотворил, а посадили тебя – нет, так не бывает. Не бывает, парень! Слышишь?

– Ты знаешь, о чем я говорю! Ты выманил у меня все деньги...

– Я? Деньги? Парень, ты что? Я продал тебе информацию. Я ничего не отнимал у тебя. Ты сам мне отдал. Все честно. Какие вопросы?

– Ты обманул меня...

– Разве? Ты, должно быть, уже сходил к Утесу Плачущего Человека, нашел вход в пещеру, но не смог отыскать амулет? Его там не было? Да?

– Нет. Я никуда не ходил. Меня высмеяли, когда узнали, что я дал тебе деньги за пустые рассказы.

– Ты обижаешь меня, парень. Я человек слова – это мое кредо. Я не обманщик, хотя – буду с тобой честен – иной раз приходится хитрить. Но тебя я не обманул. Неужели ты поверил этим людям? Они просто завидовали тебе. Надеюсь, ты не сказал им того, что сообщил тебе я? А, парень? Нет? Иначе – плакали твои денежки. Я уверен, что немало найдется охотников отыскать глаз Й’Орха. Ты не сказал им?

– Я ничего не сказал...

– Молодец, парень. Значит, он еще там. Лежит и ждет. Но не забывай про ящера! Ты молод, чтобы биться с ним. Ты еще молод. Наверное, я зря рассказал тебе об этом амулете – ты не готов к путешествию в дикие земли.

– То есть, ты хочешь сказать, что не обманывал меня?

– Как ты вообще мог усомниться во мне? Рябого Пса знают все. Все пользуются его услугами. Над тобой посмеялись, парень, а ты посчитал, что Рябой Пес тебя обманул. Я не мошенник. Ведь с мошенником никто не захочет иметь дела. Я – продавец информации. Знаешь, что

дороже всего стоит? Информация! Вот, чем я владею. У меня нет конкурентов, парень. А ты усомнился во мне. Обидно!

Рябой Пес говорил убедительно, и Глеб почувствовал, что вновь начинает ему верить.

– А если ты все-таки обманываешь меня? Как мне удостовериться?

– Парень! Зачем? Зачем я буду тебя обманывать, скажи мне? Из-за нескольких монет? –

Рябой Пес звонко всплеснул руками – не то хлопнул в ладоши, не то ударил себя по бедрам. Гулкое эхо заставило Глеба вспомнить, где он сейчас находится.

– За что тебя посадили? – спросил он.

– Подрался. Всего чуть-чуть помахал кулаками. Совсем забыл, что нахожусь в Городе. Сколько раз давал себе зарок здесь не пить! Подрался. А уж ты-то, парень, как оказался за решеткой?

– У меня не было денег. Я задолжал за гостиницу, потом бродил по Городу и заснул.

– А! Это не страшно. Назначат штраф и отпустят.

– Когда?

– Кто ж знает? Преступников много, а Король один. Поди, разберись с каждым...

Они проговорили еще долго, не видя ни лиц друг друга, ни даже силуэтов. Глеб делился впечатлениями о Городе, рассказал о своих мытарствах, а Рябой Пес все перебивал его многословными замечаниями и советами, неоднократно поминал свое кредо и несколько раз заводил речь о талисмানে, что лежит и ждет где-то к западу в пещере на склонах Утеса Плачущего Человека. Вроде бы и немного времени прошло за разговорами, но приближающийся голос уже возвещал:

– Обед! – и они замолчали, разделенные решетками, коридором и мраком.

И только тут Глеб понял, что же именно все это время не давало ему покоя – он был без оружия. Он был гол. Его великолепного меча рядом не было.

2

Прошел тягостный день. Кусок неба в зарешеченном оконце затянулся легкой седой дымкой, сквозь которую слабо просвечивала какая-то звезда – единственная, что смогла поместиться на столь маленьком небесном лоскутке. Судя по мягкому свечению облаков, над Городом поднялась полная луна. Впрочем, за всю ночь она даже краем своим не заглянула в чрево тюремной камеры. Она светила для свободных людей, что спали в своих домах, в гостиницах – там, где положено.

Глеб тоже спал. Он лег сразу после обеда, на пять минут проснулся к ужину и потом вновь заснул. До самого утра.

А в камере напротив ворчал Рябой Пес, недовольный отсутствием собеседника.

3

– Завтрак! – приближался уже знакомый голос. Шаркал ногами сутулый человек, скрипела тележка. И еще что-то бряцало и позванивало.

– Завтрак! – сутулый человек в мешковатой одежде сунул миску в камеру напротив, к Рябому Псу и пошел дальше.

– Эй! – крикнул встревоженный Глеб. – А мне?

Человек уходил, но – странное дело – бряцание и звяканье приближалось. Приближалось оттуда, откуда всегда приносили еду. Кто-то шел еще.

Глеб вдруг почему-то вспомнил, что перед тем как заколоть свинью, ее обычно не кормят, и усмехнулся этой недоброй мысли.

Вновь заплясали отблески факелов на сочащихся влагой стенах. Перед камерой остановились три воина в доспехах, с изображением Пегаса на груди.

– Двуживущий Глеб, – сказал один ровным поставленным голосом. – Вы нарушили закон, заночевав в неподобающем месте. Король, рассмотрев ваш проступок, приговорил вас к денежному штрафу в двадцать золотых монет. В случае, если вы не сможете выплатить вышеозначенную сумму, вас обяжут в течение двух часов покинуть Город. Только полностью выплатив штраф, вы вновь получите возможность вернуться в Город. Вам все ясно?

– В общем... Да... Но...

– Хорошо. Вы заплатите сейчас?

– У меня нет денег.

– Тогда вы должны покинуть Город.

– Ладно. Но верните мне мой меч!

– Конфискованные вещи вы получите у выхода.

Воин отошел в сторону, исчезнув из поля зрения. Что-то загремело, лязгнуло, и ржавая решетка стала уходить в стену, открывая проход. Замерла, напоследок хищно клацнув.

– Выходите!

Глеб шагнул из камеры и с любопытством огляделся. Только сейчас он смог оценить истинные размеры тюрьмы. Длинный коридор, освещенный редкими факелами, торчащими в стенах, тянулся, насколько хватало глаз. Он слегка изгибался, и Глеб предположил, что этот тюремный туннель замкнут в кольцо – ведь человек с тележкой всегда приходил с одной стороны, и никогда не проходил назад. Примерно через каждые двадцать шагов по обе стороны коридора располагались темные камеры, отгороженные массивными решетками. Которые из них пустовали на данный момент, а какие были заняты – об этом можно было строить самые разные предположения – все равно внутри ничего не было видно.

– Эй, парень! Не забывай Рябого Пса! Удачи тебе! Помни – лежит и ждет!

– Тебе удачи, – обратился Глеб в камеру соседа. – Надеюсь, ты недолго здесь просидишь.

– Пройдемте! – Глеба весьма невежливо толкнули в спину, и он был вынужден подчиниться.

Они долго шли по коридору – спереди воин, который огласил приговор, за ним Глеб и замыкающими – два ратника с горящими факелами в руках. Монотонно, вгоняя в сон, лязгали сочленениями доспехи, стучали о каменный пол окованные железом сапоги, бряцали мечи. А они все шли и шли: мимо горящих и потухших факелов в покрытых плесенью стенах, мимо решеток камер, мимо ржавых цепей и кошмарного вида оков, валяющихся на полу...

Они остановились возле глухой двери, и охранник, идущий первым, долго ковырялся огромным ключом в замке, прежде чем смог его открыть. Дверь распахнулась, и ослепленный Глеб закрыл глаза рукой – на улице был солнечный день. Его подтолкнули вперед, и он едва не упал, больно запнувшись о высокий порог. В руки ему сунули что-то тяжелое и холодное, он схватил это и догадался, что ему вернули конфискованный меч. Его опять подтолкнули, он вновь чуть не упал. Слепило солнце, мешался неудобный громоздкий меч в руках. Глеб все щурился, по щекам текли слезы, засвербело в носу, он чихнул, потом еще раз, и еще, а его все вели, направляли, подталкивая, словно слепого, пока он не прозрел.

– У вас есть два часа для того чтобы покинуть Город. Иначе вы вернетесь туда, откуда только что вышли, – напомнил охранник и скрылся за неприметной дверью.

Глеб остался один. Он стоял возле пестрой стены, что уходила в самое небо. Его вывели, вытолкали из ее утробы и оставили в маленьком полудиком садике, где росли колючие кусты шиповника и жесткий терновник. Сквозь заросли проглядывали дома на соседней улице, слышались голоса людей.

Из-за деревьев вышел еще один королевский гвардеец. Он прошел мимо Глеба, внимательно посмотрев на него, подошел к двери и постучал. Ожидая, пока ему откроют, воин обер-

нул, привалился к стене и стал пристально и открыто разглядывать Глеба. Это было неприятно, и Глеб поспешил уйти.

4

Некоторое время он бестолково колесил по переулкам, пока не наткнулся на знакомую улочку. Дело близилось к полудню, Глеб успел проголодаться, но купить еду было не на что. Впрочем, он еще мог успеть к бесплатному тюремному ужину и о ночлеге не пришлось бы беспокоиться, достаточно было пробыть в Городе лишние пять минут. Но такая перспектива его не прельщала, и Глеб спешил, не обращая внимания на голод и усталость...

Он вышел к ближайшим воротам – северным, и через них покинул Город, на прощание обернувшись и бросив взгляд на величественные росписи стены, на каменные дома с плоскими крышами, на свечи тополей, на патрули королевских гвардейцев...

Уйти из Города было значительно проще, чем войти в него – при выходе никого не проверяли, и людской поток свободно изливался сквозь арку ворот и растекался по дорогам и тропам, ведущим во все уголки Мира.

Перед Глебом сейчас стояли две задачи: найти место, где можно было переночевать и суметь раздобыть деньги. Второе, пожалуй, было важнее.

До вечера оставалась еще куча времени, и Глеб влившись в толпу людей, влекомый ею, побрел куда-то по дороге, внимательно поглядывая по сторонам.

5

Ему не пришлось долго искать. Он увидел этого парня еще издалека и узнал в нем Новожденного. Он и сам недавно так же стоял с открытым ртом на обочине и смотрел на восхитительное величие городской стены.

– Эй, парень! – Глеб развернул пошире плечи, сдвинул меч чуть вперед, так, чтобы оружие сразу бросалось в глаза, положил ладонь правой руки на рукоять, левой подпер бок.

Новичок с восторженными глазами неохотно оторвался от созерцания высшей громады Города. Глеб, чуть косолапя, неторопливо подошел ближе.

– Первый раз в Город? – Он хлопнул парня по плечу.

– Да.

– Тебе там самое место. И знаешь почему?

– Почему?

– Потому, что там ты будешь под защитой Короля. Не то что здесь, где каждый может тебя обидеть. Ты же не хочешь умирать? Сколько ты в Море – день, два? Неделью?

– Четыре дня.

– Довольно много... – Глеб задумчиво почесал затылок и решил: – Вот, что, парень! Если хочешь жить, гони деньги. Мне много не надо – тридцати монет будет достаточно.

– Но... – Новичок отшатнулся. Глеб шагнул к нему вплотную. Он еще не знал, что будет делать, если парень выхватит свой игрушечный меч и бросится на него.

– Но у меня только пять золотых.

– Думаю и этого хватит.

– Но...

– Гони деньги! – Глеб скорчил суровую рожу и требовательно протянул руку. Парень трясущимися пальцами стал послушно развязывать тряпичный мешочек, болтающийся на скромном кожаном поясе.

– Не убивайте меня... Я в первый раз. Я еще только... Пожалуйста... – В глазах новичка уже не было восхищения и восторга. Там были одни слезы, и у Глеба вдруг что-то перевернулось в душе.

– Ладно, – сказал он, – оставь себе. Я пошутил. – Он хотел отойти, но парень, заподозрив неладное, схватил его за руку, стал совать в ладонь монеты, и все умолял:

– У меня нет денег... Я только начал... Пожалуйста... Мне родители купили... И операция... Возьмите, только не убивайте...

Глеб отшатнулся от него, словно от прокаженного, но прицепившийся парень все волочился за ним, канюча и тыча деньгами.

По дороге, в нескольких метрах от них шли люди. Им не было никакого дела до происходящего на обочине.

Парень вдруг отцепился от Глеба, швырнул деньги в пыль и стремглав бросился прочь. Глеб смотрел ему вслед, на тонкий нелепый мечишко, колотящийся о бедро, на мелькающие худые ноги, на тщедушную фигурку, и ему было плохо. Пожалуй, так плохо ему еще никогда не было. Ему хотелось надавать себе пощечин, хотелось закричать во всю глотку, хотелось сделать что-то... что-то... Его почти тошнило, он стал невыразимо противен сам себе. Этот новичок вывернул ему душу наизнанку. Этот парень был не из Игры. Не от Мира. Он не играл. Он жил, жил здесь по-настоящему. Он не знал правил. Он не подчинялся им. Этот парень...

Глеб ударил себя кулаком в грудь и еще раз – гулко, больно. Глупо и бесполезно.

Деньги лежали в пыли. Парень убежал.

Глеб посмотрел на бредущих людей и внезапно озлобился на них.

Сойдя с дороги, он яростно зашагал прочь, по высокой траве, по холмам, напрямую к западу, прямо на садящееся солнце.

«...а врагов делает друзьями...»

Талисман.

6

До самого вечера Глеб шел по холмистым лугам, держась в стороне от дорог и деревень. Когда уже стало смеркаться, он набрел на стог душистого колючего сена и залез в него, глубоко, как только смог.

Вокруг не было ни души. Город остался далеко позади, но при желании на фоне быстро темнеющего неба еще можно было разглядеть его высокие башни.

Глеб поворочался, делая уютную норку, прикрыл себя большой охапкой сена, и, надеясь, что этой ночью никому не взбредет в голову покопаться в стогу, заснул.

У него под боком попискивали встревоженные мыши, но он их уже не слышал.

Глава 6

Утро. Чужая квартира. Хочется пить и болит голова. Под боком кто-то храпит. Иван. На кухне звякает посуда...

Глеб спустил ноги с дивана. Посидел, наслаждаясь покоем. Затем поднялся, осмотрел себя. Качнулся, оперся о стол. Постоял, борясь с тошнотой.

В комнату вошел парень. Сергей. Спросил:

– Встал?

– Угу.

– Надо Ивана будить.

– Угу... Сколько времени?

– Два.

– Четырнадцать?

– Ну да.

– А день? Воскресенье?

– Ну, ты, Глеб, даешь! Суббота сегодня.

– Слава богу. А девчонки. Где?

– Утром ушли спать. Пойдем, я тебя чаем отпою. Потом можешь в ванну залезть И не стесняйся, будь как дома...

Ивана они так и не растолкали. К вечеру тот и сам проснулся...

– Значит, договорились, – сказал Сергей, прощаясь, – присоединяешься к нам.

Глеб нахлобучил шапку. Проверил – на месте ли перчатки.

– О чем договорились?

– Не помнишь, что ли? Вчера весь вечер проговорили.

– Не помню.

– Ну, как же! Сторожевой Мост. Таверна... Что, в самом деле ничего не помнишь?

– Нет.

– Про то, что надо объединяться? Про альянс?

– Это да, припоминаю. Об этом я и раньше думал.

– Вот и давай. Приходи к Сторожевому Мосту. Возле него стоит маленькая таверна.

Мы будем ждать тебя там. Начнем объединяться...

1

Проснулся он рано.

Теперь он знал, что в маленькой таверне на перекрестке у Сторожевого Моста его будут ждать друзья.

Он разворошил сено и спиной вперед вывалился из стога. Стряхнув с одежды труху и сухие травинки, он заправился, похлопал себя по бедрам, по бокам, потоптался на месте, разогреваясь. Сильно хотелось есть, но он уже привык к постоянному чувству голода, свyksя с ним и старался просто не обращать на него внимания.

В таверне его накормят.

Глеб нагнулся, зачерпнул полные пригоршни росы и растер холодную влагу по лицу.

Выпрямившись, он прикинул направление и, более не мешкая, поспешил на встречу с друзьями.

2

Он наткнулся на ручей в полдень. Маленькая прозрачная речушка змеилась меж пологих возвышенностей, и, если Глеб не ошибался, то следуя ее изгибам, он должен был выйти как раз к Сторожевому Мосту.

Держась чуть в стороне от ручья, но не теряя из виду струящейся по каменным перекатам и песчаным отмелям воды, он направился вниз по течению.

Прямо из-под ног, из высокой травы выпархивали маленькие серые пичуги. Они взлетали высоко в небо и оттуда верещали, кружа над головой потревожившего их человека. Стрекотали кузнечики, смолкая ненадолго, когда Глеб проходил рядом. По холмам гулял ветер, неровный и теплый, словно сонное дыхание незримого великана, шевелил, волновал траву, и Глебу казалось, что в густых зарослях кто-то ворочается, ползет, перебегает, следуя за ним...

Не прошло и двух часов, как на его пути встала маленькая роща. Глеб раздвинул ветви кустов и шагнул под сень белоствольных берез и тревожно перешептывающихся осин. Здесь было прохладно. Ветер поверху ворошил кроны деревьев, но внизу воздух был недвижим. Сквозь листву пробивались солнечные лучи и разбрызгивались по изумрудной траве подлеска живыми серебряными пятнами...

Он почти сразу заметил это дерево. На маленькой светлой полянке, окруженной со всех сторон березами и осинами, росла невысокая яблоня. И ее гнущиеся к земле сучковатые ветви были отягощены краснеющими шарами спелых яблок, один вид которых вызывал обильное слюноотделение.

Глеб сглотнул, услышав, как забурчал проснувшийся желудок, и подошел к дереву вплотную. Он потянулся к румяному яблоку, едва коснулся его, и оно само упало ему на ладонь, отвалилось тяжело с дрогнувшей ветви, словно только и ждало момента, когда голодный путник подставит руку. И тотчас пронзительно тонкий звук на пределе слышимости повис в воздухе. Как будто вместе с ножкой яблока оборвалась тонкая стальная нить, звонкая струна.

Глеб насторожился. Но тихий звук уже угас, и решив, что эту звенящую, почти неслышимую ноту пропело какое-то мелкое животное, насекомое или птаха, Глеб успокоился, отцепил от пояса, чтобы не мешали, ножны с мечом, и сел прямо под яблоней, вытянув гудящие от усталости ноги.

Сочная мякоть яблока отлично утоляла и голод, и жажду, возвращала мышцам упругость и силу. Глеб съел яблоко целиком, вместе с семечками, не оставив огрызка, и, не вставая, потянулся за следующим. И вновь плод сам отвалился в подставленную ладонь, и вновь пропела лопнувшая струна.

Это не могло быть простым совпадением.

Глеб встревоженно поднялся на ноги, стал озираться.

Лес молчал. Все так же баюкал верхушки деревьев ветерок, тихо поигрывая листьями. И все. Не было слышно ни треска кузнечиков, ни переклички птиц. Лишь негромкий шелест листвы. Тишина.

И этот звук.

Глеб поднес руку к яблоку, висящему на нижней ветви, оно отпало, и вновь прозвенела тонкая нота.

Странно... Впрочем, что он знает о местных яблонях? Он и в лесу-то в первый раз.

Глеб обошел дерево, внимательно разглядывая его со всех сторон, избегая касаться... Обычная яблоня, вроде бы. Ни серебряных нитей, ни подвешенных колокольчиков. Даже паутинки нигде не видать.

И лес кругом. Обыкновенный лес, на первый взгляд. Чистый, без бурелома. Стволы деревьев стоят довольно далеко друг от друга, в просветы все видно – спрятаться негде...

Вдруг ему показалось, что за одной из осин что-то шевельнулось. Или это сама осина чуть двинулась?

Глеб наклонился, поднял меч, вглядываясь в подозрительное дерево. Он не решался подойти ближе – кто знает, что скрывается там?

И тут сзади лопнула тонкая серебряная нить, раздался глухой стук. Глеб развернулся, выхватив клинок из ножен. По земле к его ногам катилось яблоко. На этот раз оно упало само, упало на землю, а не в подставленный ковшик ладони.

Яблоко остановилось, закатившись в маленькую ложбинку меж корней яблони.

И в этот момент по всему лесу раздался страшный треск, что-то жутко завывало, запричитало, и Глеб отпрыгнул, закружился на месте, не зная, откуда ждать нападения, и будет ли оно вообще.

Он увидел, как та самая подозрительная осина вдруг ожила, съежилась, сложила ветви и превратилась в какое-то омерзительно существо, напоминающее огромную сучковатую корягу, замшелую, покрытую буро-зеленую тиной. Выдирая короткие корни из земли, выворачивая куски дерна, оно двинулось к Глебу, и его лапы-сучья шевелились, тянулись к человеку, жадно подрагивая. Глеб подскочил к ожившему дереву, взмахнул мечом, отсекая самый большой сук, и отпрыгнул назад. Существо оглушительно завопило, затрещало, заухало. Распахнулись десятки гниющих дупл – его рты. И весь лес загудел, стал меняться.

Глеб бросился бежать, успев подхватить с земли три яблока. Он прижимал их к груди, а мечом, зажатый в другой руке, обрубал тянущиеся отовсюду сучья. Деревья смыкались, пытаясь преградить дорогу беглецу, но они были слишком медлительны, и пока Глебу удавалось избегать их смертельных объятий.

Что-то зацепило его за ногу. Он упал, и огромный сук прогудел в воздухе там, где только что находилась его голова. Глеб перекатился на спину, быстро сунул яблоки за пазуху и перехватил свой полуторный меч обеими руками. Правую его ногу обвил узловатый корень. Глеб без промедления размахнулся и отсек вылезшее из земли щупальце. Обрубок корня закрутился на земле, свиваясь в кольца, словно рассеченный червь, а потом закопался в мягкий дерн.

Глеб вскочил и, прихрамывая, побежал прочь.

И вдруг весь этот скрежет и вой в одно мгновение прекратился. Лес кончился.

Задышающийся Глеб вывалился из кустов, упал на жесткую траву и покатился вниз по склону холма, успев отшвырнуть меч в сторону, чтоб не пораниться об острое лезвие. Он свалился с невысокого обрыва прямо в реку и долго бестолково барахтался в воде, прежде чем понял, что здесь мелко.

Нашупав песчаное дно ногами, он, ругаясь, выбрался на берег и посмотрел в сторону леса.

Никакого преследования не было. Светлый перелесок по-прежнему стоял на вершине возвышенности, и кроны берез и осин чуть покачивались в такт дуновениям спокойного ветерка. Просто не верилось, что там могло скрываться такое...

Время от времени настороженно поглядывая на недалекий опасный лес, Глеб долго шарил в траве на склонах холма, разыскивая меч. Отыскав оружие, он спрятал его в ножны, и поспешил уйти с этого кошмарного места, такого мирного и спокойного на первый взгляд...

Солнце быстро высушило его волосы и одежду. Три яблока приятно охладили кожу живота.

Он следовал изгибам речушки и все последующие перелески, что попадались на пути, обходил стороной. На всякий случай.

3

Река круто повернула.

Глеб поднялся на вершину холма и увидел мост. Судя по описанию, это был именно Сторожевой Мост. Он каменной дугой изогнулся над водой, похожий на разъяренную кошку. Вздвигавшаяся щетина ограждения еще больше усиливала это сходство. Каменные лапы быков уходили под воду. Речушка была маленькой, но мост... Мост легко перекрыл бы и три подобных реки. Он начинался далеко от берега, его горб на несколько метров возвышалась над водой.

На одном берегу находилась маленькая деревенька. На другом – за мостом – уже в диких землях – стояла маленькая кривобокая таверна, закопченная и словно бы только что проклюнувшаяся из-под земли. К ней-то Глеб и направился.

Глава 7

– Глеб, начальник хотел тебя видеть, – сказал ему Славка Некуров. – Велел, чтоб ты сразу, как появишься, летел к нему.

– Чего это он? – у Глеба болела голова. Уже несколько дней подряд он спал лишь по четыре часа в сутки.

– Он мне не доложился. Но рожка у него была недовольная.

– У него она всегда такая. Ты что, не обращал внимания?

Они посмеялись.

– И все же зайди. Не откладывай, – сказал, посерьезнев, Славка – хороший, в общем-то парень, но воспринимающий все слишком серьезно.

– Ладно. Прямо сейчас и пойду. Он у себя?

– Вроде бы...

Глеб разворошил бумаги на столе, чтобы создать видимость работы. Включил компьютер. Взял под мышку первую попавшуюся папку и направился в кабинет начальника.

Начальник у них был передовой. Секретарши не держал, всю бумажную работу перекладывал на сотрудников, а кофе себе готовил сам. Говорили, что виной всему необычайно ревнивая жена.

Глеб осторожно стукнул в дверь, приоткрыл, сунул голову:

– Вызывали, Василий Петрович?

– Заходи... – Начальник разглядывал какие-то документы. На его огромном столе царил невообразимый беспорядок.

Глеб вошел в кабинет и прикрыл за собой дверь. Замер на красном коврике, теребя в руках папку. Начальник изучал свои бумаги. Долго листал, вычитывал чего-то. Затем недовольно фыркнул и обратил свое лицо к стоящему навтыяжку Глебу.

– Знаешь, зачем я тебя вызвал?

– Нет.

– Бери стул, садись.

Глеб пододвинул неудобный скрипучий стул, сел напротив.

– Ручка есть? Возьми мою... Бумага... Пиши... Начальнику ООО «Иртекс» Тверину Василию Петровичу. От... Пиши себя... Написал?

– Да.

– По центру листа теперь пиши: заявление... Прошу уволить меня с должности... Что уставился? Давай, пиши. Поговорим потом... С должности оператора... как там у тебя должность полностью именуется?.. вот так и пиши... по собственному желанию. Дата. Подпись.

– Подписывать я не буду.

– Давай-давай. Вопрос уже решенный. Если не хочешь по собственному желанию, тогда будет тебе увольнение за прогулы. Так что подписывай и давай сюда.

– Но почему?

– А ты не догадываешься? На работе показываешься через день, уходишь раньше всех, приходишь чуть ли не к обеду, – начальник начал закипать, он повысил голос, на каждое оглашенное обвинение бухал кулаком по столу. – Ничего не делаешь. Отчет за прошлый месяц где? Нет отчета! План работ на следующий месяц составил? Тоже нет! Нахрена нам такие работники нужны?! А?! Все, увольняем тебя!.. Иди играй! Знаю я, почему ты словно зомби какой ходишь. Вон глаза, как два помидора – красные, опухшие. Вставил бирюльку в череп. Тьфу!.. Все! Хватит! Ставь подпись и иди расчет получай. В бухгалтерии уже ждут.

Глеб упрямо набычился. Он не любил, когда на него кричат.

– Подписывать не буду.
– Значит по статье.
– Увольняйте! – Он встал, на глазах у начальника разорвал свое заявление, швырнул клочки на стол и вышел из кабинета, хлопнув дверью.

1

Пригнувшись, он боком протиснулся в низкую дверь и остановился на пороге, осматриваясь по сторонам.

В таверне царило запустение. Грязный зал, потолок которого был сплошь опутан дремучей паутиной, пустовал. На некоторых столах еще громоздилась грязная посуда, валялись объедки, стояли большие глиняные кружки, в которые обычно наливали пиво. В углу стрелял угольями беспризорный камин, немилосердно чадил помимо трубы. Бревенчатые стены возле него были покрыты толстым слоем сажи, и Глебу стало ясно, что трубочист не заглядывал в эти края очень давно.

– Эй! – Глеб прошел вглубь комнаты, на каждом шаге цепляясь за бестолково расставленные столы, скамейки и стулья. – Есть кто-нибудь?

Здоровая крыса шмыгнула из-под ног и исчезла в щели под ободренным плинтусом, в которую, пожалуй, мог бы пролезть и слон.

Кроме входной, здесь были еще три двери. Глеб наугад распахнул одну из них и тяжелая швабра, вывалившись из темноты, больно ударила его в лоб. Глеб обиженно крикнул, поставил швабру на место и закрыл темный чулан. В остальные двери он заглядывать не решился.

– Эй! – Он подошел к столу, заваленному объедками, взял надкусанный кем-то кусок хлеба и целиком запихал его в рот.

За одной из дверей – Глеб не понял, за какой именно – что-то заскреблось, и он стал усиленно жевать вязкую мякину, не решаясь выплюнуть и в то же время стесняясь предстать перед хозяином с набитым ртом.

Дверь открылась. Из проема высунулся коротышка с растрепанными волосами. Он увидел Глеба и спросил:

– Чем могу служить, господин?

– Хм-гм... – многозначительно пробормотал Глеб, заглатывая хлеб.

– Э-э... – протянул хозяин таверны. – Извините, я не понял.

– Хм... ну... это... – Глеб наконец-то пропихнул липкий комок в желудок и более разборчиво осведомился: – У вас есть свободные комнаты?

– Да, господин. – Хозяин показался полностью, и Глеб заметил, что у него забавные короткие брюки, больше похожие на шорты, из штанин которых торчат кривые волосатые ноги.

– Я бы хотел у вас остановиться.

– Буду очень рад. К нам нечасто заходят гости. Две серебряные монеты в сутки – комната и еда. Это очень недорого, господин.

– Да, я знаю.

– Желаете сами выбрать комнату?

– Мне все равно. И еще одно...

– Да?

– Я ищу своих друзей. Они должны были ждать меня в этом месте.

– У меня сейчас только двое постояльцев – большой бородач, по имени Крушитель и его худощавый товарищ, имени которого я не знаю. Должно быть, они – ваши друзья?

– Да, это они. Они сейчас здесь?

– Нет, господин. Они ушли в деревню. Через мост. По делам. Вернутся только к вечеру.

– Я подожду их. У вас есть что перекусить?

– Жареная курица, господин.
– Неси.
– Э-э... – неуверенно протянул хозяин, оставаясь на месте.
– Ну, что еще?
– Понимаете, господин... Ваши друзья задолжали мне. Немного. Всего два золотых. Может... я подумал... если вы их хорошо знаете... вы заплатите за них.
– Опять! – Глеб тяжело вздохнул и сделал вид, что полез в карман за деньгами, но тотчас одернул руку и сторого сказал:
– Подожду, пока они не придут. Там и поговорим.
– Хорошо, господин. Как вам будет угодно.
– А пока неси мне эту курицу.
– Конечно.
Хозяин поклонился и скрылся за одной из дверей. Глеб не заметил, за какой именно.

2

На улице раздался шум. Застучали по доскам крыльца сапоги, заскрипели доски. Глеб услышал знакомое «Ха!», и поднялся со стула, улыбаясь входной двери.

– Ха! – еще раз сказали на улице, дверь распахнулась, едва не слетев с петель, и в тесный зал ввалился бородатый великан, размахивая массивной булавой.

– Потихе, не хватало, чтобы ты здесь еще и мебель переломал. Тогда мы и вовсе не расплатимся. – Из-за спины бородача показался невысокий воин в сияющей кольчуге. Он был худ и на первый взгляд нескладен, но Глеб заметил с какой легкостью и изяществом движется этот неприметный человек.

– Ха! Пусть этот хозяин только попробует еще раз заикнуться о деньгах.

– Ты потихе. Нам ни к чему портить репутацию.

Они заметили Глеба и замерли на мгновение.

– Ха! – выдохнул бородач. – Глеб! Пришел все-таки. Ну, молодец!

– Привет, Иван! – сказал Глеб. – А это Сергей?

– Это я. – Худощавый шагнул вперед и протянул руку. Глеб пожал ладонь, с интересом разглядывая скуластое лицо своего нового товарища. Тот, в свою очередь, изучал Глеба. – Здесь меня зовут Ксеркс.

– Я называю его Ксероксом, – хохотнул Иван. – А ты молодец, что пришел. К сожалению, у нас тут возникли некоторые проблемы.

– Долг?

– Хозяин нажаловался? – Иван по прозвищу Крушитель грозно потряс палицей в сторону одной из дверей.

– Вечная беда – нехватка денег, – улыбнулся Сергей. – Что, так и будем стоять?

Они расселись вокруг стола, на котором стоял поднос с разодранной, но еще недоеденной курицей.

– Угощайтесь, – пригласил Глеб.

– Ты же, вроде, тоже на мели? – Иван, не заставляя себя упрашивать, оторвал мясистое крылышко и сунул его в свою пасть. Сергей, поблагодарив молчаливым кивком, аккуратно взял ножку.

– Но хозяин этого еще не знает, – ответил Глеб, и великан захохотал, бухая кулаком по столешнице.

– Так что будем делать? – спросил Глеб, когда курица полностью исчезла с подноса.

– А что делать? – Иван пожал плечами. – Ляжем спать, а вот утром... – Он загадочно подмигнул.

– Что утром?

– Наклюнулось одно дельце. – сказал Сергей. – Сегодня ходили, все окончательно утрясали. Сторговались на двести золотых.

– Что за дело? – Глеб пока ничего не понимал. – С кем сторговались? Куда ходили?

– В деревню, куда же еще... – Иван зажал в пальцах трубчатую куриную косточку, крякнув, раздавил ее и получившей острой щепкой стал ковыряться в зубах.

– Если хочешь, пойдем с нами, – предложил Сергей-Ксеркс. – Крушитель мне рассказал, как ты его подрубил, да я и сам видел его раны. Боец ты неплохой, еще один меч нам не помешает. Деньги потом поровну.

– А что делать-то? Объясните толком.

– Нечисть тут завелась. Вычистить бы надо.

– Что за нечисть?..

Из двери – и опять Глеб не заметил из какой именно! – беззвучно появился хозяин. Он сдержанно поклонился и подошел к столу, намереваясь убрать с него поднос, полный обглоданных и высосанных куриных костей.

– Эй, друг, – обратился к нему Сергей, – расскажи нам про тварь, что у вас здесь бесчинствует.

Хозяин вздрогнул, сильно побледнел и, приложив палец к губам, просительно взмолился:

– Не говорите про нее громко. Пожалуйста, господин, тише. Она может услышать...

– Ладно-ладно. Ты присядь, расскажи.

Хозяин глянул на Глеба и осторожно опустил на край скамьи.

– Хорошо, – сказал он, – я расскажу, хотя вы уже все знаете...

– Наш друг хочет послушать.

– Да-да, – закивал кривоногий коротышка, – я расскажу, все расскажу. – Он встревоженно огляделся по сторонам, съежился, втянув голову в плечи, и, понизив голос до шепота, стал рассказывать:

– Мы зовем ее Выпью. Во-первых потому, что она кричит, словно болотная птица, а во-вторых... во вторых... потому, что она выпивает... всех... кто... – Хозяин побледнел еще больше. Его лицо расплывчатым пятном проступало сквозь царящий в таверне сумрак. Белое лицо с испуганными глазами и провалом рта словно висело над столешницей само по себе – в сгущающемся вечернем мраке не было заметно ни шеи, ни плеч, ни туловища. Только бледный овал лица. Лик призрака. Глебу стало жутко. Хозяин продолжал:

– Уже год она здесь. И с тех пор мы не знаем покоя... Наша деревня стоит на границе между владениями Короля и дикими землями. Но, видимо, Король забыл о нас. Он занят своим Городом, а мы слишком далеко. Слишком... Мы не знаем точно, откуда пришла эта тварь. Мы не знаем, где она живет. Некоторые говорят, что ее логово находится на дальних болотах. Действительно, иногда там слышны крики, напоминающие всхлипы выпы. Похожие на ее голос... Кое-кто утверждает, что она прячется в лесу. Кто-то говорил, что видел, как она вынырнула из-под воды. Под мостом... Я не знаю. Никто не знает... Но она приходит сюда. Приходит в деревню. Обычно ночью. И ходит вокруг домов, и плачет, рыдает, стонет, воеет... Это очень страшно. Я боюсь оставаться здесь один, потому что она однажды до самого утра бродила у меня под окнами, скреблась в ставни, стучала в двери, забиралась на крышу, хохотала в трубу... Это было невыносимо!.. Я уже почти сошел с ума, и был готов вырваться из дома и бежать, бежать прочь... Прочь... Лишь бы... Это страшно... – Хозяин всхлипнул, трясущейся рукой пригладил растрепанные волосы. – Никто не знает, как она это делает, но она... Она не пожирает людей, не раздирает их на куски. Нет. Она высасывает их. Оставляя пустые кожаные мешки, натянутые на скелет. А иной раз и этого не остается. Лишь следы. И ни капли крови... Она высасывает их. Высасывает, понимаете? Выпивает... Мы уже не держим скотину. Это бесполезно. Она легко добирается до животных. И высасывает... Раньше у каждого дома в

нашей деревне была собака. И где они сейчас?.. Коровы, овцы... Она жрет все. И людей... Керт Сапожник пропал, когда пошел в лес за дровами. Мы потом нашли его кожу. Пустую кожу, погрызенную мышами. Бесследно исчез внук старого Винса. И еще многие пропали. Иногда люди исчезали прямо из своих домов. Щербатый Малид, вечно улыбающийся, неунывающий весельчак – его дом рядом с мостом – теперь это пустой дом. Когда мы пришли утром, дверь была распахнута, а внутри никого не было. Ничего там не было. Только разбитое окно с выломанным ставнем. И распахнутая дверь... Она воет и скребет в окна, стучит в двери... Эта тварь приходила и днем. Видели, как она пряталась в тени двора. Видели под ивами на берегу реки...

– Как она выглядит? – спросил Сергей, и Глеб, поглощенный сбивчивым рассказом хозяина, вздрогнул.

– Ее нельзя рассмотреть. Она всегда прячется, всегда в тени...

– Она большая?

– Она выше меня, выше человека, но когда она крадется, то может пригнуться к самой земле, а может, наоборот, вытянутся вровень с деревьями. Так говорят...

– Где вы обычно находили останки жертв?

– На болотах. И в лесу... Я не хочу говорить об этом. Хватит. Я не смогу теперь заснуть. – Хозяин поднялся, половицы скрипнули у него под ногами, и он дернулся всем телом, и бледное лицо его исказила гримаса ужаса. Он скользнул к окну, затравлено выглянул наружу, в щели ставней, задернул старые вылинявшие занавески. Только сейчас Глеб заметил, что оконные рамы, и без того слишком узкие, заколочены досками так, что в оставшиеся щели едва ли пролезет рука человека.

– Мы здесь уже третий день, но пока ничего не произошло, – сказал Иван.

– Иногда она не появляется несколько недель, но потом... – ответил хозяин. Он постоял некоторое время у камина, глядя на тлеющие угли и затем, резко развернувшись, исчез за дверью.

– Заметь, – сказал Иван, – он и словом не обмолвился о деньгах.

– Но и ужин не принес, как обычно.

– Да уж, я голоден. Одной курицы на троих недостаточно.

– А! – вспомнил вдруг Глеб и хлопнул себя по лбу. – У меня же яблоки есть. Как раз три штуки. Он запустил руку за пазуху и извлек яблоки на божий свет. – Правда помялись чуть и запачкались...

– Ерунда! – Иван протянул руку. – Микробов здесь вроде бы нет.

– Яблоки? – удивился Сергей. – Подожди! – Он придержал руку здоровяка. – Не спеши... Ну-ка, ну-ка... – Он взял яблоко, взвесил его на ладони, встал, вплотную приблизился к камину – единственному источнику света – и несколько минут внимательно изучал плод.

Глеб какое-то время удивленно смотрел на товарища, потом сказал:

– Нормальные яблоки. Я уже два съел.

– Ты? – Сергей повернулся к Глебу. – Ты их съел? Два яблока? Оба? Просто съел?

– Ну, да...

Сергей захохотал. Он просто давился смехом. Пытался сказать что-то, но не мог.

– Ты думаешь, это они? – спросил Иван, улыбаясь. Сергей закивал, восторженно затряс своей шевелюрой, и тогда Иван тоже захохотал. Глеб смотрел на них и ничего не понимал.

Просмеявшись, Сергей спросил:

– Где ты их взял?

– В лесу. Недалеко отсюда. Там еще странная вещь произошла...

– В живом лесу?

– Да. Деревья ожили и...

– На маленькой поляне росла яблоня?

– Точно, откуда ты...

- Невысокая такая?
- Да. Что это за яблоки? Надеюсь они не отравлены? Или... еще что похуже?
- Нет, – Сергей вновь засмеялся, – Наверное, нет. Я не знаю. Понимаешь, их еще никто никогда не ел. Ты первый. Ты сожрал как минимум сотню золотых. Нет – две сотни! Два яблока.
- Как это? Почему?
- Я не могу больше, – Сергей посерьезнел лицом, но в его глазах метался бесенок. – Как думаешь, Крушитель, сколько бы за это яблоко дали в Городе?
- Сотню точно бы дали. А то и полторы. Как поторговаться.
- Вы объясните мне, в чем дело?
- Да-да... Конечно. Извини... Я просто не мог удержаться. Забавная ситуация – человек, у которого ни гроша в кармане, съедает две сотни золотых... Эту рощу, эту яблоню ищут десятки человек. Вся эта деревня, все ее жители только то и делают, что пытаются отыскать эти яблоки. И те Двуживущие, что иногда останавливаются в этой таверне, тоже ищут их...
- Так что же в них особенного?
- Ты слушай, не перебивай... Эта роща, в которую ты забрел, даю голову на отсечение, уже пропала. Она вырастает один раз в год, за один день. Она никогда не появляется на одном и том же месте. Эта живая роща просто выныривает из-под земли, и никто не знает ни времени, когда это произойдет, ни точного места. За один день вырастает яблоня, отцветает и дает плоды. Один час висят яблоки на ее ветвях. А потом все пропадает. Уходит в землю. Это волшебный лес. Волшебная яблоня. Волшебные яблоки. Цена каждого – не меньше сотни.
- Я съел две сотни золотых?
- Ну, да.
- Вот, черт! Но три еще есть.
- Слава богу, я вовремя сообразил. А то бы сожрали и их... – Сергей усмехнулся. – Кстати, неужели ты ничего там не почувствовал?
- Было что-то такое... – Глеб неопределенно пошевелил в воздухе пальцами. – Какой-то звук. Словно лопалась тонкая стальная нить, когда я их срывал. И еще... Я же не просто их срывал, они сами падали мне в ладонь.
- И ты ничего не заподозрил?
- Ну, как же... Странно конечно было... Но я есть хотел сильно... А потом деревья стали оживать. Я и побежал.
- Хорошо, что вообще ноги унес. Счастье твое, что ты днем туда зашел.
- Да уж... А что это за яблоки? В чем проявляется их волшебство?
- Тебе лучше знать. Ты же их слопал. Каких-нибудь изменений в себе не заметил?
- Глеб пожал плечами.
- Вроде нет. Правда наелся тогда быстро. Это с одного-то яблока. И силы сразу вернулись... Вот и все... Так почему же они такие дорогие?
- Вообще-то из них делают специальную мазь. Говорят, что она не дает мышцам уставать. Еще говорят, что тело, покрытое ею, приобретает прочность стали, а человек перестает чувствовать боль. Но она стоит больших денег, эта мазь. И ее никогда не бывает много – слишком редко находят подобные яблоки.
- И потому они так ценятся, – пробормотал Глеб.
- Вот именно.
- Но, значит, теперь мы богаты!
- Ты богат, – поправил Сергей.
- Мы, – Глеб упрямо мотнул головой. – Помните, что я говорил вам раньше? Там. Про объединение. Пусть это будут наши первые деньги.
- Ну, если ты этого хочешь.
- Конечно! И нам не надо будет искать эту тварь, что высасывает людей.

Сергей посерьезнел.

– Мы уже договорились и, значит, взялись за дело. Нельзя нарушать слово. Кроме денег, в Море есть и такая вещь, как репутация. Иногда она играет куда более серьезную роль, чем все прочее. Не стоит пренебрегать ею, если хочешь прожить здесь долго. И, кроме того, неужели ты откажешься от приключения?

– От настоящего приключения? – Глеб улыбнулся, помотал головой. – Конечно же, нет.

– Тем более, что за него мы получим двести монет, – пробормотал Иван.

– Цена двух яблок, – подметил Глеб.

– Если вернемся, – серьезно сказал Сергей. – Ну, ладно. Пойдем спать, поздно уже. А утром отправимся на болота. Надеюсь, нам не придется долго искать это существо, кем бы там оно ни было.

Камин уже почти прогорел. Стало совершенно темно, лишь тлели угли, подернутые пепельной серостью. Знакомые с местной планировкой Иван и Сергей с двух сторон подхватили Глеба под локти и повели в свою комнату. Запинаясь за мебель, товарищи пересекли зал и вошли в какую-то дверь – Глеб так и не смог понять в какую именно. Прошли по короткому, абсолютно беспросветному коридору, нащупали еще одну дверь, толкнули... В комнате тоже было темно, и Глеб ушиб ногу, споткнувшись обо что-то деревянное, тяжелое и большое – видимо кровать. Он встал у порога, не решаясь двинуться дальше, пока товарищи, ориентируясь только на осязание, готовили для него постель на полу.

Когда Глеб укладывался спать, заползал под одеяло, он ударился еще раз, теперь уже лбом о какой-то угол. Выругался негромко. В ответ Сергей весело сказал:

– Спокойной ночи.

Иван тоже буркнул что-то неразборчивое и сразу захрапел.

– Спокойной ночи, – отозвался Глеб.

Уже через несколько секунд все они спали в темной комнате с заколоченными окнами за накрепко запертой дверью.

Глава 8

Его уволили по сокращению.

Глеб, в общем-то, не переживал. Просто было обидно оказаться вот так вот выброшенным на улицу, с треском, со скандалом, в назидание остальным...

Зато теперь у него появилась куча свободного времени.

1

Завтрака не было.

Впрочем не появился и хозяин, чтобы вновь напомнить об оплате. И это было хорошо.

Друзья собирались недолго. Сергей натянул свою великолепную кольчугу, нацепил меч, выглянул в щель, что когда-то была окном, сказал:

– Неплохой денек.

Иван зевнул, несколько раз отжался от пола, встал, покачал бицепс, зажав в кулаке массивную палицу.

– Будем надеяться, что вечер тоже окажется не самым худшим.

Глеб наполовину вытянул клинок из ножен, посмотрел на сталь, попробовал остроту лезвия пальцем.

– Хороший меч, правда? – довольно сказал Иван.

– А где ты его взял? – спросил Глеб.

– А где берут все вещи?

– Покупают, должно быть.

– Неверно. Зачем покупать, когда можно отнять? Меч, конечно, хорош, но моя булава оказалась лучше.

– Главное не оружие, – вмешался Сергей. – Все зависит от человека. Ты лучше вспомни, каким кинжальчиком обработал тебя Глеб.

– А-а, Ксерокс, – поморщился Иван. – Просто меч не мое оружие.

– Опять ты про оружие! – Сергей махнул рукой. – Если ты знаешь основные принципы, если знаешь технику, то можешь победить и обычной палкой.

– Ну, это ты загнул!

– Проверим?! – Сергей протянул руку, предлагая спор.

– Как?

– Когда вернемся, устроим спарринг. Ты со своей дубиной, а я с обычной палкой.

– Давай. Только ничем хорошим это не кончится. Я просто размозжу тебе голову, – Иван сгреб ладонь друга.

– Глеб, разбей! – сказали оба одновременно.

И Глеб утвердил спор, рубанув ладонью по крепкому рукопожатию.

2

Друзья вышли из таверны и направились в сторону моста.

– Куда сейчас? – спросил Глеб.

– Надо бы предупредить старосту, что мы отправились спасать их деревню, – ответил Сергей. – И проверить, собрали ли они необходимую сумму.

Они прошли по дороге, поросшей лопухом и подорожником. Было видно, что путем этим пользуются нечасто.

– Странно, – отметил Глеб, – такой здоровый мост и стоит без дела. Дорога уже почти вся заросла.

– Это очень старый мост, – сказал Сергей, – Местные жители утверждают, что именно по нему возили камень из каменоломен для строительства Вечного Города.

– А разве Город строили?

– Наверняка, нет. Мне кажется, что он был всегда, как и горы, и море, и реки. Но должны же быть в Море какие-то предания и легенды...

Взобравшись на горб моста, товарищи на некоторое время остановились, любуясь открывшимся видом. Голубая нитка реки убегала вдаль, петляя среди невысоких холмов, и незаметно исчезала, терялась среди волнистой бескрайней равнины с редкими островками перелесков. Из размазанных по небу облаков поднималось солнце. На севере виделся лес – темная, иззубренная полоса, и Сергей сказал, показывая в ту сторону:

– Болота где-то там.

Прямо под мостом находилась песчаная отмель, с высоты отлично было видно, как в кристально чистой воде гуляют косяки мелкой рыбешки. Когда поблизости появлялась тень рыбы покрупнее, испуганные мальки шарахались в разные стороны – под водой словно взрывался серебристый фейерверк – а потом, убедившись, что опасности нет, рыба мелочь вновь собиралась в тесные стайки.

– На текущую воду можно смотреть бесконечно, – пробормотал Сергей. Глеб поднял на него глаза и добавил:

– И на пляску огня.

Иван, поддавшись вечному искушению сверху стоящих, плюнул в реку.

– Ладно, пойдем, – сказал он, провожая взглядом уплывающий по течению плевков, который пощипывали из-под воды недоумевающие верхоплавки.

Они спустились с моста и очутились в деревне. Самый первый дом пребывал в запустении – его крыльцо заросло крапивой, ставень на одном из окон болтался на единственной петле, само окно было разбито. Глеб вспомнил рассказ хозяина таверны, его слова про Щербатого Малида. Видимо, это был его дом.

Да и вообще, вся деревня казалась какой-то неживой. Не кричали петухи, не слышно было лая собак, мычания коров. И людей друзья пока не встретили. На многих домах ставни еще были закрыты, а возможно они и не открывались с тех пор, как появилось в этой местности ужасное существо...

Сергей и Иван уже не раз бывали здесь и потому шли уверенно и быстро, направляясь к неведомой Глебу цели. Они уже почти пересекли деревню, дошли едва ли не до самой околицы, где за низкими редкими заборами начинались огороды, и свернули с дороги, подойдя к большому дому, перед фасадом которого в изобилии росли кусты дикой малины.

Сергей стукнул в открытый ставень, крикнул:

– Хозяин! Это мы!

Через некоторое время в окне что-то мелькнуло. Друзья ждали. Вскоре они услышали шум отодвигаемого изнутри засова, и дверь в дом отворилась. На пороге показался седой старик, сутулый, худой, но еще крепкий – в нем чувствовалась жилка настоящего хозяина. Глаза его слезились на ярком солнце, и он, будто бы не замечая ничего вокруг, долго тер их сухими костлявыми кулаками, одновременно заразительно зевая. Из-за спины старика выбежали два карапуза, немного напугались, увидев незнакомых людей, спрятались за дедом.

– Пришли, – старик наконец-то соизволил заметить товарищей. – Деньги мы собрали. Еще вчера.

– Двести?

– Двести. Как и договаривались.

– Это хорошо.

– А третьего-то вашего я не знаю. – Старик разглядывал Глеба.

– Он пойдет с нами.

– Вот и правильно. Чем больше людей, тем легче будет справиться с Выпью. Сегодня она снова приходила.

– Да? – Сергей насторожился. – Когда?

– Под самое утро. Недолго была, но я ее слышал.

– А тебе не почудилось?

Старик фыркнул:

– Я стар, но мне еще ничего не чудится. И глаза все видят, и уши все слышат, и голова пока работает. А вот вы, видно, ослепли. Неужто не заметили, как пусто на улице, хотя солнце уже давно поднялось? Боятся люди. Они тоже слышали.

– Когда она убралась?

– А кто ж его знает. Мне часы ни к чему. Но темно еще было.

– Может ты заметил, в какую сторону она направилась?

– Нет, не заметил. А вы повнимательней оглядитесь. Это ведь не призрак. Следы должны остаться. – Старик грозно цыкнул на внучат, и те с восторженным визгом спрятались в избе, а сам он сошел с крыльца и направился к фасаду дома, шагнул прямо в густые заросли малины.

– Вот здесь она шумела. Подвывала, ходила. К дому не приближалась... Ага. Вот прутья поломаны...

Друзья не видели, что там делает старик. Они только слышали, как хрустят под его ногами ломкие ветви, как он бормочет неразборчиво под нос, кряхтит по-стариковски... Затем установилась тишина.

Вытянув шею, друзья пытались разглядеть хоть что-то в переплетении кустов.

– Эй, дед! – крикнул Иван.

– Иду! – откликнулся дребезжащий голос. И вновь затрещали ломающиеся прутья. Закрывая лицо одной рукой от царапающих кожу ветвей, старик выбрался из зарослей. В другой руке он что-то держал.

– Вот! – гордо заявил он. – Я же говорил, что она была здесь.

Он протянул руку, и друзья увидели на его ладони бесформенный серый комок. Длинный розовый хвост болтался меж пальцев.

В руке старик держал высохшую крысу. Мумию. Шкуру, натянутую на скелет.

– Вот примерно так выглядел Сапожник Керт, – сказал дед. – Будьте поосторожней с этой тварью.

– Уж постараемся, – усмехнулся Иван, поигрывая палицей.

– Когда вы выходите?

– Прямо сейчас.

– Она не должна была уйти далеко. Она где-то там. – Старик махнул рукой на север.

– Туда мы и направимся.

– Ищите следы. По ним вы найдете и ее.

– Возможно, еще раньше она сама отыщет нас.

– Это может быть. Очень даже может быть. – Старик закивал. – Остерегайтесь ее. Она ужасна.

– Мы справимся, – успокоил его Иван. – Так что готовьте деньги.

– Мы с радостью отблагодарим вас.

– Ладно, – сказал Сергей. – Мы уже и так слишком задержались. Пора.

– Подождите, – остановил их старик. Он ушел в дом. Через минуту он вновь появился, неся в руке дорожный мешок. Судя по всему, не пустой.

– Я слышал, – сказал старик, – что вы задолжали деньги Присту.

– Кому? – не понял Сергей.

– Владельцу харчевни.
– И здесь нажаловался! – Иван сплюнул на землю.
– Он, видимо, оставил вас без завтрака.
– И даже без ужина.
– Да. Так он обычно и поступает с должниками. – Старик улыбнулся. – Не дело идти в бой на пустой желудок. Вот возьмите. – Он протянул мешок.
– Что это? – спросил Сергей, принимая подношение.
– Хлеб, немного мяса, сыр, масло. Не очень много на троих...
– Спасибо.
– Не за что. Просто у меня есть внуки, и я хочу чтобы они жили. Жили спокойно. Здесь. Я хочу, чтобы вы победили это страшилище.
– Мы постараемся, – сказал Глеб.
– Без проблем, – уверенно заявил Иван.
– И все равно спасибо, – поблагодарил Сергей еще раз, забрасывая мешок за спину.
Не теряя больше ни минуты времени, они направились на север, туда, где темнела полоса леса, где находились болота...

Старик долго смотрел им вслед. Из дома выбежали его внуки, встали рядом с дедом, обхватив своими ладошками его шершавые узловатые пальцы, и тоже стояли неподвижно и глазели восторженно, как на солнце блестят доспехи и оружие уходящих вдаль людей.

3

Только они вышли за деревню, как Иван стал допекать Сергея, несущего мешок с продуктами.

– Ну давай перекусим, – канючил он. – Чего тянуть? Ведь со вчерашнего вечера ничего не ели. Да и в ужин-то что было? Так, на один зуб. Червячка заморить.

Глебу было забавно наблюдать, как здоровый бородатый мужик жалостливым голосом выпрашивает еду у своего невысокого худосочного товарища. А Сергей не обращал внимания на мольбы Ивана и шел легкой походкой, на полкорпуса опередив своих спутников. Только однажды он бросил, не оборачиваясь:

– Дойдем до леса, там и поедим, – и двинул плечами, словно отгородился от всего, давая понять, что разговор окончен.

Так и шли они. Глеб молчал и старался не отставать от своих более опытных товарищей. Иван все негромко, но надоедливо ныл, хоть и знал, что его не слышат. А Сергей уверенно вел их за собой.

Лес оказался не так уж и далеко. В полдень друзья уже могли видеть и отдельные пере-лески, и пики деревьев-исполинов, торчащих из единой зелено-бурой массы, и светлые прога-лины в частоколе зарослей.

– Вот теперь можно и отдохнуть, – сказал Сергей, замедляя шаг. – Нам надо решить, что делать дальше.

Товарищи быстро отыскиали место посуше да почище, устроились на сухой полегшей траве с солнечной стороны холма. Отсюда был виден и лес, и ручей, что протекал в стороне, и место вокруг было открытое, светлое, такое, что никто не смог бы подобраться к ним неза-меченным.

Сергей снял мешок с плеча, ловко кинул его Ивану.

– Посмотрим, что там приготовил старик, – пробормотал здоровяк, развязав торбу и одним махом вытряхнув ее содержимое на желтую траву.

На землю вывалились большой каравай хлеба, кусок солонины, полукруг сыра, промас-ленный сверток. И три яблока. Иван даже поперхнулся.

– Они?

Сергей поднял яблоки, взвесил на ладони, посмотрел сквозь них на солнце и сказал:

– Нет. Обычные.

– А как ты их отличаешь? – спросил Глеб.

– У твоих яблок... – начал Сергей, но Глеб тотчас поправил его:

– Наших.

– Но нашел-то их ты. Так вот. Основной признак волшебных яблок заключается в том, что через них проходит свет. Если посмотреть сквозь них на солнце, или на огонь, то они будто бы сами начинают немного светиться. Словно... – Он задумался. – Словно держишь в руках полупрозрачную линзу. Или драгоценный камень. А еще они значительно тяжелее обычных, и если покачать такое яблоко в руке, то можно ощутить, как внутри колыхнется что-то – словно желток в яйце... Ну... – Он пошевелил в воздухе пальцами. – Сложно так объяснить. Вернемся, сам попробуешь.

– А, кстати, куда ты их дел, Глеб? – спросил Иван. – Спрятал, я надеюсь?

– Сунул под матрац.

– Мог бы и поукромней местечко найти.

– Думаешь, хозяин украдет?

– Нет, конечно. Ему чужого не надо. Но он может заселить в эту комнату кого-то другого, а вот тот не постесняется прибрать к рукам то, что плохо лежит. И ладно еще, если продаст – хоть какая польза. А если, не разобравшись, сожрет? Ни себе, ни людям!

– Что-то я не видел, чтобы в таверне был наплыв посетителей.

– Это конечно так. Ну, а вдруг принесет кого нелегкая?

– Хватит, – перебил их Сергей. Он уже порезал хлеб и мясо, половину каравая убрал в мешок, а сыр и масло даже трогать не стал – все оставил на потом. – Что толку сейчас спорить? Все равно изменить ничего нельзя. Давайте есть.

Иван почесал затылок, разглядывая три одинаковых бутерброда.

– Негусто, – сказал он. – А может все сразу съедим?

– Нет! – Сергей был непреклонен. – Неизвестно, сколько мы еще проходим. Где искать эту тварь? Сколько на это уйдет времени?

– Я предлагаю просто ждать ночи, – сказал Иван. – Уверен, что она нас уже почуяла. Если она вообще здесь.

– Ждать ночи? Нет. Будет лучше, если мы отыщем ее до заката. К чему все осложнять?

– Почему осложнять? Нас же трое. Неужели мы не справимся с этим упырем?

Сергей пожал плечами:

– Мы не знаем, с чем имеем дело. Может и днем-то будет нелегко управиться. Нет, рисковать нельзя.

– Как знаешь, – Ивану было безразлично. Он разом откусил добрую половину своего бутерброда и громко зачавкал, ухитряясь говорить с набитым ртом. – Днем-то конечно лучше. Сподручней. Но ведь ее искать надо. Забредем куда-нибудь, прямо в ее логово. Заплутаем. В болото провалимся. А тут и она. А ведь можно разложить здесь костерок, никуда не торопиться. Просто подождать. Уверен, она сама придет.

– Ночью!

– Ну да. Ночью. Сегодня луна будет почти полная, насколько я помню. Так что светло будет.

– А если погода испортится?

– Ну... Костер побольше разведем.

– А если дров не хватит? Если вдруг дождь пойдет?

– Если, если... – побурчал Иван, слизывая с ладони крошки.

Глеб слушал перепалку друзей и все никак не мог понять одного.

– А с чего вы взяли, что эта тварь где-то здесь?

Иван встрепенулся:

– Да! С чего это ты решил? Если ее здесь вообще нет, что тогда делать? Возвращаться с пустыми руками? А как же твоя любимая репутация?

– Вы оба слепы, – фыркнул Сергей. – Старик же вам ясно сказал – ищите следы.

– Какие? – развел руками Иван, показывая, что вокруг ничего нет.

Не говоря ни слова, Сергей сунул в рот остатки хлеба, отряхнул ладони, поднялся на ноги и пошел вниз по склону холма. Он не сделал и десяти шагов, склонился над чем-то невидимым, закрытым рыжей травой, поднял это с земли, стоя спиной к товарищам, загораживая, не давая рассмотреть, что там у него в руках...

– Чего это он? – пробормотал Иван, заинтересованно вытягивая шею.

Глеб пожал плечами.

И Сергей вдруг развернулся резко, швырнул в их сторону какой-то грязный ком. Предмет пролетел несколько метров, кувыркаясь в воздухе и свалился прямо на колени Ивану. В ноздри ударил резкий неприятный запах. С криком омерзения Иван вскочил на ноги, стряхивая вонючий ком на землю. И Глеб увидел, что это облезлая грязная шкура. Мешок, полный костей.

Сергей вернулся к ним, посмеиваясь.

– Ты больше так не шути! – погрозил пальцем Иван.

– Пока мы шли, я встретил три подобных шкуры. Эта принадлежала лисе. Те были заячьими. А вы прошли совсем рядом и ничего не заметили.

– Конечно! – Иван был возмущен. – Мы же не грибы собирали. Чего под ноги смотреть?

– Под ноги смотреть надо всегда. И не только под ноги.

– Ладно, хватит учить. Что ты решил, Ксерокс?

– Ксеркс! – досадливо поправил Сергей, и Иван усмехнулся – он сравнивал счет. – Эта тварь здесь. Чувствуете, как пахнет от шкуры?

– Воняет! – уточнил Иван.

– Это не запах разложения. Мне кажется, что так пахнет само существо. И значит оно было здесь совсем недавно.

– Значит, будем искать?

– Да. А если не найдем, то вечером вернемся сюда и будем ждать, как ты и хотел.

Иван, морщась, отшвырнул ногой останки лисы.

– Ну и вонь! Если так пахнет эта тварь, то мимо нее мы не пройдем.

Сергей завязал котомку и забросил ее за спину.

– Возможно, это запах выделений, с помощью которых она поглощает жертву. Растворяет ее изнутри.

– Желудочный сок, что ли?

– Ну, вроде того.

– Как у мухи на хоботке, – предположил Глеб.

– Точно!

– Хватит догадок, – Иван отряхнул свой объемистый зад, брезгливо смахнул несуществующую грязь с колен. – Пора идти.

Друзья направились к близкому лесу. Теперь все они внимательно смотрели под ноги и по сторонам. Они вышли на охоту, и внутренний голос подсказывал им, что с этого момента надо быть настороже, ведь из охотников они в любую секунду могли превратиться в добычу.

Сергей поднял руку, и все замерли, дружно повернув головы в ту сторону, откуда донесся звук.

Замшелыми колоннами высились вокруг неохватные стволы деревьев. Они были совершенно голые, без ветвей, и только наверху, на макушках, там, где светило солнце, темно-зелеными тучами раскинулись густые кроны, полностью закрывающие небо.

Внизу же было мрачно, сыро и тихо. Под ногами чавкал пропитанный влагой мох, и ноги друзей уже давным-давно промокли. Сергей утверждал – а он лучше всех ориентировался в этих местах – что скоро появятся болота. В ответ на это утверждение Иван пробурчал, что, по его мнению, болота давно уже начались...

Вновь раздался хруст, и из-за огромного ствола показалась тень.

– Лось, – облегченно выдохнул Глеб, опознав животное по огромным рогам. Лось, зачем-то забредший в эту прогнившую чащобу, грустно посмотрел на людей, словно чего-то от них ждал, но так и не дождавшись, расстроено качнул головой и скрылся за колоннадой стволов.

– Жутко здесь, – поежился Глеб. Его товарищи промолчали, но достаточно было глянуть на их напряженные фигуры и лица, чтобы понять, что и они не в восторге от этого места.

– Пошли! – буркнул Иван. – Чего стоять?

Сергей встрепенулся, расслабил плечи, опустил к земле меч.

С того самого момента, как они вошли в лес, их не покидало ощущение, что за ними кто-то следит. Неотрывно, за каждым шагом, за каждым движением.

– Скоро болота, – сказал Сергей. Вроде бы громко сказал, но Иван, идущий замыкающим, не расслышал и переспросил:

– Чего?

Звуки вязли в затхлой атмосфере. Голоса казались чужими и незнакомыми.

– Идем! – развернулся лицом к друзьям Сергей. – Болота там.

И они пошли в ту сторону, где скрылся лось.

Сочился влагой мох. За друзьями оставалась цепочка вмятин, которые быстро наполнялись ржавой болотной водой.

Сергей, выставив перед собой клинок, двигался первым. За ним, стараясь держаться поближе, шел Глеб. Он тоже обнажил меч, но нес его на плече – слишком тяжело было держать оружие на весу. Иван с палицей наготове шагал последним. Он то и дело оглядывался за спину, на четкую нитку предательских следов, на тени среди стволов, на сами стволы. Ему постоянно казалось, что кто-то идет за ним. Он был готов поклясться, что уже не раз явственно слышал чавканье раскисшей почвы под ногами преследователя. Уже неоднократно он замирал, готовый к нападению, и товарищи его тоже вставали, напряженно вслушиваясь в тишину леса, но все было тихо, никто не показывался, и они шли дальше. К болотам. Но – странное дело! – стоило Ивану вновь сделать первые шаги, как он опять начинал слышать звуки преследования. Может это просто проделки эха?

Примерно через полчаса они вновь наткнулись на лося.

Сергей встал.

– Как думаете, это тот самый?

Прямо у них на пути, возле двух деревьев, свившихся стволами, лежала бесформенная груда. И если бы не рогатый череп и не клочья шерсти, разбросанные вокруг, то, возможно, они приняли бы эти останки за обычную болотную кочку, и прошли бы мимо.

Но здесь воняло. Сильно и тошнотворно.

– Даже если это и другой лось, – сказал Глеб, – то он тоже еще совсем недавно был жив. Посмотрите, шерсть не успела намокнуть.

– Верно. Эта тварь была здесь.

– И весьма плотно пообедала, – сказал Иван.

– Это хорошо. Возможно, с набитым брюхом, она станет медлительной.

– Эх! – Иван был расстроен. – Уж теперь-то она на нас не клонет!
– Не торопись с выводами.

Друзья обогнули смердящую грудку, что была когда-то лосем.

– Смотрите! – сказал Сергей, указывая на землю острием меча.

На мшистом влажном покрывале ясно виделась цепочка странных следов – многочисленных и ни на что не похожих. Невозможно было определить длину шага существа, что оставило эти следы, и потому нельзя было сделать вывод о его истинных размерах.

Теперь друзья знали, куда идти...

Чем дальше они продвигались, тем более чахлыми становились деревья. Сквозь поредевшие кроны уже виделись светлые лоскуты неба, и стволы не уходили так высоко вверх. Напротив, они изгибались замысловато, сплетались ветвями, сцепляясь корнями, душили друг друга. Лес был болен. Мшистая почва ходила под ногами, колебалась волнами, отзываясь на каждый шаг.

– Болота, – объявил Сергей.

И Глеб увидел сквозь просветы впереди белые тросточки сухих берез, вкривь-вкось торчащие на изумрудно-зеленом идеально ровном лугу.

5

Трясина манила своей гладкой зеленью. Там светило солнце, было так чисто и уютно. Но друзья знали, что под этим ровным ковром спряталась жадная, вечно голодная бездна.

– Что теперь? – Иван посмотрел на солнце. До заката оставалось еще несколько часов – слишком мало, чтобы успеть вернуться на равнину.

– Пойдем вокруг, постепенно по спирали расширяя зону поиска...

Они потеряли след у самых болот. Почва на границе леса и трясины подсохла под лучами солнца и была слишком твердой. Твердой настолько, что нога уже не оставляла на ней отиска.

– Смотрите хорошо! – предупредил Сергей. – И будьте начеку! Тварь должна быть совсем рядом.

– А что, если она живет там? – Иван вытянул руку, показывая на трясины. – Как тогда мы ее достанем?

– Из этой топи не может выбраться ни одно существо, – сказал Сергей. – Разве только призрак. Но призраки не оставляют следов.

– Много ты знаешь, – буркнул Иван, но по лицу было видно, что с доводами товарища он, в принципе, согласен.

Не теряя больше времени, товарищи закружили по мертвому лесу, стараясь не подходить к трясине слишком близко. Впрочем, даже здесь почва не казалась надежной – подавалась под ногами, пружинила, колыхалась. Местами и вовсе расползалась под сапогами, и зловонная пузырящаяся жижа сочилась из-под земли. В какой-то момент Глеб, не успев отпрыгнуть, провалился по колено во внезапно разверзшуюся топь, а пока его товарищи валили стоящий рядом ствол березы, чтобы дать увязшему опору, он ушел в грязь по пояс. И только невероятная сила Ивана помогла Глебу избежать верной гибели. А сапоги так и остались в болоте. Глеб наскоро обмотал ноги тряпками, чтобы не ранить ступни о торчащие всюду острые коряги, и друзья вновь продолжили поиски.

6

Солнце садилось. На темнеющей синеве неба проступали полосы легких облаков.

Друзья находились на болотистой поляне, усыпанной бородавками неровных кочек, которые так и лезли под ноги, сбивая с шага, подворачивая стопы. Вокруг торчали сухие мертвые

стволы, лишённые ветвей. Торчали плотно, словно кто-то специально натёкал столбы частоколом, желая максимально возможно затруднить путь.

– Надо было сделать, как я хотел, – буркнул Иван. – Только время потеряли. Забрели к черту на кулички, а все без толку.

– Поищем еще час, – усталый Сергей словно извинялся, – а потом найдем местечко понадежней и заночуем. Впрочем, спать не придется, если хотим выжить.

– Где ты здесь видишь надежное укрытие? – Иван сердился, но не на товарищей своих, а на собственное изнеможение, на промокшие ноги, на пустой желудок, на эту тварь, что завела их сюда. Он с досады хватил палицей по ближайшему корявому столбу, что высывался из поросшей осокой бугров, ожидая, что от удара ствол рассыпется в труху.

Тут-то все и началось.

Кривая палка толщиной в бедро человека, высотой в человеческий рост не развалилась и не сломалась. Она покачнулась, дернулась и стала вдруг расти. Тяжело шевельнулась почва под ногами, с хлопаньем разошлись в стороны кочки. А палка все тянулась вверх – ржавая вода и вонючая грязь сбегала по неровной коре.

Коже?

– Назад! – крикнул Сергей, и друзья отскочили, все еще не понимая, с чем встретились.

Вытянувшийся столб – нога! – сломился на середине, изогнулся в суставе, оперся о землю, напрягся в усилии. Чавкнув, лопнул тонкий слой почвы. Блеснула болотной ржавчиной вода. И из трясины, опираясь на единственную ногу, стало подниматься нечто, облепленное тиной и грязью. Словно пук торчащих в разные стороны веток, сучков, толстых стволин и ломких прутьев. Над болотами пронёсся дикий, леденящий душу не то вой, не то визг, переходящий в подобие скрипучего хохота.

– Выпь!

– Черт! Куда же ее бить? У нее и тела-то нет!

Друзья пятились, растерянно наблюдая, как существо выбирается из-под земли. Теперь, когда все переплетенные конечности твари заняли нормальное положение, она стала напоминать богомола-палочника гигантских размеров. Тонкое щетинистое бревно туловища увенчано маленькой головкой с длинным подрагивающим хоботком, с заостренного конца которого непрерывно капает вязкая вонючая жидкость. Шесть ног – или больше? – поддерживают тело в вертикальном положении. Две острые зазубренные конечности, похожие на пилы, опасно раскачиваются перед корпусом.

– Вперед! – крикнул Иван, но в голосе его не было слышно боевого задора.

Тварь уже полностью выбралась на поверхность. Кочки сомкнулись, спрятав под собой трясину.

– Окружаем, – сказал Сергей, и друзья стали медленно расходиться, окружая Выпь.

Все происходящее не было похоже на доблестный бой героев с нечистью, по крайней мере в представлении Глеба. Перед ними был враг, а они нерешительно и толком не зная, что делать, подкрадывались к нему. Трое на одного. Не так он представлял эту схватку.

И тут Выпь, заметив движение, метнулась прямо на Глеба. Двигалась она стремительно. Суставчатые конечности, словно пружины, толкали сильное тело. Два мертвых дерева, оказавшиеся на пути твари, рассыпались трухой и кусками коры.

Глеб отскочил, но Выпь оказалась быстрее. Развернувшись подвижным корпусом, тварь зацепила человека загнутыми когтями передних конечностей.

Глеб взвыл. Левое плечо ожгло болью. В глазах потемнело. Он вслепую отмахнулся мечом, не попал, и оружие едва не вырвалось у него из руки.

– Держись! – прорвался далекий голос сквозь звон в ушах.

Выпь тянула его к себе. Глеб уперся ногами с огромное поваленное дерево, обхватил свободной рукой лапу существа, не давая разорвать плечо, а клинком все колотил по длинной

конечности, вцепившейся в него. Но он находился в неудобном положении, и каждое движение отзывалось болью, да и Выпь была полностью покрыта каким-то твердым панцирем, возможно хитиновым, и меч лишь слегка царапал его, не причиняя ни малейшего вреда уродливой твари.

Глеб быстро слабел от боли и напряжения. Он ясно видел подрагивающее жало хоботка, истекающее вонючей жидкостью. Четыре пары желтых глаз. Непрерывно двигающиеся жвалы.

– Держись! – Слева от Выпи появился Сергей. Он размахнулся и вонзил клинок в короткую шею твари, туда, где в хитиновом панцире была узкая щель. Богомол-переросток взвыл и, не отпуская Глеба, дернул ногой, отшвырнув Сергея в сторону.

– А вот и я! – проревел Иван, размахиваясь массивной булавой так, что Глеб невольно зажмурился. Иван ударил по плоской голове Выпи, метя в один из глаз. Ударил страшно, впечатал в череп шипастый шар палицы. Что-то хрустнуло, и Глеба забрызгало липкой жидкостью. Хватка твари ослабла. Собравшись с силами, Глеб рванулся и освободился от вцепившихся в его плечо загнутых крючьями когтей. Он перехватил меч двумя руками и, не обращая внимания на боль, принялся колоть, целя в желтые глаза, в щель на шее, в слабозащищенные суставы.

Пришел в себя оглушенный Сергей. Подскочил, еще пошатываясь, встал рядом с товарищами.

Выпь теперь только отмахивалась от направленных на нее ударов. Тело ее раскачивалось на подпорках ног, передние конечности отражали выпады воинов. Сейчас она возвышалась над людьми и потому в ее голову было тяжело попасть. Впрочем, она уже лишилась нескольких глаз. Иван, орудуя булавой, дробил суставы многочисленных ног. Трижды Выпь отшвыривала его в сторону, но каждый раз он поднимался, как ни в чем не бывало, и вновь продолжал свою тяжелую работу, похожую на монотонный труд кузнеца-молотобойца.

Жить твари оставалось считанные минуты. Это отлично понимали товарищи, и воодушевленные близкой победой они еще усердней били, кололи, рубили... Поняла это и Выпь. Может и была у нее толика разума, или же подсказал инстинкт, но тварь вдруг завизжала, подпрыгнула высоко, перемахнула через Ивана, сбив его с ног, и стремительно понеслась прочь, мотаясь из стороны в сторону, прихрамывая, припадая сразу на несколько перебитых конечностей. С треском разлетались в стороны сухие древесные стволы, чавкали кочки, окунаясь в жижу словно поплавки.

– За ней!

– Черт! – Иван вскочил с земли. – Если уйдет, денег не получим!

Спотыкаясь, товарищи бросились следом.

Тварь уже скрылась за деревьями, но поваленные столбы мертвых деревьев и наполняющиеся рыжей водой следы выдавали путь, по которому она пробежала. Преследование началось.

Иван задыхался. Он не привык бегать. Тяжело дыша и негромко ругаясь, он старался не отстать от друзей. Несколько раз он запинался и со всего размаху утыкался лицом в грязь. Тогда его ругань становилась громче, и Сергей и Глеб оборачивались на бегу, проверяя, все ли в порядке.

– Не ждите! – махал рукой Иван. – Я догоню! – Он поднимался и вновь упрямо спешил вперед, проклиная собственную неповоротливость, чертову тварь, чертовы болота, и все прочее, что имело несчастье попасться ему на пути.

Глеб и Сергей выбежали на маленькую поляну и увидели, как Выпь погружается в болото. Кочки раздались в стороны, и тварь медленно уходила под воду. Уже нижние конечности и половина туловища скрылись в топи. Завидя людей, Выпь заверещала и замахала перед собой когтистыми длинными лапами.

– Руби! Руби! – яростно выкрикивал Сергей, пытаясь достать мечом до шеи ускользающего существа. Подойти вплотную было невозможно – разверзшаяся хлябь поглотила бы человека.

Где-то позади пыхтел Иван. Он еще только приближался к поляне.

Полуторный меч Глеба был значительно длинней, чем клинок Сергея, и Глеб жалил плечи, туловище, шею, голову твари, но, все равно, уколы были слишком слабы, чтобы добить раненую Выпь. Она уже наполовину ушла – сейчас свернется в клубок и полностью исчезнет в рябой вонищей жиже, спрячется под кочками, а откуда ее не выманить, не достать.

– А-а! – иступленно проревел Иван, врываясь на болотную плешь. Он увидел ускользающую добычу и, не раздумывая ни единого мгновения, отчаянно бросился прямо в топь. Он прыгнул на спину Выпи, каким-то чудом сумел там удержаться, размахнулся, что было силы и обрушил палицу на череп создания. Тварь завизжала, закрутилась в болотине, пытаясь сбросить с себя человека, и ей это удалось, но уже падая, Иван успел еще раз ударить ее по плоской голове, попав прямо в пробитую в черепе дыру, в кашу мозга. Визг оборвался, Выпь дернулась несколько раз, ее желтые глаза погасли, и она безвольно обмякла, рухнула, развалилась, словно превратилась в кучу обычного хвороста.

Иван, провалившийся в топь, вцепился в мертвое существо. Их обоих медленно засасывала трясина.

Сергей бросился на помощь другу, Глеб уже волочил бревно.

– Рубите! – прокричал Иван. – Отрубите у нее что-нибудь!

– Выбирайся! Давай, хватай!

– Оставьте! Успею! Рубите ее!

– Зачем?

– Доказательство, что мы убили ее! Сейчас утопнет!

– Плевать на деньги!

– Нет! Рубите!

– А! – Сергей словно взбесился. – Дурак!

Выпь уже ушла в вонищую жижу по самую шею. Одна из ее когтистых передних конечностей вытянулась на кочках, но и она постепенно погружалась в топь, вслед за остальным телом. Сергей подскочил к этой кошмарного вида лапе и тремя взмахами отрубил ее по суставу.

– Доволен?! Выбирайся!

Иван утонул по грудь. Он держал одну руку над водой, вторая скрылась в трясине. Глеб сунул ему бревно. Вдвоем с Сергеем они налегли на ствол и подтолкнули его вплотную к тонущему.

– Хватай! Да двумя руками хватай! Не одной!

Иван напрягся, натужно надул щеки и выволок-таки руку с зажатой в кулаке булавой. Он повис на бревне, пополз по нему под подбадривающие крики товарищей. Медленно, нехотя, топь отпустила свою жертву.

Иван выбрался на относительно твердую почву, стал счищать с себя зловонную тину. К нему подскочил разозленный взъерошенный Сергей:

– Дурак! – Он отвесил подзатыльник вымокшему товарищу, и богатырь втянул голову в плечи. Глеб, не выдержав, захохотал. На него посмотрели дико, но он не мог остановиться и все покатывался со смеху.

Иван покрутил пальцем у виска, спросил:

– Чего это с ним, Ксерокс? – чем вызвал у Глеба новый приступ хохота.

Рассерженный Сергей скрипнул зубами:

– Ты же чуть не утонул!

– А-а! – Иван пренебрежительно отмахнулся и стал разглядывать свою палицу. Рукоять изогнулась, словно была сделана не из металла, а из пластилина. Шипы сплющились от мощных ударов о твердый хитин.

– Да-а... – пробурчал Иван. – А ведь мне ее по заказу делали. Хороший был инструмент. – Он размахнулся и забросил покореженную булаву в трясину. Булькнув на прощание,

палица исчезла в пузырящейся темной воде. Через несколько секунд болото полностью всосало и мертвое тело Выпи. Вновь сошлись кочки, словно закрылся занавес в последнем акте трагедии.

Глеб просмеялся.

– Вот и все, – буркнул Иван. – Теперь придется новую палицу заказывать.

Сергей поднял на друга глаза, минуту пристально разглядывал его: насквозь мокрого, на лице ржавые подтеки, в волосах, в бороде – грязь, и вдруг рассмеялся, зашелся в хохоте.

– Теперь и этот! Да, что с вами?

Улыбающийся Глеб только развел руками.

Глава 9

Первый раз за весь последний год позвонила из столицы мачеха.

– Как ты там?

– Нормально.

– Еще не женился?

– Не переживай, на свадьбу позову.

– Ведь уже скоро тридцать будет.

– Спасибо, что напомнила...

Пауза. Какие-то призрачные голоса в трубке. Бормочут что-то тихо, неразборчиво. Живут там себе в проводах...

– Работа как?

– Уволился.

– А живешь на что?

– Да так, помаленьку. Кальмлю. Пособие сейчас порядочное. Не голодаю.

– Может тебе денег выслать?

– Не надо...

Долгий вздох.

– Все сердился?

– Я никогда на тебя не сердился!

– У тебя голос, как у отца.

– Ты мне это уже говорила.

– Ну ладно, сынок...

– Не называй меня так!

– Извини...

Долгая пауза. Вроде бы тихие всхлипывания. Или это помехи на телефонной линии?

– Ма?.. Ты здесь? Слышишь? Прости. Я не должен так был говорить. Просто все тут... как-то...

– Я понимаю. До свидания, Глеб. Звони, если что.

– Прости.

– Конечно...

Трубки они повесили одновременно.

1

Ночь они провели в лесу, так и не успев выбраться на равнину до наступления темноты. Спали по очереди: двое дежурили, развлекая друг друга разговорами, один отдыхал.

Огня развести не смогли – влажные дрова, собранные в округе, не хотели заниматься от искр, которые обильно высекал на растопку Сергей, орудуя кремнем и кресалом. Трут, которым он обычно пользовался, безнадежно отсырел. И потому всю ночь пришлось сидеть во мраке, сырости и холоде. И только голод, благодаря старику из деревни, не мучил их. Сыр, остатки хлеба и масло пришились как нельзя кстати.

В лесу было жутко. Постоянно раздавались какие-то звуки, идущие непонятно откуда: трески, шорохи, постукивания. Иногда казалось, что совсем рядом – лишь руку протянуть – стоит в темноте кто-то или что-то и тяжело дышит, переступает с ноги на ногу, едва слышно бормочет. Приходилось вставать и, чувствуя, как замирает сердце, обходить место ночевки. Конечно же, никого вокруг не было. Но стоило сесть на место, как вновь слышались эти устрашающе тихие звуки.

Под утро, когда усталость туманила рассудок, стали видеться страшные фигуры. Какая-нибудь коряга в отдалении вдруг превращалась в силуэт. И глаз уже видел и голову, и руки, и ноги этого неподвижного до жути существа, отмечал странную позу молчаливого пришельца, выступившего из леса, и хоть разум и подсказывал, что там просто-напросто торчит из земли обычный корявый пенёк, но холодящий трепет пробегал по коже, ерошил волосы, и хотелось окрикнуть готовую ожить корягу, и глаза постоянно возвращались к тому месту, проверяя, не пропала ли фигура пришельца. Не сгинула ли во мрак.

Бессонная ночь в лесу сводит с ума...

Только забрезживший рассвет развеял ночные страхи.

Низовой туман опутал землю густыми тенетами. Клубы испарений поднимались от холодной почвы, колыхались, словно это призраки вставали из могил. Но серый утренний свет, с трудом пробивающийся сквозь густые кроны деревьев, вселял в сердца отвагу...

Не дожидаясь, пока полностью развиднеется, друзья покинули недоброе место.

Они слегка заплутали в чаще, но вскоре поднявшееся солнце подсказало им верное направление, и через несколько часов товарищи вышли на луга.

2

Сперва они увидели горб Сторожевого Моста, а поднявшись на вершину соседнего холма, смогли разглядеть и домики деревни, и кривобокую харчевню на том берегу реки. На огородах работали люди. По пыльной улице носились ребятишки.

Через полчаса друзья вошли в селение.

Их увидели издалека и вышли встречать. Крестьяне толпились у крайнего дома – у дома старосты. Глеб видел, что лица людей тревожны, но полны надежды. Народу было много – собралась все жители: и женщины, и дети, и старики...

Сутулый дед выступил вперед, когда еще друзья были далеко, и пошел им навстречу.

– Все ли хорошо? – спросил он, и в голосе его слышалась тревога.

Не говоря на слова, Сергей стянул с плеча торбу и вытащил длинный коготь – обрубок страшной лапы Выпи. Он поднял его над головой, и хотя крестьяне не видели, что там держит этот воин в кольчуге, они поняли победный знак и заволновались, зашевелились.

Староста приблизился к друзьям, мельком глянул на жуткий обрубок и по очереди обнял каждого из победителей.

– Ладно тебе, старик, – Иван старался не показать, что растроган. – Готовь лучше деньги.

– Все будет, все будет, – затряс староста бородой. – Спасибо вам...

Они вошли в деревню, и крестьяне расступились, восторженно плясая на своих спасителей. Сергей швырнул им под ноги обрубленный коготь, и люди сперва шарахнулись в стороны, а потом набросились на обрубок и стали топтать его, колотить палками, пинать. Набежали мальчишки, схватили коготь из пыли и потащили куда-то, визжа и швыряясь им друг в друга...

Староста привел их к своему дому. Внутри приглашать не стал, а оставил ждать перед крыльцом. Впрочем, друзья не обиделись – Двуживущим незачем знать, как живут Одноживущие. Через минуту старик появился, держа обеими руками туго набитый тряпичный мешочек. Судя по всему, ноша его была достаточно тяжела. Он спустился к товарищам и, угадывая в Сергее старшего, протянул ему звякнувший узелок.

– Двести монет, – сказал старик.

– Хорошо, – Сергей с достоинством взял плату за спасение. Повертел в руках, не зная куда пристроить. Староста, поняв его замешательство, сказал:

– Торбу, что я вам дал, оставьте себе.

Сергей кивнул и положил деньги в заплечную сумку. Он не стал пересчитывать – Одноживущие никогда не обманывали.

В сопровождении постепенно редющей толпы – селяне возвращались к своим делам – товарищи направились к мосту. К реке они подошли уже без свиты.

Поднявшись на мост, они оглянулись и долго смотрели, как копаются в земле крестьяне, как бегают в горячей пыли малышня, как небольшими группами собираются старики, беседуют о чем-то, размахивают руками...

– Приятно все-таки, – сказал Иван, улыбаясь.

– Через месяц они уже забудут, что мы их спасли, – Сергей, перегнувшись через ограждение, смотрел в прозрачную воду, где золотился песок, где гуляла мелкая рыбешка, где шевелились зеленые космы водорослей. – Через месяц заведется какая-нибудь очередная пакость. Придет с диких земель. И вновь они начнут собирать деньги для новых героев. Уж такова их жизнь. Жизнь в Приграничье...

Друзья спустились со Сторожевого Моста и пошли к харчевне.

Теперь у них были деньги, и они собирались изрядно поистратиться.

3

Хозяин харчевни ни разу не обмолвился о долге. Он был необычайно тих и приветлив. Подобострастно улыбаясь своим гостям, он накрыл стол, стоящий возле самого камина, и, несколько раз поклонившись, тихо исчез за какой-то дверью.

Угощение было царским. Три вида хлеба, не считая румяных пирогов с грибами и луком. Мясо: тушенная баранина, копченая жирная свинина, зажаренный говяжий бок и огромный гусь, запеченный целиком. Свежий сыр, тонкие, чуть кисловатые пластинки которого так и таяли во рту. И, конечно же, пиво – свежее, прохладное, приятное языку и рассудку.

Друзья неторопливо наслаждались роскошной пищей, щурились, разомлев, на огонь в камине, негромко разговаривали о разных пустяках.

– Кузнец у них, вроде бы, есть, – рассуждал раскрасневшийся Иван. – По крайней мере, кузня стоит.

– Есть у них кузнец, – кивал Сергей.

– Вот и надо бы до вечера заказать ему новую булаву. А то негоже Двуживущему без оружия ходить.

– Зачем тебе булава? – посмеивался Сергей. – У тебя кулак почище палицы будет...

Пока хозяин накрывал стол, Глеб успел сходить в комнату и проверить, на месте ли волшебные яблоки. Все было в порядке – они по прежнему лежали под матрасом, там, где он их и оставил. Теперь, сидя за столом, Глеб прикидывал, какую сумму он получит, и на что надо потратиться в первую очередь. Он рассуждал вслух, интересуясь мнением друзей:

– Даже если за яблоки удастся выручить лишь по сто монет за каждое, то всего у нас будет пятьсот монет.

– Поровну не делится! Надо торговаться, чтобы в сумме выходило шестьсот золотых. Тогда все считается без проблем, – поучал Иван.

– В любом случае, выйдет больше ста пятидесяти монет на человека. Это же огромные деньги!

– Что ты, Глеб! – Сергей усмехнулся. – На них ты не купишь даже рукав от такой кольчуги, как у меня.

– А что в ней особенного? В городе я видел подобную вещицу всего за тридцать монет.

– Вот именно, что подобную. Моя кольчуга гномьей работы. Ей сотни лет по исчислению Мира. Кроме того, на нее наложена какая-то магия, пока я не разобрался, какая именно, но

рано или поздно пойму и это. Такие вещи часто имеют собственные имена. И откликаются человеку, знающему это имя.

– Все равно, сто пятьдесят монет – большие деньги.

– Да, на них можно долго жить. Но купить что-то достойное... А знаешь ли ты, сколько стоит обучение у мастера фехтования? Пятьдесят монет за урок. Конечно, ты и сам можешь постигать искусство боя, но на это уйдет значительно больше времени, ведь ты будешь заново изобретать велосипед. Учиться на собственных ошибках. И, кто знает, может одна из этих ошибок окажется смертельной...

Камин потрескивал, угли иногда вылетали на железный лист, прибитый к полу и тлели там, постепенно угасая. Хоть на улице и был день, но внутри харчевни было сумрачно. Маленькие окна, по-прежнему заколоченные досками, выходили на теневую сторону и находились так низко, что растущая перед стенами высокая трава местами полностью закрывала грязные стекла.

– Здесь все слишком разобщены, – рассуждал Глеб. – Каждый существует исключительно ради себя. Мир эгоцентризма. Помните, что я говорил про союз? По-моему, сейчас самое время его создавать. У нас есть эти деньги – стартовый капитал, их надо как-то прокрутить, увеличить. Открыть счет в банке...

– Неужели ты собрался здесь заниматься бизнесом? – поморщился Иван. Сергей слушал внимательно, похоже, он разделял мнение Глеба.

– Может это и скучно, но здесь, как и в реальном мире, деньги играют не последнюю роль. Кто держит капитал, тот может взять наемников, приобрести недвижимость, оружие, – Глеб вспомнил Рябого Пса, – купить информацию.

– Да. Капитал необходим, – поддержал Сергей. – Фонд взаимовыручки.

– Просто фонд.

– Общак, – усмехнулся Иван. – И как ты представляешь этот союз?

– Ну, – Глеб задумался. – Во главе организации должен стоять один человек. Это однозначно: в такой структуре необходима жесткая власть. Беспрекословное подчинение вышестоящему начальнику. Как в армии. Под ним должны находится его ближайшие товарищи. Друзья, на которых он может полностью положиться...

– Сложно найти здесь друзей.

– Надо искать. Я думаю, нужна какая-то идея... Что-то, что свяжет людей вместе. Нечто такое, что позволит чувствовать себя одной семьей.

– Мафией? – усмехнулся Сергей.

– Если угодно. – Глеб кивнул. – Вот почему мы вместе? Почему вы доверяете мне, а я вам?

– Потому что мы знаем друг друга в обоих мирах.

Глеб просветлел лицом:

– Да! Совершенно верно!

– Но нас только трое. И тебя-то мы встретили случайно. Повезло...

– «Эй, парень, тебе не кажется...», – напомнил Глеб и засмеялся.

– Глеб прав. Объединение нужно. Рано или поздно, до этого додумается кто-то другой, и лучше бы нам оказаться в числе первых. Группа сможет контролировать территории, будет оказывать поддержку своим людям, отстаивать собственные интересы...

– Национальная идея! – восторженно воскликнул Глеб, перебивая Сергея.

– Что?

– Нам необходимо объединять людей, живущих в границах нашего государства. Вот, что будет связывать членов организации. Гражданство. Патриотизм, в той или иной степени.

– В этом что-то есть.

– Это будет объединение, каждого члена которого его товарищи будут знать в лицо не только в этом мире, но и там, в реальности. В этом гарантия единства.

– Но ведь это мир одиночек. Ты сам сказал. Захотят ли люди быть простыми винтиками сложного механизма?

– Человеку необходимо принадлежать какой-то группе. Это потребность сидит внутри. А кроме того, у нас не будет рядовых исполнителей – каждый должен быть незаменимой частичкой, осознающей собственную значимость.

– Мне нравится, – сказал Иван. – Но как это сделать?

– Постепенно.

– Хороший ответ.

– И верный.

– Нужно название.

– Ну, скажем, Тайное Сообщество, – предложил неуверенно Иван.

Друзья фыркнули.

– Альянс... – Сергей задумался. – Альянс... Трех!

– Почему трех?

– Ну, это же мы придумали. Втроем, здесь.

– По-моему, надо быть проще, – сказал Глеб. – Путь будет просто Альянс. Или... нет... Лига!

– Лига Чемпионов? – усмехнулся Иван.

– Просто Лига.

– А что? Лига! Неплохо.

– Не все ли равно, как назвать?

– Добро пожаловать в Лигу, парень! – Сергей сжал кулак и вытянул руку над столом. Иван последовал его примеру. Глеб улыбнулся, накрепко стиснул пальцы и тоже выставил перед собой руку. Друзья, заговорщически глядя друг другу в глаза, свели кулаки вместе.

4

Ближе к вечеру, изрядно подкрепившись и набравшись пивом, Глеб и Иван покинули харчевню, предварительно щедро расплатившись с хозяином. Сергей не изъявил желания прогуляться.

– Посплю пару часиков, – сказал он.

Ивану нужна была новая палица, и товарищи, перейдя Сторожевой Мост, направились к кузне.

Кузница – небольшое каменное здание, тесное, но достаточно высокое, без окон, с вечно открытой дверью, с проломленной крышей, над которой торчал столб кирпичной трубы, стояла в стороне от деревенских домов и довольно далеко. Видимо, для того, чтобы звон молота о наковальню не тревожил селян.

Друзья не пошли деревней. Они свернули с дороги и зашагали по высокой траве, напрямик, срезая путь.

Над проваленной крышей кузни вился легкий дымок. Подходы к каменной избушке заросли дремучей крапивой и лебедой. Узкая тропка утыкалась в раскрытую дверь.

– Эй! – крикнул Иван. – Заказ примите?

– Заходите, – пригласил густой голос изнутри. – Нынче любым заказам рады.

Друзья, пригнувшись, шагнули в кузницу. Здесь было темно, несмотря на распахнутую настежь дверь. Ало светились угли в открытом горне. Всюду на стенах висел кузнечный инструмент: всевозможные щипцы и клещи, молотки и кувалды разных размеров и форм. Две наковальни, одна побольше – вся металлическая, другая поменьше – на деревянной плахе, вросли

в плотно утрамбованный земляной пол. Кузнец, коренастый, широкоплечий, с бочкообразной грудью и мощными руками тоже словно врос в землю. На нем была грязная рубаха, вся в пропалинах, рукава ее были небрежно закатаны. Кожаный фартук прикрывал грудь, живот и ноги до колен. Угольно-черные волосы, не знающие расчески, сбились в колтун.

– Уж не победители ли Выпи пожаловали ко мне? С каким же это делом?

Иван выступил вперед.

– Булава мне новая нужна.

– Булава? – Кузнец, прищурившись, окинул взглядом фигуру богатыря. – Какая именно?

– Ну, какая была...

– А какая была? Булавы разные бывают. Можно сделать только набалдашник, насадить его на дубовую рукоять. Можно всю из металла выковать, цельную. Можно с лепестками, чтоб доспехи прорубать. Можно с шипами, чтоб черепа дробить. А можно и обычную колотушку сделать. Я ведь известный мастер по оружию был. Суомитом меня кличут. Может слышали? Коваль, каких еще поискать надо...

– Я хорошо заплачу, – сказал Иван, решив, что кузнец набивает цену.

– Хорошая работа лучше, чем любая плата.

– Вот и отлично. Значит, сделаешь?

– А вот это вряд ли.

– Почему? Материала нет?

– Есть. Все есть. И уголь, и железо уже в слитки сбитое. И инструмент в порядке... – Кузнец говорил неторопливо, загибал корявые пальцы, перечисляя. Было видно, что ему, трудяге-одиночке, просто нравится общаться.

– Так в чем же дело?

– Молотобойца у меня нет. Булава – работа серьезная. Не подкова там или гвоздь. Здесь в одиночку не справиться. Впрочем, если ты мне поможешь...

Нечасто Одноживущий обращался на «ты» к настоящему человеку, у Двуживущему. Но Иван – и сам парень простой, не обратил на это внимания.

– Какой разговор? Только я не умею.

– Дело нехитрое. Я молотком стукну – ты туда кувалдой бей. Раз ударю – бей в полсилы, два раза – бей со всей мочи, а если вдобавок еще звякну по наковальне – бей с оттягом. К вечеру, глядишь, научишься. А друг твой пусть меха раздувает. Нечего ему без дела стоять.

– Поможешь, Глеб? – спросил Иван, стягивая рубаху через голову.

– Конечно... – Глеб встал к рычагам мехов, дунул пробы ради на угли. Слетели струпыя пепла, взвились искры, обдало горячим жаром.

– Эй-эй, – кузнец засмеялся, – рано еще! А ты, здоровяк, бери вон тот молот, да смотри не сломай! Здесь не только в силе дело, но и с умом надо, с оглядкой да с разумением.

Сам он взял небольшой молоток на длинной ручке, сунул его за пояс, снял со стены щипцы.

– Так какую тебе булаву надо?

– А какую сделаешь. Главное покрепче, да потяжелее.

– Вот это верно. Ты мне доверься, а уж я тебе оружие достойное выкую, не хуже гномьего. Суомит свое дело знает. Суомит – лучший оружейник в округе. Да что толку – крестьянам оружие ни к чему. Да и подковы уже не нужны стали – всех лошадей Выпь повывела. Куешь одни гвозди, да скобы, засовы и оконные решетки. Эх!..

Кузнец щипцами вынул из большой бочки бесформенный кусок металла, бросил на наковальню, позвенел, поворочал, прислушиваясь. Недовольно скинул его на землю, достал еще один. И этот чем-то не устроил – тоже полетел на пол. А вот услышав звяканье третьего, Суомит улыбнулся ему, словно встретил старого друга, сказал:

– Вот это как раз то, что надо! Для клинка не пойдет, а для доброй палицы – самое дело. Ну-ка, парень, наляг на меха. Поддай жару!

Глеб послушно надавил на рычаги. Меха ходили тяжело, с подсвистом, со скрипом. Жар сразу опалил лицо. Глеб мгновенно вспотел, но остановиться не мог ни на секунду. Суомит все подгонял:

– Давай еще! Вот так! Хорошо! Приналяг!..

Кузнец сунул массивную болванку в горнило, зарыл в рдеющие уголья. Блаженно улыбаясь, стал следить, как краснеет, наливается жизнью металл. Кузнец, явно, наслаждался этим зрелищем. Затем он щипцами выхватил светящуюся заготовку, бросил ее на наковальню. Удерживая, стукнул молотком один раз. И Иван, размахнувшись, ляпнул кувалдой точно в это же место.

– Потихе! – рассмеялся кузнец. – Наковальню мне не разбей!

И пошел такой перезвон, что у Глеба заложило уши.

Веселое звонкое перестукивание разлилось над деревней, над полями, потекло на окрестные луга, за холмы, за реку. Крестьяне отрывались от работы, поднимали головы и смотрели в сторону далекой кузни, сплошь заросшей бурьяном. Над ее крышей из кирпичной трубы вырывался сноп искр, взвивался бешеной поземкой, огненным смерчем. Лизали небо языки пламени. Казалось, что не кузнечная работа кипит внутри, а некое полыхающее волшебство творится там под грохот, лязгание и перезвон...

– Поддай! – кричал кузнец, и Глеб налегал на меха. Лицо пылало, глаза заливал едкий пот, дым щекотал горло. Ныли от усталости руки, на ладонях вздулись водянистые мозоли, хотелось все бросить, но кузнец кричал:

– Жарь! – и Глеб послушно жарил, забыв обо всем.

И вновь стучал указующий молоток, и тяжело лязгала кувалда. Металл на наковальне приобретал форму. Слиток железа постепенно превращался в оружие.

– Жарь! – Будущая палица тонула в пылающих углях.

Оглушительный лязг – булава на наковальне.

Вновь:

– Поддай!

И грохот.

И снова: «Жарь!»...

Глеб потерял счет времени. Звенящие секунды слились в часы, минуты отмерялись криком «Поддай!».

Он не заметил, что на улице уже стемнело. Наступил вечер.

Но он видел, как из пламени под молотом рождается оружие...

– Хватит! – крикнул кузнец. Он выхватил откованную булаву прямо из-под удара кувалды, бросил в чан. С шипением взметнулось вверх облако горячего пара. Расползлось туманом по потолку, окутало жаром всю кузню. Алый свет, идущий от горна, померк.

– Хватит, – повторил кузнец, довольно улыбаясь. – Хорошо поработали! Славно!

– Уже все? – спросил Иван, опуская молот.

– Ишь, какой шустрый! – восхитился Суомит, потирая руки. – Рано еще. Лишь часть работы сделана.

– Дай хоть посмотреть, что вышло, – Иван дернулся было к чану, но кузнец преградил дорогу:

– Не порти вещь! Сглазишь, испортишь, придется все заново делать. Железу отдых нужен. А уж потом я его выдержу как надо, закалю, отпущу. Оглажу, отшлифую. Шипы наострю, шорох сточу. Всю ночь здесь буду... Идите домой. Завтра к обеду все будет. Тогда и вернетесь.

– Сколько спросишь? – поинтересовался ценой Иван.

– Завтра в руки возьмешь – сам оценишь. А заплатишь по собственному разумению.

– Договорились!

Суомит кивал, и Глебу показалось, что кузнец ждет-не дождется, когда они с Иваном уйдут, чтобы вновь приняться за работу. Тайную, секретную, где чужой глаз лишь помеха.

– Пойдем, – сказал Глеб и потянул друга к выходу.

– Завтра в обед, – крикнул Иван на прощание...

Была ночь. В высокой траве сонно стрекотали сверчки, но оглушенный Глеб думал, что это просто звенит в ушах.

Друзья прошли несколько метров, держа направление на проблески воды и горбатую тень моста, и оглянулись.

Над деревней поднималась багровая луна, огромная и выпуклая. В темном бархатном небе блистали звезды. Холмистый горизонт вырисовывался четкой линией без полутонов. А над кузней словно вился рой алых светлячков – в ночном воздухе причудливо танцевали горячие искры.

5

Они проспали всю ночь и утро, проснулись лишь к самому обеду.

– Ну, дрыхнуть вы мастера! – приветствовал их пробуждение Сергей. – Как сходили?

Не говоря ни слова, Глеб вытащил непослушные руки из-под одеяла и показал ладони, сплошь покрытые лопнувшими пузырями мозолей.

– Да-а! – Сергей покачал головой. – Видно, славно отдохнули.

– Хорошо было! – Иван вылез из постели. – А ты тут как?

– А никак. Вас сторожу все утро. Хоть бы записку оставили, когда проснетесь. Полдня из-за вас потерял.

– Куда торопиться?

– Вот именно. Надо решить, куда пойдем дальше.

– Давай за столом поговорим.

Иван стянул упирающегося Глеба с кровати, схватил кружку воды, плеснул товарищу в лицо. Глеб завопил, встал в боксерскую стойку, пару раз ткнул бородатого здоровяка под ребра, легко увернулся от ответного неуклюжего шлепка.

– Хватит дурака валять, – остановил их Сергей. – Хозяин перед самым вашим пробуждением заходил, говорил, что обед готов. Пойдем, а то ведь остынет.

Глеб и Иван, пофыркивая и плеская студеной водой друг на друга, умылись из деревянного ведра. Сергей тем временем быстро, но неряшливо заправил постели. Через несколько минут трое друзей сидели в зале за накрытым столом.

Они уже не были единственными постояльцами в харчевне. За соседним столом восседал человек, судя по всему Двуживущий, крепкий, с едва заметной проседью в коротко стриженных русых волосах. Он держал на коленях меч, а за его плечами висел лук. Колчан со стрелами стоял на полу возле скамьи. Кожаные доспехи, что были на нем, выглядели обычно, но Сергей завистливо прошептал:

– Кожа дракона, – и отвел от незнакомца взгляд. Ни к чему было проявлять излишнее любопытство. И своих забот хватало.

– Сейчас нам надо идти в Город, – заявил Сергей.

– Зачем?

– Продадим яблоки, откроем счет в банке. Поищем нужных людей.

– Каких людей?

– Я все думаю о Лиге.

– А-а! – протянул Иван. – Может, пока подождем с этим делом?

– А чего ждать?

– Ну... – Иван не знал, что ответить.

Глеб пока не проронил ни слова. Ему совсем не хотелось возвращаться в Город. Он только расчувствовал вкус приключений.

– Что думаешь, Глеб?

– Вам надо идти в Город. Создавать Лигу.

– А ты? Не с нами?

Глеб вдруг вспомнил лицо Рябого Пса. Его шепот: «лежит и ждет... делает слабых сильными, а врагов – друзьями».

Вот оно – главное: делает врагов друзьями.

– Я хочу побродить по Миру. Один.

– Все же эгоцентризм побеждает? – усмехнулся Сергей.

– Да. Наверное. Пока я хочу пожить ради себя. Попробовать все на себе. Сходить в дикие земли.

– Пойдем вместе, – загорелся Иван.

– Нет, – Глеб покачал головой. Он не знал, почему так ответил, но что-то мешало ему принять искреннюю помощь друзей. – Нет, – медленно проговорил он, размышляя. – Должно быть, я еще не наигрался. Мне почему-то пока не хочется заниматься серьезной работой. Ведь Лига – это уже не развлечение. Так и должно быть, иначе эта организация просто не будет иметь будущего. Все это слишком серьезно для меня. По крайней мере сейчас.

– Но ты же сам предложил.

– Да. Мне нравится эта идея. Но сам... Пока еще рано. Я не готов.

– Твое дело, – сказал Сергей немного разочарованно. – Мы с Иваном в любом случае отправимся в Город. Мне надо выправить меч. Потом я должен посетить Учителя.

– Мы опять пойдем к этому старикашке? – поморщился Иван.

– Этот старикашка – лучший боец Мира.

– Он даже не Двуживущий!

– И потому он знает об искусстве боя больше, чем любой из нас.

– И денег дерет порядочно! В прошлый раз он показал тебе, как правильно держать меч, – Иван фыркнул, – словно ты держишь его неправильно! – и содрал десять золотых.

– Основное в его уроках – это слова.

– Да, уж. Болтать он горазд!

– Хватит! Пришла пора проучить тебя. Помнишь наш спор?

– Я – с булавой, ты – с палкой?

– Да. Согласен?

– Конечно! Я постараюсь не слишком калечить тебя, Ксерокс. Вот только поем и схожу забрать свое новое оружие.

– Значит, к вечеру?

– После полудня.

– Глеб, ты слышал?

– Заметано! Я буду вашим секундантом...

Оставшееся обеденное время прошло в молчании. Иван слегка дулся на Сергея, Сергею это нравилось, а Глеб в душе посмеивался над своими товарищами.

6

Кузнец их ждал. Он стоял в дверях, облокотившись на косяк, и смотрел, как Глеб и Иван приближаются к кузнице.

– Заказ готов. Знатоно получилось, – не поздоровавшись, заявил Суомит.

– Покажи, – потребовал Иван.

Кузнец кивнул и нырнул в темноту кузни. Через несколько секунд он вновь появился на свету, нежно, будто ребенка, прижимая к груди поблескивающую булаву. Он протянул оружие Ивану, нехотя, словно ему было жаль расставаться со своей работой.

– Хороша! – выдохнул крепыш, не скрывая искреннего восхищения.

Изящная рукоять палицы была обмотана полоской бархатистой кожи, мягкой, приятной на ощупь. Едва намеченный рельеф не давал пальцам соскользнуть. Острые трехгранные шипы, длиной в фалангу пальца, усеивали массивный, чуть вытянутый набалдашник. Но не это восхитило Ивана. Оружие было удобно. Оно само ложилось рукоятью в ладонь, слушалось самого легкого движения. Булава казалась продолжением руки. Естественным и теперь уже – после знакомства – необходимым.

– Хороша! – Иван рассек воздух. Кузнец улыбаясь, смотрел на него, на палицу, но улыбка его казалась какой-то вымученной. – Никакого сравнения с той дубиной, что была у меня раньше.

– Спасибо за похвалу, – ответил Суомит. – Ты тоже приложил руку...

– Кувалду я приложил, а не руку, – перебил Иван и засмеялся. – Хорошо сделал, чертяка!

Он снял с пояса мешочек с монетами, протянул кузнецу:

– Хотел поторговаться с тобой. Думал отдать половину, а то и вовсе треть, но сейчас даю все. Здесь двадцать золотых. Полновесные монеты. Бери, ты заслужил.

– Спасибо. Деньги лишними не будут. – Суомит отнес мешочек в кузницу и вновь вышел к друзьям. Иван все любовался своим приобретением.

– Пойдем, – толкнул его Глеб.

– А? – Крепыш поднял голову – Да, конечно! Пошли...

Товарищи направились к Сторожевому Мосту. Кузнец, уже не улыбаясь, с тоской в глазах смотрел им вслед. Когда друзья подошли к самой реке, он тряхнул головой, провел рукой по глазам, вздохнул тяжело и скрылся в своей кузнице. Через минуту оттуда донеслось негромкое постукивание.

Гвозди и скобы тоже имели определенную цену.

7

– Мы вернулись! – во весь голос крикнул Иван, заходя в таверну, и смутился. Человек в доспехах из драконьей кожи все так же сидел за столом и потягивал пиво из большой кружки. Перед ним стоял глиняный кувшин, на широком блюде лежали обжаренные сухари. Он словно и не заметил появления друзей. Полузакрыв глаза, незнакомец глубоко задумался о чем-то, и ему было глубоко плевать на всех прочих, кто ходит под боком и шумит.

– Это вызов? – Из двери, за которой находились сдаваемые комнаты, показался Сергей.

– Это приглашение. Ты посмотри, какая вещь! – Иван понизил голос, но чужой человек услышал его, чуть приоткрыл глаза и посмотрел на палицу взглядом знатока.

– Оружие роли не играет, – Сергей стоял на своем. – Выйдем на улицу.

– Пошли! – Ивану не терпелось испытать оружие в бою. Пусть и в учебном, ненастоящем.

За харчевней располагался маленький, огороженный невысоким забором загон. Здесь обычно держали лошадей, но сейчас было пусто. Утрамбованная земля поросла невысокой травой, места было достаточно, под ногами ничего не валялось, короче, в целом эта площадка вполне подходила для спарринга.

Сергей легко – даже массивная кольчуга ему не мешала – перепрыгнул через изгородь. Он выдернул из частокола первую попавшуюся палку, довольно длинную и увесистую, годную для того, чтобы отхлестать упрямую скотину, но и отдаленно не напоминающую сколь-либо серьезное оружие.

Глеб последовал за Сергеем. Уже приземлившись, он все же зацепился штанами за ограду и чуть было не упал. Иван, не рискуя прыгать, обошел забор стороной, нашел калитку и оказался прямо перед своим соперником.

– Начнем, Крушитель? – Сергей взял палку двумя руками, выставил перед собой, словно это был настоящий меч.

– Чего тянуть, Ксерокс? – Иван качнул палицей.

Глеб отошел в сторону, с интересом наблюдая за товарищами. Они напомнили ему двух драчливых петухов. Так же вздернули головы, пригнулись, взъерошились. Уткнулись носами друг в друга. Петух здоровый и петух шустрый. Чья возьмет?

Иван никак не мог заставить себя нанести первый удар. Все-таки перед ним был друг, а массивной палицей, даже действуя осторожно, можно с легкостью переломать человеку все кости. Сергей, видимо, понял колебания товарища и напал первым, хоть и собирался строить свою тактику на защите и коротких контратаках. Он прыгнул вперед, занося палку над головой, и звонко шлепнул Ивана по плечу.

– Ха! – Крепыш даже не вздрогнул. Просто не успел, так неожиданно и молниеносно было атакующее движение спарринг-партнера. Иван все еще был зажат, он все никак не мог увидеть в Сергее врага. Пусть даже и условного. Только палица чуть сдвинулась, прикрывая ужаленное плечо – но тотчас стремительная палка описала дугу и хлестнула здоровяка по ребрам. Это было больно. И обидно.

– Давай, неуклюжий, чего ждешь? – подбодрил Сергей. – Покажи, на что способен.

– Ха! – Иван разозлился. Он отмахнулся от очередного удара, направленного в голову, и пошел в наступление бесхитростно прямолинейно, словно хотел подмять противника под себя. Сергей легко вывернулся, попутно хлестнув Ивана по колену.

Глеб усмехнулся. Здоровый петух проигрывал.

– На что поспорили? – поинтересовался голос за спиной. Тихо и незаметно приблизился к месту схватки незнакомец из таверны. Глеб пожал плечами.

– Просто так.

– Я слышал, вы убили Выпь?

– Да.

– Жаль.

– Почему?

– Я тоже собирался этим заняться. Деньги нужны.

Глеб не ответил. Он наблюдал за ходом боя. Человек в драконьих доспехах, чуть прищурясь, тоже следил за бойцами.

– Против ловкости любая сила бесполезна. Нельзя сломать то, что не ломается, – прокомментировал он.

– Выносливость тоже может оказать значение на исход поединка, – ответил Глеб.

– С таким прутиком можно бегать хоть весь день. А тот парень скоро устанет махать своей дубиной... Вы друзья?

– А что?

– Так. Это необычно.

– Мы хорошо знаем друг друга.

– Подлинная сила в единстве, – негромко сказал незнакомец, и Глеб с интересом взглянул на него.

– А ты сам кто?

– Меня зовут Святополк.

– Славянское имя, – отметил Глеб, вроде бы, невзначай.

– Да. Я русский...

Сергей, уже явно забавляясь, бегал вокруг запыхавшегося разозленного Ивана и стегал его по незащищенным местам. Здоровяк рычал нечленораздельно и бестолково махал своей булавой, впуская рассекая воздух. Он уже не думал об осторожности, и если бы Сергей попал под один из этих страшных ударов, то Иван потерял бы друга.

– Жаль, что Выпь убита, – повторил Святополк. Он не обращался к собеседнику, просто размышлял вслух. – Наверное, придется идти дальше... Хотя я собирался в Город...

– Знаешь, – Глеб повернулся к нему, – я мог бы одолжить тебе немного денег. Скажем, полсотни монет.

– С чего такая доброта? Я не собираюсь ничего продавать.

– Меня зовут Глеб.

Святополк открыто глянул на него. У него были ярко-синие глаза, необычайно ясные и острые. Он сказал полувопросительно:

– Земляк?

Глеб кивнул.

В этот момент Сергей поскользнулся на траве, и булава Ивана едва не размозжила ему череп.

– А они? – спросил Святополк, указывая на сражающихся.

– Тоже.

– Здорово!

Иван колотил палицей по земле. Сергей все никак не мог подняться, не успевал и лишь перекатывался, спасаясь от ударов.

– Ага! – проревел Иван.

И в этот момент Сергей, рискуя попасть под булаву, кинулся противнику в ноги, с силой ткнул его концом палки в солнечное сплетение, в один миг поднялся на колени, заблокировал опускающуюся, но потерявшую силу руку, вскочил легко и сложной серией хлестких коротких ударов обезоружил Ивана и свалил его на землю. Не давая задыхающемуся противнику прийти в себя, он навалился на него сверху и палкой пережал горло.

– Все?

– Все! – Иван захлопал ладонью по земле, признавая поражение.

Святополк зааплодировал. Сергей отпустил побежденного противника, удивленно глянул в сторону Святополка. В пылу схватки он не заметил, как подошел незнакомец.

Поверженный Иван поднялся с земли, отряхнулся, прокашлялся, осторожно тонул помятый кадык и заявил громко, во всеуслышание:

– А Выпь все же я прикончил.

– Никто не спорит, – примиряюще сказал Сергей.

Но Иван дулся. Хоть он и признавал несомненное лидерство товарища, но гордость не давала ему просто смириться со своим поражением.

Глеб пошел им навстречу.

– Зря вы это затеяли, – сказал он. – Надо учиться друг у друга, а не драться по поводу и без повода. Ты же, Крушитель, едва не прикончил его. Своего товарища. Как бы ты себя потом чувствовал?

– Ха! – Иван довольно ухмыльнулся. – Я его уже почти достал. Просто не повезло.

– Везение тут не при чем, – Сергей отшвырнул палку в сторону. – Лишь мое мастерство и твоя неповоротливость...

– Кстати, – остановил начинающуюся ссору Глеб. – Того парня зовут Святополком. – Он понизил голос, чтобы незнакомец не услышал. – Он один из нас. Мне кажется, с ним надо поговорить. Разузнать подробней. Намекнуть на возможность создания Лиги. Проверить. Я почти уверен, что он нам подойдет. Сейчас без денег, ищет, где можно подзаработать.

– Святополк, говоришь? – Сергей глянул на человека, что стоял, непринужденно оперевшись на забор, подошел к нему, протянул руку и представился:

– Ксеркс.

– Где же твое непобедимое войско, великий царь?

– А вот об этом мы еще поговорим.

– Я не против.

Они оба усмехнулись, крепко пожали друг другу руки.

– Твое имя о многом говорит, – заметил Сергей.

– Твое прозвище заставляет задуматься, – в тон ему ответил Святополк.

Из-за поленницы дров, что стояла неподалеку, вышел хозяин харчевни, удивленно уставился на постояльцев, гадая, что же это они здесь делают. Покачал головой, увидев изрытую землю в загоне, вырванные куски дерна, прореху в изгороди. И смолчал, решив включить все в счет.

Переговариваясь и подшучивая, товарищи вернулись в харчевню. Теперь уже вчетвером.

Глава 10

Постепенно кончались деньги.

Глеб почти не выходил из квартиры. Только иногда совершал короткие вылазки в магазин, а по пути выбрасывал пакет со скопившимся мусором.

На улице было слякотно. Машины месили талую жижу, и на перекрестках надо было смотреть в оба, чтобы не оказаться с ног до головы забрызганным грязью. Рядом толкались люди, неотличимые от собственных теней. Их было много, все они шли куда-то, наверное каждый по своим делам, но шли лишь в двух направлениях: либо вместе с Глебом, либо навстречу ему – двигались по тротуару, также опасаясь вееров брызг из-под колес проезжающих автомобилей.

Хотелось лета, солнца.

Все это было там – в другом мире. И Глеб возвращался, садился за компьютер и для него начиналась вторая жизнь.

1

Утром следующего дня они расстались.

– Значит, идешь на запад? – спросил Сергей.

– На юго-запад.

– Просто так или есть какая-то цель?

– Хочу достать одну вещь, – Глеб не стал уточнять, какую именно.

– И далеко?

– Вроде бы нет. Не доходя до болот и пустыни.

Сергей присвистнул.

– Если это те болота, о которых я знаю, то идти тебе не меньше недели... А более точного адреса тебе не дали?

– Разберусь на месте, – Глеб словом не обмолвился об Утесе Плачущего Человека.

– Будь осторожен. Чем дальше ты зайдешь, тем больше опасностей попадетсЯ. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Хочу проверить одного человека. Возможно, он еще пригодится Лиге. И хочу кое-что заполучить.

– Не нравится мне вся эта таинственность...

Они стояли на пороге харчевни. У Глеба за плечами была торба, по самую завязку набитая продуктами, на поясе висел меч. Иван и Святополк находились неподалеку, они уже все сказали, а теперь молчали и смотрели, как прощается с товарищем Сергей.

– Я вернусь сразу, как только смогу.

– Кто-то из наших будет ждать тебя в забегаловке у северных городских ворот. Помнишь?

– Да. «Придорожный Гиацинт».

– Видел бы ты этот «Гиацинт», – усмехнулся Сергей. Но еда там отменная, и место достаточно укромное.

– Я все помню.

– Если тебя там никто не встретит, спроси у хозяина записку.

– Хорошо.

– А, может, все-таки возьмешь кого-то из нас? – спросил Сергей. – В диких землях одному тяжело. Особенно новичку.

– Справлюсь.

– Надеюсь...

Они уже разделили деньги. Сто золотых из тех, что выплатили им жители деревни за спасение от Выпи, лежали на самом дне сумки. Волшебные яблоки Глеб отдал Сергею, чтобы он продал их в Городе, а выручкой распорядился по собственному усмотрению...

– Надеюсь, когда вернусь, увижу действующую Лигу.

– Будь уверен. За тем я в Город и иду.

– Вас уже трое.

– Нас четверо, – поправил Сергей. – А будет еще больше. Пора прибрать этот мир к рукам.

– Не переборщи! Если Лига начнет совать свой нос во все дела, то в противовес ей появится и другая сила. А там и до настоящей войны недалеко.

– Вот это будет по-настоящему весело!

Глеб посмотрел на товарища, пытаясь понять, шутит тот или говорит серьезно. Сергей улыбался, но глаза его оставались серьезными. Слишком серьезными.

– Мне пора. Не будем затягивать прощание.

Они обменялись рукопожатием.

– Пока, – Иван поднял открытую ладонь.

– Рад был познакомиться, – сказал Святополк. Он приблизился и снял с мизинца скромное оловянное кольцо. – Возьми.

– Обручальное? – попытался пошутить Глеб.

– Не знаю, – Святополк был серьезен.

– Зачем мне украшение?

– Кольца почти всегда обладают силой. Не стоит ими пренебрегать.

– И что это за колечко?

– Я снял его с убитого мною гоблина. Не знаю, чем именно оно заряжено, но уверен, вреда от него не будет.

Глеб взял кольцо, надел на указательный палец, прислушался к своим ощущениям. Ничего не изменилось.

– Спасибо. Но гоблина-то оно не помогло.

– Кто знает... – сказал Святополк.

Глеб еще раз обвел взглядом товарищей, улыбнулся им, пожелал:

– Удачи! – шагнул за порог и зажмурился. В высоком чистом небе сияло солнце. Воздух был по-весеннему прозрачен: ни пыли, ни туманной дымки, ни жаркого марева. Линия горизонта вырисовывалась необычайно четко. Было даже видно, как колыхнется трава на дальних холмах, и как черными точками кружат птицы над местом, где сомкнулись небо и земля.

– Пока иди на запад, – сказал ему в спину Сергей. – Выйдешь на дорогу, она ведет в нужном тебе направлении. И избегай Двуживущих...

Открывшаяся впереди даль тянула к себе, влекла своей бесконечностью, чистотой, и Глеб даже не заметил, что уже сделал шаг, пошел вперед, двинулся к недостижимому горизонту.

Позади остался Город. И река, и Сторожевой Мост, и завалившаяся на бок таверна, и друзья, стоящие на пороге.

Перед ним развернулась бескрайняя холмистая равнина. Где-то там впереди ждало приключение. Его приключение. Только его...

«...лишь прийти и взять...»

Тогда он даже не догадывался, во что же все это выльется.

2

Послушавшись совета друга, Глеб сперва направился на запад. Идти было легко, несмотря на тяжелую сумку за плечами и длинный меч у бедра.

К полудню, как и предсказывал Сергей, он наткнулся на узкую дорогу, что вела на юго-запад, за холмы, к самому горизонту. Впрочем, дорогой эту тропу можно было назвать лишь с большой натяжкой. Было заметно, что странники нечасто здесь ходят, выбирая, видимо, другие пути. Более безопасные, более легкие, более короткие.

Но дорога вела в нужном направлении, и этого было вполне достаточно. Глеб быстро шел вперед, ни о чем не думая. Он был совершенно свободен, у него была еда, были деньги, был меч. Что еще надо настоящему человеку для полного счастья?..

Когда солнце стало склоняться перед ним, он присел на обочине, быстро перекусил, вдоволь напился студеной воды из оказавшегося поблизости родника, а потом добрых полчаса лежал на спине и смотрел на клубящиеся в небе навалы облаков...

А к вечеру небо вновь прояснилось.

Солнце уже садилось, когда Глеб увидел впереди маленькую деревеньку в шесть домов. Селение было словно нанизано на идеально ровную нитку дороги, что протянулась к горизонту и утыкалась прямо в багровый вздувшийся диск солнца. Казалось, если идти и идти вперед, то рано или поздно наткнешься на пламенеющее раскаленное светило...

По дороге, ведущей к солнцу, Глеб вошел в деревню. Было тихо. От деревьев, что выстроились вдоль улицы, протянулись длинные густые тени. Селяне уже попрятались за прочными стенами своих жилищ, кое-где и ставни были закрыты, хотя до наступления темноты оставалось никак не меньше часа.

На фасаде одного из домов висела растрескавшаяся доска вывески. Давно выцветшими красками на ней было написано «Комнаты», и Глеб постучал в дверь. Он слышал, как внутри скрипнули половицы, как за дверью кто-то трудно задышал, стараясь не выдать своего присутствия, и прошло немало времени, прежде чем осторожный голос спросил:

- Кто?
- Переночевать пустите?
- Отчего не пустить? Деньги есть?
- Есть.
- Один?
- Да.

Дверь чуть приоткрылась. В образовавшейся щели блеснул глаз. Он вперился в Глеба, мигнул пару раз, затем дверь открылась шире. На пороге стоял долговязый полуголый человек, невообразимо худой, нескладный. Волосы его были всклокочены, слезящиеся глаза все норовили закрыться. Видимо, он уже спал, когда Глеб постучался.

– Заходите, господин. Время позднее, уж не обессудьте, что держал вас так долго на улице.

- Ничего. Я переночую одну ночь, а утром пойду дальше.
- Как вам будет угодно.

Хозяин провел гостя в дом, показал маленькую каморку с единственным узким окном и с крепкой дверью, которая запиралась изнутри массивным железным засовом. Из мебели здесь была лишь узкая кровать, стул и крохотный стол, на котором и поужинать толком было невозможно.

Глеб расплатился сразу же. Хозяин благодарно кивнул, исчез на некоторое время, вернулся, неся сдачу и масляный светильник.

– Ужин подать не могу, господин, – извинился он. – Постояльцев давно не было, я потому ничего впрок не держу. Но завтрак будет готов. Скажите только когда.

– Не беспокойся. У меня есть кое-что из провизии. А сейчас я хочу отдохнуть.

– Конечно, господин. – Хозяин поклонился и ушел, головой почти задевая потолок. Глеб запер за ним дверь, проверил окно, стянул сапоги, отстегнул меч и лег на кровать.

Было слышно, как поскрипывают половицы – разбуженный хозяин теперь не мог успокоиться, все ходил по своему дому, нескладный, длинный. Тихо потрескивал фитиль лампы. В углу возились мыши, иногда тонко попискивая...

Глеб задул огонек и спокойно уснул.

3

Он поднялся рано и, не слезая с кровати, выглянул в окно.

Деревня ожила. И домов-то было всего шесть, а жителей с лихвой хватило бы на небольшое село. Около колодца образовалась целая очередь. По улице носились голопузые пацаны. Женщины сходились вместе, кучковались, беседовали о чем-то. Слышались крики детей, скрип колодезного ворота, обрывки невнятных разговоров. Мычала, блеяла скотина на задворках, перекликались осипшие петухи. Где-то стучал топор.

Глеб потянулся, спустил ноги на пол, пошевелил босыми пальцами.

В комнате стояла приятная прохлада, хотя на улице – он видел – было жарко, поднимающееся солнце уже всю припекало.

Обувшись, подпоясавшись, Глеб отодвинул засов, немного попетлял по незнакомому дому, нигде так и не встретив хозяина и, наконец-то отыскав нужную дверь, покинул избу.

Он собирался идти дальше. Здесь его ничто не держало: за ночлег он рассчитался еще вечером, есть не хотелось, припасов был полный мешок.

Завидя незнакомца, люди притихли, стали понемногу расходиться, а некоторые, наоборот, сплотились в тесные кучки, с подозрением поглядывая на Двуживущего. Детишки куда-то пропали.

– Господин! – окликнули его. Глеб повернулся на голос. Из-за ближайшего дома, размахивая длинными, сухими руками, ковылял на своих мосластых ходулях долговязый.

– Господин, вы уходите?

– Да, мне пора.

– А я завтрак готовлю.

– Нет, спасибо. Аппетита нет. Поем в пути, – Глеб достал серебряную монетку и протянул собеседнику: – Возьми. Это за беспокойство.

– Благодарю, господин, – долговязый понизил голос, словно боялся, что его могут подслушать. – Я обычно не суюсь в дела Двуживущих, – сказал он, – но хочу предупредить вас, что вчера через нашу деревню прошел безоружный человек с посохом в руках. Двуживущий, но без оружия. – Долговязый покачал головой. – И в простой одежде. Странно даже. А через несколько часов здесь были двое воинов. Они спрашивали у нас про того путника, но мы ничего не сказали. Не в наших привычках лезть в дела Двуживущих. И воины ушли дальше. Вслед за тем, первым. А потом появились вы. Я подумал, может, и вы преследуете кого-то?

– Нет, – Глеб улыбнулся. – Я никого не преследую, ты ошибся. И все равно спасибо.

Он вспомнил предостережение Сергея: «избегай Двуживущих» и положил в ладонь долговязого еще одну мелкую монетку. В конце-концов он был достаточно богат, чтобы купить хорошее мнение людей о себе.

Не задерживаясь здесь больше, Глеб направился по дороге, что уходила к юго-западу. Он покинул деревню под осторожный шепоток крестьян, и еще долго слышал крики петухов за спиной.

4

Дорога и раньше-то едва намеченная, теперь и вовсе истончилась, усохла. Дважды Глеб терял ее и шел, ориентируясь на солнце, но потом вдруг вновь обнаруживал под ногами слегка притоптанную тропинку.

Холмы остались позади. Теперь вокруг, насколько хватало глаз, расстилалась монотонная равнина, сплошь покрытая невысокой, выгоревшей под солнцем травой. Местами виделись небольшие зеленые островки. Обычно там или бил из-под земли ключ, утекая коротким ручейком, или же находилось маленькое озерцо, заросшее шуршащим тростником так, что под ним не было видно воды.

Равнина была скучна. Но Глеб не смотрел на землю. Он смотрел вверх, в яркую светящуюся синеву с белыми горами облаков. Там, в вышине, все двигалось, все жило. Перемещались неторопливо целые горные массивы, хребты и отдельные пики, сталкивались, сливались, трансформировались. Огромные валы тумана незаметно таяли, пропадали, но откуда-то возникали новые седые навалы, и катились к горизонту сонным прибоем.

Нигде больше Глеб не видел такого огромного раздольного неба.

5

Дорога пропала и на этот раз уже окончательно.

Ему еще встретились на пути три небольшие деревеньки – он видел крыши домов вдалеке и кроны деревьев – но все они стояли в стороне, и Глеб, не раздумывая, проходил мимо. Пока что у него было все необходимое.

Ближе к вечеру погода стала меняться. Переменился ветер. Стал порывистый, неровный, задул прохладой в правый бок. Даль окуталась дымкой поднявшейся пыли. Побледнело солнце, затем и вовсе спряталось. Облака, недавно белые, неспешные, теперь посерели, вытянулись грязными полосами по небу, побежали куда-то рваными клочьями. А на севере, над самым горизонтом зрела иссиня-черная туча, жуткая и будто бы живая. На ее фоне сверкали вспышки грозных разрядов, пока еще бесшумные, далекие.

Глеб заторопился, хотя нигде не было видно ни укрытия, ни пристанища. Всюду, куда ни кинь взгляд, лишь бесконечная равнина. Кругом одна пыльная волнующаяся трава, и ничего больше.

А может, туча пройдет стороной? Или погрозит разрядами, да и растворится в бескрайнем просторе неба...

Через полчаса сомнений уже не осталось. Вся северная сторона затянулась чернотой. Туча урчала опухшей утробой, вспышки молний внутри лишь оттеняли ее беспросветный мрак. Заметно похолодало, но ветер утих. Глеб физически ощутил, как тишина замершей природы давит на него. Смолкли все звуки, на которые он и внимания-то обычно не обращал: шелест травы, щебет потревоженных птиц, стрекот кузнечиков и цикад. Только ворчала надвигающаяся беспросветность. Приближалась, напозала, и Глеб вдруг необычайно остро почувствовал свою ничтожность. Он торопился, но равнина была бесконечна, он шел быстро, как мог, но обогнать приближающуюся бурю было не в его силах. Один на открытом месте, сиротливая цель, видимая отовсюду. Захотелось лечь на землю, слиться с травой, закрыть голову руками, а когда буря начнет метать молнии, кричать, кричать и кричать, отгоняя страх.

Он почти бежал, но куда?..

Стало темно, словно наступила ночь. Небо сплошь пропиталось густыми чернилами.

Глаза вдруг ослепли, ноги подкосились, и Глеб не сразу сообразил, что это совсем рядом ударила в землю молния. Он бросился бежать, словно мог скрыться от нависшего злобного неба.

Вновь сверкнуло, на этот раз не так ярко, в отдалении. Будто блистающее тонкое дерево в один миг проросло между землей и небом и тут же исчезло, но его тень негативом впечаталась в сетчатку глаза. Через секунду раздался страшный треск. Прокатился над головой, затих. И тут же еще одна молния вонзилась в почву.

Глеб упал в траву. Почувствовал неглубокую ложбинку под боком, скатился туда, вжался в землю.

Буря взъярилась. Огненными хлыстами принялась стегать равнину. Зарычала десятком голосов, затрещала, загрохотала. Налетел бешеный ветер, засвистел в ушах, навалился, словно хотел выковырнуть человека из его жалкого убежища. Прямо под разряды, под гром...

Хлынул дождь. В одно мгновение Глеб вымок до нитки. Тяжелые капли, разогнанные ураганом, били не хуже свинцовой картечи, гулко колотили в спину, разметывали волосы. Почва сразу раскисла, превратилась в жидкую грязь. Выемка, в которой спрятался Глеб, наполнилась водой, и он лежал словно в ледяной ванне, но не мог себя заставить встать. А может, если бы и переборол свой животный страх, то просто не сумел бы подняться. Ветер и ливень, казалось, могли свалить человека с ног.

Он поднял чуть голову и попытался разглядеть, что творится вокруг. Но увидел лишь непроницаемую стену рушащейся с неба воды. Иногда в темноте сверкал размытый всполох молнии, но грома не было слышно за ревом ливня.

Глеб трясся. От холода, от страха ли, он не знал. У него не было мыслей, он потерял себя, растворился в лавине бушующего шторма. Слепой ужас перед неистовой силой непогоды удерживал его на месте. Он все бы отдал, лишь бы перенестись сейчас в другое место. Прочь, прочь отсюда!..

И выход был.

Глеб не думал, просто сработал рефлекс.

В одно мгновение он покинул бурю, покинул Мир, покинул себя.

Среди оглушительного рева, под хлещущими ледяными струями, под яростными порывами ветра он просто заснул.

Глава 11

Однажды он зашел к Сергею. С трудом нашел ту самую панельную девятиэтажку – тогда в темноте она выглядела совсем иначе – по лестнице поднялся на шестой этаж, немного постоял перед дверью, затем нажал кнопку звонка...

Зачем он пришел сюда? Ведь он не знает ни Сергея, ни Ивана. Подумаешь, пили вместе! И что с того? Они не знают даже, где он живет. И он о них ничего не знает. Что у них общего? Хобби? Мир? Лига?

Вероника. Вот, что влекло его. Только сейчас, стоя перед обшитой коричневым дерматином дверью Серegiной квартиры, Глеб понял это. Не к товарищам его тянуло. Он просто хотел еще раз увидеть девушку...

Он снова позвонил. Никто не отвечал. Или в квартире никого не было, или Сергей в данный момент был подключен к компьютеру и ни на что не реагировал, находясь в другом месте. В ином измерении...

Глеб развернулся и стал спускаться. Он шел медленно, втайне надеясь встретить Веронику.

Выйдя во двор, он сел на скамейку у подъезда и долго наблюдал, как шумная малышня возится в осевших сугробах, как прыгают рядом с детьми собаки – два спаниеля и пудель, как облезлый кот пробирается к дальнему подъезду, огибая лужи и тряся задней лапой каждый раз, когда та попадала в воду. Наблюдая за жизнью двора, Глеб заглядывал в лицо каждой проходящей мимо девушки...

Вероника не пришла.

1

Глеб очнулся только на следующий день.

Буря кончилась, и он не знал – давно ли. Кругом блестели лужи, трава еще не успела высохнуть, впрочем, это могла быть утренняя роса, а не капли давешнего дождя. На востоке поднималось солнце, небо очистилось, и лишь прозрачные ватные клочки облаков зависли над южным горизонтом.

Глеб по-прежнему лежал в неглубокой выемке. Все так же было сыро, холодно и неудобно. Он пошевелил окоченевшими непослушными руками, на коленях выполз из лужи. Осмотрелся.

Тряпичная торба пропиталась водой. Хлеб, должно быть, раскис и совершенно несъедобен. Наверное, и остальные припасы не в лучшем состоянии. Необходимо провести ревизию, перебрать содержимое сумки, что можно – высушить, а что-то просто выкинуть.

В ножны набилась грязь. Надо бы вытащить меч, почистить. Одежда тоже нуждалась в основательной чистке. Да и самому необходимо вымыться с головы до ног...

Глеб нашел местечко посуше, разделся, вытряхнул все из дорожной сумки, вытащил клинок, положил рядом и в первую очередь стал разбираться с продуктами.

Нестерпимо хотелось есть...

Воздух был неподвижен, солнце поднималось все выше, припекало все сильнее, и Глеб вскоре согрелся. Постепенно высохла почва, подсохла расстеленная одежда.

Как он и предполагал, весь хлеб, что у него был, слипся в бесформенный, неприятно пахнущий ком землистого цвета. Пришлось выкинуть и вяленые мясные полоски, и разбухший горох, и все специи. Оставался лишь сыр, немного, правда, помятый, да еще солонина, которая хоть и вымокла, став неприятно скользкой, но вкусовых качеств не потеряла. Только деньги, что лежали на дне торбы, совершенно не пострадали. Но какой сейчас от них прок?

Глеб съел добрую половину оставшихся припасов. Сыр и солонина ложились тяжестью на пустой желудок, но без хлеба сытости не давали. Так толком и не насытившись, Глеб вздохнул, спрятал остатки скудного харча в высохшую торбу и взял в руки меч.

Великолепная сталь нисколько не потускнела от действия воды, но надо было соскрести глину с рукояти, аккуратно все протереть тряпицей и тщательно вычистить ножны...

Когда он закончил, был уже полдень.

Глеб помял, поскреб одежду, оттирая кляксы сухой грязи и оделся. Забросив за плечи непривычную легкую сумку и нацепив меч, он вновь двинулся в путь. Теперь он внимательно вглядывался в расстилающуюся равнину. Во-первых, необходимо было найти какое-нибудь селение, чтобы купить еды в дорогу, во-вторых, он высматривал реку или ручей – надо было смыть с себя грязь.

2

Люди жили везде.

Самыми густонаселенными были, конечно же, прилегающие к Городу земли. Ведь там кипела жизнь, там всегда было полно Двуживущих, там Король не забывал о своих подданных, и жуткие твари почти никогда не совались на эти территории. А если и забредал случайно какой орк, тролль или стая гоблинов, то тотчас на них начиналась такая охота, что потом у нечисти надолго пропадало желание соваться на земли людей.

За пределами освоенных территорий жизнь была намного сложнее. В бескрайних лугах охотились кочевые племена кровожадных гоблинов. В лесах водились полуразумные великаны тролли, огромные, мохнатые, ненавидящие всех и вся, страшные своей силой, ввергающие в дрожь одним своим обликом. В скалистых отрогах, в пещерах и гротах жили орки. Подлые, хитрые, многочисленные, они часто совершали ночные набеги на поселения людей, жгли дома, убивали мужчин, уводили детей и женщин в свои подземные обиталища, в вечную тьму. И еще много чего неведомого и страшного водилось в диких землях: то ужасающие гарпии налетали откуда-то, то бестелесные призраки выживали целые деревни, то черные псы с горящими глазами пожирали скотину, нападали на одиноких крестьян.

А кроме того, была еще одна напасть – Двуживущие, что приходили в дикие земли на поиски приключений, не зная страха смерти, не ведая цены жизни. Иной раз они помогали селянам избавиться от какой-нибудь жуткой твари, но запросто могли и уничтожить почти всех жителей деревни, если что-то пришлось им не по нраву. Впрочем, обычно они даже не обращали внимания на Одноживущих крестьян. Уж если они и сражались с людьми, то только с равными. Только с Двуживущими, только с настоящими людьми. Такие стычки были делом обычным, и тогда Одноживущие прятались в своих домах, чтобы не попасться на глаза разъяренным бойцам, чтобы меч и магия не заделали их...

Но люди привыкают ко всему. Привыкли они и к этим диким местам. Они смирились и с нападениями орков, и с набегами гоблинов, они избегали контактов с Двуживущими. Суровая, непростая жизнь заставляла спланиваться, и небольших деревень здесь почти не было. Селения в сотню домов обносились частоколом, иногда жители вырывали ров вокруг, и дожди наполняли его водой, делая деревенскую цитадель еще более неприступной. В каждом доме висел на стене лук, копьё или меч, простые и дешевые, но всегда острые и готовые к бою. И хоть крестьяне и были неважными бойцами, но доведенные до отчаяния, они могли дать отпор оркам и гоблинам, троллям и ограм.

Кроме жутких темных созданий, водились в диких землях и прочие племена. В Драконьих Скалах на западе обитали горные гномы. Иногда, по обговоренным дням, они выбирались из своих подземелий и выменивали металл, золото, драгоценные камни, изящные украшения и великолепное оружие на продукты, пиво, древесину, ткани. Время от времени они приходили

в соседние людские селения, узнавали цены, выпрашивали последние новости, а потом вновь скрывались в своих ветвящихся под землей ходах, в огромных залах, вырубленных в скалах. А уж чем они там занимались, как жили – об этом никто из людей толком не знал.

В непроходимых лесах на востоке прятались таинственные эльфы. Мало кто видел этих загадочных созданий. Утверждали, что они не говорят, а поют серебряными голосами, что не ходят, а парят над землей, не касаясь ее ногами. Говорили, что каждый эльф, даже малый ребенок – это сильный маг, которому подвластна вся природа, и птицы, и звери служат ему.

На холмистых равнинах жили в норах безобидные хоббиты, тихие и незаметные, словно кролики. В лесах к северу встречали гномов, но не горных, а каких-то других, тоже малорослых, плечистых, но загорелых и без бород, что было весьма необычно.

Водились и странные существа, про которых никто не мог сказать, к какому племени они относятся, темной стороны они держатся или светлой. Эти жили сами по себе, одинокими отшельниками. И потому их старались избегать.

В трудные времена, когда опасность не разбирала рода-племени, люди и маленький народец объединялись. Так случилось, например, когда гроты Драконьих Скал облюбовали для своих логовищ огромные василиски. Твари, одним только взглядом прожигающие сталь доспехов, разорили выработки серебра. Они совершали набеги на окрестные поселения людей, пожирая домашних животных, не брезгуя и человечиной. Гномы и люди объединились и извели-таки василисков, хоть и немало жизней было положено в боях. Ни одного Двуживущего рядом с ними не было...

В диких землях люди выживали, как могли. Им не на кого было надеяться, кроме как на самих себя.

3

Глеб заприметил деревню издалека.

Сперва он заметил, как далеко в небе кружат черные точки. Птицы всегда держатся поближе к людям, ведь в селениях есть чем поживиться. Впрочем, могло оказаться, что в том направлении гниет туша какого-нибудь животного, и вороны собрались на падаль. Но выбора не было, и Глеб немного отклонился от обычного направления. Теперь он шел почти точно на юг.

И через час понял, что не ошибся.

Зеленая полоса плакучих ив прятала за собой небольшую речку. А на другом берегу, примерно в получасе ходьбы, уже виделись крыши домов, выглядывающие из-за высокого частокола. Кое-где вились сизые дымки, сливались с голубым небом. На фоне монотонно-желтой степи четко выделялись ровные зеленые прямоугольники ухоженных полей, меж которых вытянулась укатанная дорога, ведущая прямо к деревне...

Он вышел на берег реки, разделся, положил одежду на подмытые корни ив. Огляделся – нет ли кого поблизости и, восторженно ухнув, прыгнул в чистую воду. Речушка была небольшая – он пересек ее в четыре взмаха, – но берега отвесно уходили далеко вниз, и прозрачная вода чернела глубиной. Глеб попытался достать до дна, набрал в легкие побольше воздуха, нырнул, вытянув перед собой руки. Бесплезно! Речушка казалась бездонной. Он только почувствовал, какая холодная внизу вода, а воздух уже кончился. Глеб изогнулся, заболтал ногами и пулей вылетел на поверхность.

Плавая на спине, он тер себя ладонями, смывая грязь и пот, пофыркивал от удовольствия, но не забывал внимательно смотреть за берегом, где остались деньги, одежда и оружие.

Закончив купание, Глеб вылез из воды, цепляясь за торчащие корни и упругие ветви, склонившиеся над рекой. Одеваться он не стал. Связал все имущество в большой узел, неуклюжий, но крепкий, особенно тщательно прикрепил меч. И вновь спрыгнул с берега.

Держа увязанные пожитки над головой, он переплыл реку. На противоположной стороне деревья не росли, поэтому вылезти из воды было несколько сложнее. Тем более, что и берег был более высокий и крутой. Сперва Глеб выкинул на землю узел с вещами, потом стал выбираться сам. Он соскальзывал, но в конце-концов нашел опору для ног и сумел вскарабкаться на обрыв.

Наверху он сел на траву, лицом к недалекому селению. Солнце сушило его чистую кожу, и он с удовольствием подставлял тело под жаркие лучи.

Развязав свое добро, Глеб, поколебавшись немного, доел остатки сыра и солонины, затем встал, оделся и направился к деревне, огороженной частоколом.

4

На дороге перед самой деревней что-то происходило. В воздухе висело густое облако пыли, из которого доносились неразборчивая ругань, азартные крики.

Решив ни на что не обращать внимания, Глеб проходил мимо, когда из пыльной тучи спиной вперед вылетел человек в скромном сером одеянии. Он был встрепан, одежда в нескольких местах зияла прорезами. С левой руки капала кровь. На лбу красовалась свежая царапина. Человек пролетел несколько метров, и, охнув, растянулся у Глеба под ногами. Он выронил посох и слепо зашарил руками вокруг, не сводя взгляда с пыльной завеси на дороге.

Кашляя и ругаясь, оттуда выступили два вооруженных мечами воина. Не обращая внимания на застывшего Глеба, они направились к растянувшемуся на земле человеку. Тот наконец нащупал свой посох, оперся на него и, покачиваясь, поднялся на ноги.

Воины замерли словно бы в нерешительности, разделились и стали обходить человека с посохом с двух сторон.

Глебу все это не понравилось.

– Эй! – сказал он. – Нехорошо нападать на безоружного. Тем более вдвоем.

Воины на мгновение остановились, будто только сейчас обнаружили присутствие четвертого.

– Уйди! – сказал один, окинув Глеба оценивающим взглядом. Он сказал это заносчиво и грубо. Слишком грубо. И Глеб неожиданно для себя взъярился, выхватил меч молниеносным движением, которое подсмотрел однажды у человека по имени Апостол, давно, в короткой стычке у городских стен.

– Убирайся сам! – Кровь кипела, бешено раздувались ноздри, заскрежетали зубы. Драться, драться! Яростно, иступленно! Без пощады!

– Он маг! Ты что не видишь? – сказал второй воин, чуть мягче, но в его голосе слышалась с трудом сдерживаемая злоба.

– Он человек!

– Он украл у нас книгу.

Человек с посохом встал рядом с Глебом. Он уже оправился от удара, он стоял прямо и твердо. И голос его не дрожал, когда он произнес:

– Зачем она вам, неучам?

Воины взбесились, это было написано на их побледневших лицах:

– Это наша книга! Мы бы продали ее!

– Она вам ни к чему, – сказал маг. – А мне нужна. Каждый должен иметь то, что ему необходимо. Она необходима мне.

– Уйди! – повторил первый, все также грубо обращаясь к Глебу.

– Нет!

Воины обменялись быстрыми взглядами и бросились в атаку. Одновременно с двух сторон. Глеб хотел оттолкнуть мага, чтобы тот не попал под удар, но неожиданный союзник оказался

на удивление проворным и сам отпрянул в сторону. Глеб уклонился, парируя один из мечей. Второй клинок просвистел совсем рядом с его плечом.

Маг времени даром не терял. Он взмахнул посохом, и неведь откуда взявшийся порыв ветра швырнул пыль точно в лица нападавшим. Рыча, полуослепшие воины бросились к нему, забыв про Глеба. А зря. Коротким ударом Глеб достал одного из них. Но клинок лишь скользнул по кольцам кольчуги.

– Я разберусь с этим! – выкрикнул воин, получивший удар. – А ты убей мага.

Глеб зло ухмыльнулся. Он чувствовал свою силу. Клокочущая внутри ярость жаждала немедленного освобождения.

Воин глупо рванулся вперед, занеся меч над головой. Он был полностью открыт, но Глеб не стал бить его – пока он просто отметил незащищенные места: ноги, шея, руки по локоть, лицо. Еще он увидел, что у кольчуги слишком просторный ворот – сплетенный металл не закрывал часть грудины ниже ключиц. Цели были намечены, и в самый последний момент Глеб увернулся от рушащегося клинка. Воспользовавшись мгновением, он глянул в сторону мага. Тот пока держался. Воин постоянно нападал на него, но маг не жаждал тесной схватки и ускользал, убегал, носился по кругу, не давая противнику приблизиться на дистанцию удара меча. Время от времени он взмахивал своим длинным посохом и что-нибудь происходило: срывалась с посоха голубая искра разряда, или взметалась в воздух пыль, или возникал в воздухе огненный шар. Но ничто не могло остановить воина, защищенного кольчугой, и магу оставалось лишь бегать вокруг, ожидая, пока его незнакомый союзник разберется со своим противником.

Глеб парировал очередной удар.

В этой схватке он вдруг открыл для себя нечто новое, неизведанное раньше. Он сроднился с оружием. Теперь он чувствовал свой меч. Они слились воедино в неделимой ярости. Клинок управлял человеком. Человек следовал за клинком. И ему – им обоим! – нравилось это...

Сделав ложный выпад, Глеб отшатнулся назад, вытягивая противника на себя. И тот действительно подался следом, провалился и налетел грудью прямо на острие меча. Точный укол пробил кожу и кость, но ранение было несерьезным. Воин отпрыгнул, одной рукой схватился за рану. Меж пальцев сочилась кровь. Не давая врагу опомниться, Глеб ринулся вперед, присел, рубанул противника по колену, размашистым откидным движением взрезал мышцы у локтя и со всей силой ударил заваливающегося человека по открывшейся шее.

Безжизненное тело упало на сухую траву. Глеб перепрыгнул через него и бросился на помощь магу.

– Я здесь! – крикнул он воину, не желая нападать со спины. И враг, услышав голос, бешено развернулся, описав клинком долгую дугу. С лязгом сшиблись мечи. Тупая боль растекалась по рукам, ослабили вмиг онемевшие пальцы. Глеб чуть отступил, выигрывая немного времени и пространства, плотней перехватил рукоять.

Воин, заметив секундную слабость Глеба, метнулся вперед. Но тут маг сунул посох ему в ноги, и воин запнулся. Не глядя, он махнул клинком за спину, отгоняя мага, и вновь бросился к более опасному противнику, вооруженному мечом.

Глеб уже оправился от звенящей ломоты в ушибленных пальцах. Держа меч двумя руками, он поднял его на уровень груди, чуть наклонив клинок к земле. Локти слегка развел в стороны, правую ногу вынес вперед, крепко уперся мыском в твердую почву, на левую перенес основной вес. Корпус его был немного скручен, мышцы напряжены, словно взведенные пружины арбалета.

Воин ринулся на неподвижную цель. Глеб видел, как словно в замедленной съемке вздымается вверх меч врага, как открывается в яростном крике рот, как обрисовываются рельефом мускулы рук. В это мгновение он мог просто ткнуть противника в открывшееся напряженное

горло, но не этого он хотел. Дождавшись, когда клинок начнет рушиться на него, Глеб повел свои руки вверх, блокируя атаку. Он жестко подставил лезвие своего меча, и лязг столкнувшейся стали вновь отозвался болью в ладонях. Вражеский клинок лопнул от мощного удара, и пока обломок отлетал в сторону, играя бликами на ярком солнце, Глеб молниеносно, не обращая внимания на немоту в ладонях, нанес два удара: первый – диагональный с плеча на пояс, глубоко прорубивший кольчугу, и тут же, выхватив клинок, не дав ему застрять в теле врага – второй – скользящий, вспоровший противнику горло.

Бледное лицо воина окрасилось алыми мазками. Выронив сломавшийся меч, он обоими руками схватился за шею. Не сводя вытаращенных глаз с победителя, стал медленно заваливаться на землю, и Глеб отступил, не желая, чтобы его забрызгало фонтанирующей кровью...

– Спасибо, – поблагодарил маг, подходя к нему. Он сбросил с головы капюшон своего одеяния, открыв лицо: – Если бы не ты, я был бы уже мертв.

– Сам не знаю, что на меня нашло, – ответил Глеб, тяжело дыша. – Взбесили они меня.

– Меня зовут Епископ.

– Глеб.

Теперь Глеб смог получше рассмотреть мага. Тот был молод. Худое волевое лицо дышало странной силой, глаза смотрели прямо, и было в них что-то такое, что пугало и настораживало. Холод, отстраненность, словно у этого человека имелась некая цель, и ничто не могло остановить его на пути к ней. Свободный серый балахон не давал возможности оценить сложение и физическую силу мага, но видно было, что в плечах он не слишком широк.

– Я твой должник, – сказал Епископ.

– Пустяки.

Молодой маг вновь спрятал лицо под капюшоном, спросил:

– Ты будешь их обыскивать?

– Нет, – Глеб покачал головой.

– Тогда это сделаю я.

Епископ неторопливо и методично обшарил трупы: вывернул у убитых карманы, стащил кольчуги, снял с поясов тугие кошельки. Он вернулся, протянул деньги:

– Это твое по праву.

– Нет, – Глебу стало противно. – Мне не надо, у меня все есть.

– Как хочешь. Я твой должник вдвойне. – Маг распахнул свой балахон, и Глеб увидел, что изнаночная сторона одеяния сплошь обшита карманами: большими и маленькими, набитыми и свободными. Епископ быстро рассовал деньги и запахнулся.

– Ты в деревню?

– Да.

– Я тоже.

Они сошли на дорогу и направились к уже совсем близкому селению.

Через какое-то время Глеб обернулся.

Два тела лежали на обочине. Даже отсюда были хорошо видны алые лужи на серой пыльной траве. В небе кружили вороны и стервятники, постепенно снижаясь по незримой спирали.

В селениях людей всегда есть, чем поживиться.

5

На высоком частоколе возле самых ворот торчали три мертвые головы, насаженные на заостренные колья.

Глеб остановился перед ними. Встал и Епископ.

– Гоблины, – сказал маг. – Вчера я видел их издалека. Целый отряд. Слава богу, они меня не заметили.

Обтянутые буро-зеленой кожей черепа с выклеванными глазницами были ужасны. У одной головы из гниющей щели рта длинной лентой вывалился узкий острый язык. Другая словно бы ухмылялась, показывая кривые шипы зубов. Глеб отвернулся.

Из распахнувшихся деревенских ворот вышел мужик с косой на плече, глянул на застывших перед изгородью Двуживущих, усмехнулся.

– Нечего стоять, – сказал Глеб напарнику. – Ты идешь?

Они вошли в ворота. Мужик снял косу с плеча и посторонился, провожая их взглядом.

В селении насчитывалось более сотни дворов. Здесь было несколько улиц, лучами расходящихся от маленькой площади в центре. Вокруг небольшого пруда росли деревья и густые ивовые кусты. Поля находились с той стороны изгороди, на незащищенной земле, но почти возле каждого дома зеленели небольшие огороды в несколько гряд.

Дома, выложенные из глиняных кирпичей, сильно разнились по степени ухоженности и размерам. Некоторые сверкали свежей побелкой, некоторые серели осыпающимися стенами. Среди низких корявых мазанок попадались и настоящие хоромы, черепичные крыши которых поднимались выше частокола.

– Где здесь у вас можно поесть? – обратился Глеб к проходящей мимо женщине. Она небрежно махнула рукой вправо, сказала:

– Одноглазый Ургин в конце этой улицы. Пойдете прямо и упретесь, – и пошла дальше.

Навстречу пробежали мальчишки, пиная чей-то круглый череп. Возле одного из домов сутулый старик вилами перетаскивал на двор сено, вываленное ворохом прямо посреди улицы. Молодая девушка несла от колодца полные ведра воды. Людей встретилось немного, и все они занимались своими делами, не обращая внимания на пришельцев. Или просто не выказывая своего интереса.

Из подворотни выскочила мелкая шавка, забрехала на чужаков, держась на безопасном удалении. Увязалась за Двуживущими, мотаясь из стороны в сторону на кривых лапах. Обвисшее сосками брюхо забавно болталось, шаркая по земле – видимо сука выкармливала щенков. Епископ цыкнул на нее, и она, визжа, полетела домой. За высоким глухим забором грозно залаял пес, глухо взрыкивая и давясь злобой. Этот, чувствовалось, намного крупней и серьезней.

Улица завершилась тупиком. Жерди частокола преградили путь. Глядя на них, Глеб подумал: откуда здесь столько дерева? Ведь вокруг сплошная безлесная степь. Неужели везли бревна издека? Значит, есть чего опасаться, от чего отгораживаться. Он вспомнил гниющие головы на шестах и поежился.

По правую сторону закончившейся тупиком улицы стоял двухэтажный бревенчатый дом. Окна второго этажа приходились вровень с заостренными пиками частокола. Плоская крыша строения представляла отличную позицию для обороны деревни. Десяток метких лучников или пращников, забравшись наверх, могли сдерживать нападающих по всей восточной стороне обнесенного оградой селения.

Перед домом была вкопана вывеска с надписью «Одноглазый Ургин». Груда пустых бочек и старая рассохшаяся кровать, стоящие рядом с неказистой афишей, по замыслу хозяина, должны были намекать на возможность угощения и ночлега.

Дверь была открыта, и путники без колебаний вошли внутрь.

Просторная светлая комната производила хорошее впечатление своей чистотой и ухоженностью. Здесь все было продумано. Небольшие столики выстроились возле стен, оставляя свободным центр зала. К каждому прилепились четыре крепких стула. Простой открытый очаг, не камин, конечно, но не дымящий помимо трубы и тщательно выкрашенный белой известью, приятно теплился нежаркими углями. Выскобленная до сияния стойка сбоку от входной двери была уставлена чистой посудой. За ней, горделиво сложив руки на груди и высоко держа боль-

шую лобастую голову, сверкающую обширной залысиной, застыл хозяин. Оба глаза у него были на месте, и Глеб заподозрил, что это вовсе не Одноглазый Ургин.

В дальнем от входа углу, сомкнув воедино два столика, сидела дружная компания в семь человек. Одноживущие и, судя по манере держаться и разговаривать – завсегдатаи заведения. Они потягивали пиво из высоких кружек, хохотали, звонко хлопали друг друга по плечам и не обращали внимания на новоприбывших.

– Добрый день, – поздоровался Глеб с человеком за стойкой. – У вас можно купить продукты?

– Конечно, – отозвался хозяин. – Чего желаете?

Компания в углу вновь взорвалась хохотом.

– Ей, Ургин! – крикнули оттуда. – Принеси-ка нам еще по пиву, старина!

– Сейчас! – откликнулся трактирщик. Он выстроил перед собой ряд чистых кружек и большим ковшом стал разливать пенящийся напиток, черпая его откуда-то из-под стойки.

И все-таки Ургин, – подумал Глеб. Но почему тогда Одноглазый?

Поставив наполненные кружки на поднос, хозяин отнес заказ клиентам и вновь вернулся к стойке.

– Так чего желают господа? – спросил он.

Глеб и Епископ переглянулись.

– Посидим, поговорим? – предложил маг.

– Давай, – согласился Глеб.

– Два пива и что-нибудь перекусить, – заказал Глеб.

– Четыре пива, – поправил Епископ. – Я заплачу.

Они заняли столик возле очага. Ургин сразу выставил четыре кружки, затем на несколько минут исчез за дверью позади стойки и вновь появился, неся дымящееся горячим ароматом блюдо, полное тушеного мяса. Еще через минуту он принес мягкий каравай хлеба, тарелку с маслом и огромную миску белого рассыпчатого риса, отваренного на пару. Расставил все на столе, разложил приборы и вновь отступил за стойку, встав в привычную позу.

– За знакомство! – предложил тост Епископ. Они чокнулись, пригубили пиво. Напиток был хорош, и Глеб, не отрываясь, опустошил кружку наполовину. Маг не спешил.

– Если не секрет, куда направляешься?

– На запад. – Глеб неопределенно махнул рукой.

– Один?

– Да.

– Дикие земли опасны для новичка.

– Молодому воину жить значительно легче, чем молодому магу, – парировал Глеб.

– Ты прав. Они все меня ненавидят. Только за последнюю неделю меня восемь раз пытались убить. А ведь я старался не светиться. Прятался. Даже пытался сойти за Одноживущего. Кругом ненависть...

– И эти двое тоже?

– И они. Я всего-навсего взял у них книгу. Сам посуди, зачем она им?

– Книги, наверное, дорого стоят... – заметил Глеб.

– Очень. Поэтому я не мог купить ее. А она мне очень нужна.

– Никогда еще не видел здесь книг. Покажешь?

– Может быть. Только не здесь и не сейчас. Это очень ценная рукопись. Там есть редкие формулы всех стихий. Я пока еще не разобрался толком, но придет время, и я пойму. Знаешь, – Епископ понизил голос, оглянувшись на шумную компанию, – мне кажется, что на последних страницах записаны несколько заклинаний запретной магии. Черной. Они как-то зашифрованы, и я не знаю ключа. Пока.

– Я не разбираюсь в волшебстве, – сказал Глеб. – Все, что я видел, это как один старик отвел глаза. Он словно испарился. А ты так можешь?

– Нужно время, чтобы сплести необходимую формулу.

– А тот старик исчез мгновенно.

– Это опыт. Как его звали?

– Не помню, – Глеб потер переносицу. – Я встретил его в Городе. Имя... что-то вроде... типа... как у тебя... А! Жрец!

– Старый Жрец? Беззубый, седой. Я знаю его. Правда, он меня не знает... Да, он достаточно сильный маг, но даже он большую часть времени проводит под защитой Короля. Кругом ненависть. А все почему? Потому, что потенциально маги сильнее самого могучего воина.

– Да, я слышал об этом. Значит, сейчас ты скрываешься от людей и учишься?

Епископ глянул удивленно.

– Как ты догадался?

– Жрец рассказывал, что и он скрывался. И, отшельничая, учился.

– Да. Я понял, что если не уйду, то рано или поздно погибну. Необходимо сперва получить силу, обрести власть, а уж тогда можно возвращаться к людям. Признайся, ведь и ты куда-то идешь в поисках силы?

– Наверное.

– Наверняка! Иначе ты просто сидел бы возле Города, иногда совершал бы короткие вылазки на дикие земли, стараясь не заходить слишком далеко, а потом вновь прятался бы в кабаках и тавернах. Время от времени подыскивал бы себе подходящего противника, явно более слабого и оттачивал бы на нем свое мастерство. Развлечение! Почти вся публика живет именно так. Мало кто решается зайти далеко в дикие земли. Хотя бы сюда. Ты же видишь, здесь все иначе. Даже Одноживущие крестьяне совсем другие. Ты видел эти головы на заборе? А ведь гоблинов непросто убить.

– Никогда их не встречал.

– Я это понял. Иначе ты просто не сидел бы здесь. Но и кроме гоблинов в диких землях полно всяких неприятных вещей. Потому сюда редко суются новички. – Епископ усмехнулся. – Разве только маги, которым в диких землях угрожает гораздо меньшая опасность, нежели на обжитых территориях. И молодые воины, что ставят все на одну карту. Ведь у тебя есть эта карта?

– Просто мне надоело сидеть на одном месте, и я отправился искать приключений.

– И именно на запад!.. Извини, я не выпрашиваю тебя. Просто мы с тобой похожи, я чувствую это. И я пытаюсь объяснить тебе...

Они уже допили пиво и изрядно захмелели. Епископ махнул рукой, подзывая Ургина и заказал еще по кружке.

– Ты мне нравишься, Глеб. Я чувствую в тебе упрямство. Человеческое упрямство – это неодолимая сила.

– Любую силу можно одолеть! – Глеб несогласно затряс головой, и вся комната закружилась перед ним в тошнотворном хороводе.

– Я пойду с тобой. Ты же идешь на запад? Я тоже. Идем вместе?

– Идем!

– Если я тебе надоем, ты просто прогони меня.

– Ты мне не надоешь! – возмущенно воскликнул Глеб...

Шумная компания наконец-то убралась, предварительно расплатившись с хозяином. Стало тихо. Неподвижным изваянием возвышался над стойкой Ургин. В тишине незаметно текло время.

– Мы все здесь хотим стать самыми-самыми, – втолковывал Епископ. Слова давались ему с трудом, и он тщательно разжевывал их, прежде чем выстроить фразу. – Самыми-самыми.

Сильными. Самыми сильными. Удачливыми. Быстрыми. Знаменитыми. Да! Самыми знаменитыми. Вот ты хочешь стать самым-самым?

Глеб кивнул. Маг пьяно засмеялся, лукаво грозя пальцем.

– Ты тоже! – воскликнул он. – Все вокруг! Все! Хочешь скажу, чего добиваюсь я?

– Стать самым-самым? – попытался угадать Глеб.

– Точно! Сила, власть – вот, что мне надо. Власть. Власть!..

Вечерело. Еще три раза подходил к ним хозяин, забирал грязную посуду и приносил кружки с пивом.

– Я уйду от людей, – толковывал Епископ. – Осяду где-нибудь в предгорьях. В пещере. Буду там жить. У меня есть несколько книг и много записей. Я буду изучать магию. И придет время, когда я вернусь... – Он погрозил кому-то кулаком. – Главное иметь перед собой цель. Главное – упорство, упрямство. Нельзя терять ни минуты! Дорого каждое мгновение... – Он застыл с открытым ртом и назидательно поднятым к потолку пальцем и медленно повторил: – Нельзя терять ни минуты!.. – Обведя глазами пространство зала, он поднялся, пошатываясь. Выглянул в темнеющее окно.

– Уже вечер, – удивленно сказал он. – Ты как хочешь, а я пойду в номер.

– Пора, – согласился Глеб. – Что-то я совсем ослаб.

Маг подошел к стойке, расплатился за угощение. Договорился о комнатах, лепеча что-то о потерянном времени и тыкая негнущимся указательным пальцем Ургину в лицо.

«Сейчас наш хозяин станет действительно одноглазым», – подумал Глеб и громко засмеялся. Через секунду он уже забыл, над чем хохочет, но остановиться не мог.

– Я пьян! – заявил он вслух и это заявление еще больше развеселило его...

Хозяин проводил их на второй этаж, каждого завел в отведенную ему комнату, показал, где что находится. Глеб все хихикал, а Епископ оглядывался на него и улыбался...

На эту ночь их разделили прочные стены и запертые двери.

Глава 12

Ему приснился страшный сон.

Он был мертв.

В Мире кипела жизнь. Воины и маги сражались с чудищами и друг с другом. Занимались мирным трудом Одноживущие крестьяне и ремесленники. Жили своей нечеловеческой жизнью гномы и гоблины, тролли и эльфы.

А он уже не мог вернуться к ним.

Он умер...

Проснувшись, Глеб долго лежал, тупо разглядывая потолок.

Он знал – рано или поздно это действительно случится...

1

Деревню они покинули вместе.

Перед тем, как оставить заведение Одноглазого Ургина, Глеб, не скупясь, запасся продуктами. Он туго набил торбу и не менее туго наполнил свой желудок. Маг же путешествовал налегке, и еда заботила его мало. Если верить его словам, ему доводилось голодать и по пять дней кряду. Глеба такая перспектива не прельщала, но все же, уважая мнение товарища, он не стал настаивать на том, чтобы и Епископ захватил с собой продуктов хоть на несколько дней.

– Запас карман не тянет, – сказал Глеб, увязывая заплечную сумку.

– Что толку запастись, когда не знаешь, чего ждать через полчаса?

Хозяин, невозмутимым изваянием замерев за ухоженной стойкой, следил, как собираются в дорогу постояльцы. Его загорелая лысина сверкала не хуже начищенной посудной меди.

– Пока, Ургин, – попрощался Глеб. Он уже пересек зал и был готов шагнуть в распахнутую дверь, когда хозяин заведения сказал негромко:

– На западе сейчас охотятся гоблины. Будьте осторожны.

– Спасибо за предупреждение, – Глеб остановился на пороге, и немного поколебавшись, спросил:

– Можно задать тебе один личный вопрос?

– Конечно, господин. Спрашивайте.

– Почему тебя зовут Одноглазым?

Ургин улыбнулся.

– Когда я родился, то один глаз у меня был полностью залит краснотой. Мать рассказывала, что даже зрачка не было видно. Тогда-то мне и дали это прозвище. А потом все прошло. Осталось лишь имя. И знаете, что?.. – Ургин улыбнулся еще шире и выдержал паузу.

– Ну?

– Почти все Двуживущие, что останавливались у меня, рано или поздно задавали мне этот вопрос. А я уж думал, вы и не спросите.

– Тебя бы это задело?

Ургин подмигнул Глебу и захохотал...

Товарищи вышли за высокую деревенскую изгородь и вновь замерли перед насаженными на колья уродливыми головами.

– Мы можем их встретить, – сказал Глеб.

– Будем осмотрительны. Вдвоем у нас больше шансов вовремя заметить опасность.

– Да и отбиться на пару будет легче.

Епископ с сомнением оглядел товарища, покачал головой и произнес:

– На это лучше не рассчитывать.

На что именно не следует рассчитывать, Глеб не понял, но переспрашивать не стал...

Они прошли вдоль частокола, обогнули селение и двинулись на запад.

– Знаешь, – задумчиво сказал Епископ, когда они прошагали уже довольно много. – В Мире есть короткие пути и есть пути длинные. Иногда я думаю, что длинные пути никуда не ведут, только бестолково петляют. Но лишь пройдя до конца, можно понять, какая дорога тебе попалась.

– К чему это ты?

– Я хочу стать сильнейшим. И я буду им. Ты со мной?

– Ты хочешь, чтобы я тебе помог?

– Да. На первое время мне потребуется поддержка.

– Давай пока не будем загадывать.

Некоторое время они шли молча. А потом Епископ сказал:

– Мы еще вернемся к этому разговору.

2

Весь день было нестерпимо жарко и только к вечеру слегка посвежело.

– Пора бы отдохнуть, – сказал Глеб, останавливаясь и наблюдая, как медленно гаснут облака на закате. Позади уже высвечивались первые звезды. Тьма напознала на небосклон.

– Что ж, разумно. Сослепу можно нарваться на гоблинов. Только давай пройдем чуть дальше. Вон там, смотри, что-то темнеет.

Действительно, впереди чернели какие-то заросли.

Через полчаса выяснилось, что это старый овраг, сплошь заросший густым ивняком. Путники спустились по крутому склону, с немалым трудом забрались в самое сердце зарослей. На дне оврага тек ручей. Он прятался под нависшими ветвями, густые вечерние тени маскировали его, и товарищи не свалились в воду лишь потому, что в самый последний момент услышали негромкое журчание.

– Хорошее место, – сказал Епископ. – Вода рядом. И огонь будет совершенно незаметен. А если кто-то начнет продираться сквозь кусты, мы услышим его издали.

– Сыро здесь, – заметил Глеб. – Не знаю, получится ли развести костер.

– Предоставь это дело мне.

Они расчистили маленький пятачок земли, обламывая и приминая тонкие гибкие прутья. Из ветвей потоньше и помягче соорудили две бесформенные постели. Палки потолще откладывали для костра.

– Ну, покажи, как ты собираешься зажечь костер, – с сомнением в голосе произнес Глеб. – Нужен литр керосина, чтоб эти ветки взялись.

– Керосин не потребуется. – Маг присел на корточки перед грудой сырых дров, распротер руки и зашептал что-то быстро и неразборчиво. Глеб с интересом следил за товарищем. Епископ свел ладони вместе, и ногти его пальцев засветились розовым. Свечение усиливалось, багровело, расплзлось по ладони. Через минуту казалось, что на руки мага надеты сияющие алые перчатки. Кровавые отблески высветили склонившееся лицо: шевелящиеся губы, острые скулы, прикрытые глаза. От сырого хвороста потянулись вверх белесые пряди пара. И вдруг вспыхнул огонь, весело заплясал по дровам, затрещал, разрывая древесные волокна. Маг ладонями словно бы прижал пламя сверху, и огонь послушно притих.

– Вот и все, – сказал Епископ, открыв глаза.

– Здорово, – признал Глеб. – А я так смогу?

– В принципе, некоторым элементарным заклинаниям можно научить кого угодно.

– Так в чем проблема?

Маг замялся, не зная, как объяснить.

– Ну... В данном случае, для тебя было бы гораздо проще добыть огонь трением. И устал бы меньше, – он улыбнулся, – и уж точно бы согрелся.

– Все так непросто?

– И даже еще сложнее. Я же не прошу у тебя научить меня орудовать мечом. Боюсь, я даже поднять его не смогу.

– Каждому свое.

– Вот именно...

На дне оврага было совершенно темно. Узкая полоса звездного неба протянулась с севера на юг, весь остальной мир скрылся за кустами и крутыми склонами. Даже не верилось, что наверху расстилается бескрайняя ровная степь.

Быстро холодало.

Глеб подвинулся поближе к костру, протянул к огню руки. Согрешившись, развязал торбу, разложил еду.

– Давай перекусим.

Епископ смутился:

– Это же твои продукты.

– Ешь, ешь. Ты меня угостил в деревне, а я тебя угощаю сейчас.

– Ну, только если так... – Маг присоединился к скромной трапезе. Он ужинал и объяснял, словно оправдывался:

– Вообще-то, я могу не есть несколько дней. Но после волшбы необходимо восстанавливать затраченную энергию. На пустой желудок лучше магией не заниматься. Язву, может, и не заработаешь, но здоровью навредить можно.

– Так вот почему вы все такие худые, – усмехнулся Глеб. Епископ никак не отреагировал на это замечание. Губами собрав с ладони хлебные крошки, он решил:

– Ладно, я был неправ. В следующем селении тоже запасусь едой. Нечего у тебя на иждивении быть.

– Запас карман не тянет, – напомнил Глеб. Он опрокинулся на охапку ветвей, вытянул уставшие ноги. Правый бок приятно припекал костер. Левая половина туловища мерзла.

– Надо будет при случае купить одеяло.

– Купи лучше плащ потеплей, – сказал маг. Он запустил руку в складки своего одеяния и извлек массивную книгу. Подвинувшись вплотную к огню, он раскрыл фолиант и углубился в чтение.

– Можно и плащ, – поразмыслив, согласился Глеб. – Лишь бы укрываться можно было... Что изучаешь? Та самая книга?

– Да.

– Дай глянуть.

– Смотри... – Епископ передал том. Глеб пролистал несколько страниц, но ничего не разобрал: какие-то кружочки, палочки, черточки. Непонятная вязь замысловатых незнакомых букв. Частокл острых знаков.

– Руны? – спросил он наугад.

– Да.

Перелистнув еще несколько страниц, Глеб наткнулся на рисунок. Он не сразу разобрал, что там изображено, но через минуту хаос линий и черт вдруг сложился в отчетливую картинку – высокие черные звезды в небе, мертвое тело с кинжалом в груди, шакалы, рвущие труп на куски, ворон, выклеивающий пустую глазницу. И человеческая фигура в отдалении. Иллюстрация казалась объемной и словно затягивала внутрь, приковывала внимание...

– Что там? – спросил с интересом маг. Глеб вздрогнул. Он и не заметил, как Епископ приблизился к нему, склонился над книгой, заглянул в страницу.

– Не знаю, – Глеб вновь посмотрел на рисунок, но увидел лишь нагромождение беспорядочных штрихов. Он захлопнул фолиант и отдал магу. – Пора спать. Кто будет сторожить первым? Или же рискнем, понадемся, что никто сюда не заглянет?

– Ты ложись, – сказал маг. – Я буду читать.

– Когда тебя сменить?

– Спи до утра. Я посижу.

– Ну, смотри, – Глеб спорить не стал. Он перевернулся на бок, подставив огню замерзшую спину. Теперь он смотрел прямо во тьму, в непроницаемый мрак зарослей кустарника, растущего на дне оврага и на его высоких склонах. Журчала вода за спиной, потрескивал костер, шелестел страницами книги Епископ.

«Все-таки мы еще плохо знаем друг друга, – засыпая, подумал Глеб. – Но почему-то я ему полностью доверяю».

Епископ отложил книгу, поднялся, подбросил в огонь хворост и долго смотрел на спину спящего товарища. Потом он огляделся по сторонам, поднял лицо к далекой полосе неба. Все было тихо. Он вновь опустился на груды пружинящих веток и, повернув книгу к свету костра, продолжил чтение.

3

Глеб проснулся рано. Даже над равниной солнце еще не поднялось, а уж здесь, в овраге, и вовсе стояла глухая темень. Лишь слегка померкли звезды над головой, и серел насыщенный предутренней влагой воздух.

Епископ все так же сидел у костра, держал на коленях раскрытый том.

Глеб поднялся, хлопая себя ладонями по бокам, по груди. Он изрядно замерз, одежда здорово отсырела.

– Ты что, так и не прилег?

– Подремал немного.

– А то давай – я специально пораньше встал – ложись, а я посторожу. До рассвета еще не меньше двух часов.

– Нет, ни к чему это. Только время зря терять. Лучше выйдем пораньше.

– Как хочешь. – Глеб попрыгал, поприседал. Отойдя немного в сторону, помахал мечом, прореживая кустарник. Вернулся к костру раскрасневшийся, в легкой испарине. Предложил:

– Перекусим?

Епископ безразлично пожал плечами.

Глеб, приняв жест товарища за согласие, достал провизию, разложил хлеб, мясо и сыр двумя одинаковыми кучками. Маг убрал книгу, неспешно принялся за еду. И на удивление быстро съел все до последней крошки.

Наконец-то стало светать.

По земле потянулся плотный туман. Принялся подниматься, пучиться, словно дрожжевое тесто. Овраг быстро наполнялся тяжелой влагой, тонул в ней.

– Пора выбираться, – сказал Епископ. – Еще минута, и мы ослепнем.

Товарищи быстро собрались. Глеб крепко завязал сумку, закинул ее за плечи, вытащил меч, чтобы прорубаться сквозь совсем уж плотные заросли кустарника. Епископ спрятал книгу в один из внутренних карманов своего плаща, поднял посох, ногами разбросал и без того угасающий костер.

Тем временем туман накрыл их с головой. Все исчезло в непроницаемой белой пелене. Перекликаясь, товарищи продрались сквозь кусты, перешли вброд ручей, оказавшийся совсем неглубоким, и стали подниматься вверх по склону. Глеб вытянул перед собой левую руку, защищая глаза от ударов гибких ветвей, в правой он держал меч. Маг брел позади, шумный

и неуклюжий. Слышно было, как он спотыкается через шаг, ругается, как ломается под его ногами валежник.

– Не шуми так, – бросил назад Глеб, и сам поразился, до чего изменился его голос. Звуки были глухими, какими-то севшими, сиплыми. Казалось, что уши плотно забиты ватой.

Туман исчез внезапно. Над головой посветлело, шаг, другой – и вдруг глазам открылся мир во всем своем предрассветном великолепии и раздолье. Овраг, по самым краям заполненный шевелящимся облаком, остался внизу.

Из тумана вынырнула голова Епископа, мгновение – и он встал рядом с Глебом, на берегу оврага. Глянул под ноги, удивленно сказал:

– Неужели мы были там?

У их ног ворочалась клубами серая мгла. Бездонная, беспроглядная, жуткая. Казалось – шагни в нее, и тут же захлебнешься, утонешь, и тело будет медленно погружаться, уходить вниз, в трещину разлома, в исходящую дымом и паром преисподнюю...

– Ладно, хватит стоять, – прервал созерцание Глеб. – Ты, кажется, торопился.

4

Еще не пришло время обедать, когда путники увидели вдали кроны деревьев. Еще через полчаса они разглядели под кронами крыши домов.

Впереди была деревня. И друзья повеселели, взбодрились, прибавили шагу. Не то что бы они сильно нуждались в чем-то, но кружка прохладного пива и нормально приготовленная пища пришлось бы как нельзя кстати.

Селение приближалось. Уже можно было рассмотреть, что высокие деревья – это тополя, что деревня небольшая и не обнесена защитной стеной, а дома все одинаковые, одноэтажные, с крышами, крытыми соломой. Стала видна дорога, что прибегала откуда-то с севера и убегала на юго-восток.

Где-то там, среди домиков, протяжно и жалобно выла собака.

– Как раз успеем к обеду, – сказал Глеб. – Немного отдохнем и двинем дальше.

– Чего там с ней делают? – спросил Епископ, имея в виду собаку.

И вой прекратился, оборвавшись внезапно на высокой ноте...

На первое тело путники наткнулись, когда до селения оставалось метров триста. Сперва им показалось, что в траве лежит груда тряпья, и только приблизившись вплотную, они увидели, что никакая это не куча тряпок, а труп крестьянина. Он лежал на спине, широко раскинув руки. Согнутые в коленях ноги странно вывернулись вбок и казались чужими, отторгнутыми телом. Мертвец уставился в небо открытыми глазами, слегка приоткрыл рот, и если бы не его странная вывихнутая неподвижность и не рваная рана в животе, то можно было бы подумать, что человек этот просто прилег на лугу полюбоваться бегущими облаками...

– Кажется, отдыха не будет, – сказал Епископ.

Вновь в деревне взвыла собака, продолжая оборванную ноту.

Глеб достал меч. Взглядом внимательно обшарил окрестности.

– Вроде, все тихо. Слишком тихо. Как думаешь, может в деревне засада?

– На кого? На нас? – Маг фыркнул. – Нас здесь никто не ждет. Думаю, какие-нибудь разбойники разграбили деревню и убрались прочь.

– Кровь только начала сворачиваться. Его убили совсем недавно. – Глеб присел перед трупом, внимательно осмотрел страшную рану. Из живота словно вырвали кусок. Серыми петлями вывалился на траву разодранный кишечник.

– Это не меч, – заключил Глеб. – Я даже не знаю, чем можно нанести такую рану.

– Совершенно не разбираюсь в оружии, – признался Епископ. Он повернулся лицом к деревне, привстал на цыпочки, вытянул шею, развел руки, направив ладони к земле и замер. В этот момент он походил на охотничью собаку, делающую стойку.

– Явной опасности нет, – сказал он неуверенно через несколько секунд.

– Тогда пойдем. Может, кому-то требуется помощь.

– Нам бы самим помощь не помешала, – пробурчал маг.

Глеб двинулся первым. Он выставил обнаженный клинок перед собой и был готов к любым неожиданностям. Епископ пошел следом, внимательно оглядываясь по сторонам и что-то негромко шепча себе под нос.

На дороге перед самой деревней лежали еще два безжизненных тела. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять, что помощь им уже не требуется.

Плечом к плечу товарищи вошли в селение.

– Черт возьми, – прошептал Глеб. Всюду – на дороге, на огородах, во дворах – везде были одни трупы. Из-за последнего дома на дальнем конце деревни выбежал хромающий ободраный пес, сел на тропе, ведущей к дому, вздернул голову к небу и завыл.

– Заткнись! – крикнул маг и ткнул пальцем в сторону собаки. Глебу показалось, что на движение Епископа воздух ответил едва слышимым свистом. Пес взвизгнул и убежал, поджав хвост.

– И без тебя тошно, – буркнул маг вслед собаке.

Товарищи прошли по страшной улице. Везде было одно и то же – мертвые тела. Глеб зачем-то стал пересчитывать их, но сбился со счета на третьем десятке.

– Неужели никого не осталось?

И вдруг маг крикнул:

– Берегись!

Из-за ствола могучего тополя выскочило небольшое уродливое существо. Глеб не успел как следует его рассмотреть, но заметил, что у того в руках длинное копье. Существо двигалось на удивление быстро, глаз едва успевал отслеживать его перемещение. Рефлекторно, еще не успев ничего понять, Глеб шарахнулся в сторону, чудом избежав молниеносного удара копьей. Тварь выскочила из тени на свет, мелькнула, оказалась вдруг за спиной, и вновь Глеб едва успел увернуться. Он попытался сам атаковать стремительного противника, но лишь нарвался на копье. Наконечник пробил плотную кожу куртки и вонзился в плечо. Глеб отпрянул, но поздно – раненая рука ослабла. Он перехватил меч, и яркое солнце блеснуло на стали клинка. Существо внезапно остановилось, уставившись на кулак человека, на пальцы, держащие рукоять меча. И Глеб воспользовался этой непонятной секундной оторопью неведомого врага, обрушив мощный удар на уродливую голову. Существо коротко вскрикнуло и рухнуло на землю. Копье вывалилось из его руки.

– Гоблин, – сказал Епископ, склоняясь над убитой тварью, и Глеб вспомнил, где он видел такую голову. Три таких головы. – Странно, он один. Я слышал, что гоблины всегда ходят группами.

– А ты уверен, что больше здесь никого нет? – спросил Глеб, с опаской осматриваясь по сторонам.

– Остальные ушли, – уверенно заявил маг. – Если бы тут еще оставался хоть один, то мы с тобой сейчас не разговаривали бы. Кстати, ты на удивление легко с ним справился.

– Да уж, – Глеб стащил куртку, осмотрел рану, легко касаясь ее кончиками пальцев и морщась. Впрочем, сильной боли не было. Рана оказалась неглубокой.

– Как думаешь, копье может быть отравленным? – спросил Глеб с опаской.

– Вполне.

– Успокойл, нечего сказать, – Глеб скривил губы в невеселой ухмылке.

– Дай посмотрю... Присядь...

Глеб опустил на землю. Маг навис над ним, заводил руками над раной. Плечо закололо мелкими иголочками, кожа покрылась мурашками, по мышцам разлилось тепло. Неудержимо захотелось спать, глаза сомкнулись, голова стала бессильно клониться к груди...

– Вот и все, – бодро сказал Епископ, и Глеб очнулся. – Жить будешь.

Глеб глянул на плечо и поразился. Рана исчезла. На коже розовел свежий шрам – аккуратное клеймо воина. Знак отличия. Повод для гордости.

– Здорово! – восхитился Глеб и подвигал рукой. Не было ни боли, ни какой-либо скованности. Плечо казалось совершенно здоровым.

– Пустяки, – маг отмахнулся. – На твоё счастье, яда на наконечнике не оказалось. Отравления я пока лечить не умею.

Глеб взял в руки копье убитого гоблина, внимательно его осмотрел. Сказал негромко:

– Теперь я понимаю, каким оружием были убиты все эти люди...

Хоть и светило яркое полуденное солнце, было жутко и мрачно. Кругом лежали безжизненные тела, раскинувшись в нелепых позах, окрасив землю под собой кровью. Мертвая деревня молчала, словно тихое кладбище. Лишь угрюмо каркали в кронах тополей охрипшие обожравшиеся вороны.

Вновь взвыл пес.

Путники торопливо покинули селение мертвецов, но плач одинокой собаки еще долго преследовал их.

5

Наконец-то скучный однообразный ландшафт начал меняться. Степь слегка всхолмилась, на пути попадались высокие курганы – не то искусственного, не то естественного происхождения. Встречались редкие перелески, насквозь прозрачные, какие-то нездоровые. Зато трава росла, не зная удержу. Местами путники с головой скрывались в колышущемся под ветром ковыле. Иногда дорогу преграждали балки и неглубокие, но длинные овражки, поросшие высокой крапивой, и, преодолевая эти жгучие досадные препятствия, Глеб доставал меч и рубил в заросли травы, оставляя после себя широкую просеку. Магу было проще: спрятав и лицо и руки в складках бесформенного балахона, он мог запросто войти в самую гущу крапивной чащобы...

Поднимаясь на вершины холмов, выбираясь из высокого разнотравья, вскарабкиваясь на курганы, товарищи замирали на некоторое время и внимательно осматривали горизонт, окутанный туманной дымкой. Они выглядывали опасность, намечали очередную точку маршрута, пытались заметить вдали признаки человеческого жилья.

Глеба думал, что Утес Плачущего Человека уже близок.

6

Идти стало тяжело, ноги путались в траве. Слишком много времени прошагали товарищи, не останавливаясь на отдых.

– Надо бы сделать привал, – сказал Глеб.

– Давай поднимемся вон на тот холм. – Епископ вытянул руку. – Оглядимся и переведем дыхание. Вечер уже недалеко. Как следует отдохнем ночью.

– И откуда у тебя только сила берется? – Глеб покачал головой. – Вроде такой худой...

– В мускулах силы нет...

– Только не надо опять про эти ваши волшебные штучки. – Глеб отмахнулся, и даже взмах руки был слабый, вялый, настолько он устал.

– На то, чтобы идти, вообще не нужно затрачивать никаких усилий, – продолжал маг. – Это же естественно. Когда ты дышишь, разве ты устаешь? Просто ты на себе тащишь слишком много ненужного: этот меч, сумка, тяжелая одежда. Лишние мышцы, жир...

– Мозги, – буркнул Глеб. – Послушать тебя, я должен ходить совершенно голым.

Они начали восхождение на холм, на вершине которого планировали сделать привал. Склон был долгий, пологий, поросший высокой густой травой. Подъем совершенно не ощущался, вершина вроде бы и не приближалась.

Внезапно маг остановился, перехватив посох обеими руками.

– Чего ты? – недоуменно спросил Глеб.

– Ничего не замечаешь?

Ветер шуршал рослой травой. Высоко в небе высвистывала трехнотную песню какая-то птица. Немыми призраками бежали по земле тени облаков.

Глеб долго оглядывался, вслушивался, но так ничего и не заметив, пожал плечами.

– Вроде тихо. А что?

– Не знаю... – маг, медленно поворачиваясь вокруг своей оси, очертил посохом круг. – Не знаю, – повторил он задумчиво. – Ладно, пошли дальше.

Они сделали еще несколько шагов, и вновь маг настороженно замер. Теперь и Глебу почудилось, что он что-то услышал, какой-то негромкий звук или звуки. Шелест травы, но не совпадающий с порывами ветра.

И кузнечики молчали.

Глеб насторожился, обнажил клинок.

– Мы окружены, – негромко сказал Епископ. – Они со всех сторон.

– Кто? – спросил Глеб.

– Пока не знаю.

В высокой траве ничего не было видно. Но – вдруг! – Глеб увидел, как в отдалении сам собой шевельнулся ковыль, тихо качнул верхушкой. А вон еще, в другой стороне, раздвинулся сноп луговой осоки. Кольцо сжималось.

– Я их не вижу! – Глеб был готов удариться в панику.

Рано или поздно это действительно случится..

– Это гоблины. Те самые, из деревни, – прошептал маг. Он был занят. Закрыв глаза, он бормотал неразборчивые заклинания, водил посохом над головой.

Неприметное шевеление приближалось. Трава таила опасность. Прятала в себе острые копы с зазубренными наконечниками. Скрывала невысоких кровожадных созданий, таких быстрых и таких уродливых.

Сколько же их там?

Вдруг маг выкрикнул короткое слово, и откуда-то налетел упругий вихрь, поднял в воздух столб пыли, закрутился бешеным смерчем. В ушах засвистело. Глеб едва устоял на ногах под яростным напором урагана.

И вновь маг властно что-то приказал стихии, махнул повелительно посохом, и хобот смерча опал на землю. Осела пыль.

Трава вокруг путников теперь была растерзана, свита, прибита к земле. Товарищи стояли в центре идеально ровного круга радиусом примерно в десять метров. В центре арены.

Да, теперь враг не сможет подобраться вплотную, оставаясь незамеченным. Но разве это поможет?

Епископ вновь что-то забормотал, закрутил посохом.

А из травы выступили зеленокожие малорослые уродцы с копьями в руках. Гоблины вышли на арену. Не прячась, открыто. Они уже чувствовали себя победителями и не торопились. Окружив людей, все плотнее сжимали кольцо. Глеб быстро пересчитал их.

Одинадцать.

Одинадцать кровожадных тварей, быстрых, словно молния. Одинадцать острых копий.

Маг завершил заклинание, махнул посохом, и в гоблинов ударила незримая сила. Они отпрянули назад, некоторые вовсе упали. Но тут же поднялись и, как ни в чем ни бывало, вновь двинулись на людей. Теперь уже значительно быстрее. Глаза их злобно сверкали.

– Моя магия на них почти не действует! – в отчаянии крикнул Епископ и снова закрутил посох, вычерчивая в воздухе незримые письмена.

– Посмотрим, подействует ли моя! – Глеб прыгнул вперед и попытался быстрым коротким ударом пронзить ближайшего гоблина. Тот легко отразил удар древком копья и обнажил кривые острые клыки в подобии усмешки.

Остальные страшилища заверещали, остановившись на месте, и Глеб понял, что они смеются. Над ним. Над его мечом. Над его неуклюжестью. Он разозлился и вновь бросился на ближайшего гоблина. А тот вдруг превратился в размытую тень, и копьё его со свистом рассекло воздух. Глеб ощутил, как дернулась рука и вдруг полегчала, опустев. Выбитый меч отлетел далеко в сторону, и путь к нему сразу прикрыли три смеющихся уродца.

Гоблины забавлялись. На этой арене они чувствовали себя хозяевами.

Что-то бормотал маг, но чем он поможет?

Глеб не мог просто так сдаться. Он сжал кулаки, локтями прикрыл корпус и твердо решил биться до последнего. Голыми руками, ногами, зубами...

И вдруг гoblin перед ним замер, вытянулся вперед, словно увидел в человеке нечто такое... Безобразная ухмылка исчезла с его лица. Он сказал что-то хрипло, и прочие существа прекратили свой визгливый смех. Глеб повернулся к ним. Твари пристально вперились в него. Уставились на его руки, на его сжатые кулаки...

Именно так смотрел гoblin, которого Глеб убил в разоренной деревне.

На пальцы...

Он шагнул вперед, и гоблины попятились, не сводя взгляда с его рук.

Глеб скосил глаза, пытаясь понять, что же их так поразило. И увидел. На указательном пальце. Простое оловянное кольцо. Вспомнил слова Святополка: «Я снял его с убитого мною гоблина...».

Глеб поднял руку повыше, и кольцо тускло блеснуло.

Гоблины дружно вскрикнули, развернулись и исчезли в высокой траве.

Маг прекратил свое бормотание.

– Чего это они? – удивленно спросил он.

– Везение, – немного невпопад ответил Глеб.

– Везение? – переспросил маг.

– Да. Нам чертовски повезло.

– Ты их напугал?

– Не знаю. Мне показалось, что они приняли меня за кого-то другого.

– Странно...

Солнце медленно опускалось. Близился вечер.

Глеб подошел к валяющемуся мечу. Поднял, внимательно осмотрел, убрал в ножны. Он почему-то был уверен, что гоблины больше не вернуться, но голос разума подсказывал, что рисковать не стоит.

Товарищи взошли на вершину холма, но задерживаться там не стали, а быстро пошли под гору, торопясь как можно дальше оторваться от отряда гоблинов.

Стемнело, а они все шли, не решаясь остановиться на ночлег. Спешили отыскать надежное убежище. Шли всю долгую ночь. Шли под круглым фонарем луны и искрами звезд. Торопились на запад, словно хотели догнать закатившееся солнце...

Но вскоре солнце само нагнало их.

Глава 13

На этот раз Сергей оказался дома.

– Привет, – сказал он, открыв на звонок дверь. – Заходи.

Глеб шагнул в прихожую. В квартире пахло блинами, было жарко и сумрачно.

– А я тут задремал, – сказал Сергей, – и ты как раз вовремя меня разбудил. Есть будешь?

– Можно.

Глеб разулся, снял куртку, и товарищи прошли на кухню. Хозяин включил свет, поставил на газ чайник.

– Давно тебя не было видно.

– Заглядывал тут к тебе на днях, но никого дома не оказалось.

– Оставил бы записку. Телефон у тебя есть?

– Есть.

– Созвонились бы. Нам надо вместе держаться.

– Как там Иван?

– В порядке.

– А Лига?

– Растет. Скоро будем расширяться. Давай к нам присоединяйся.

– Я бы рад. Но пока занят.

– Ну, гляди сам...

Чайник вскипел почти мгновенно. Сергей достал из навесного шкафчика чашки, налил заварку, разбавил кипятком, выставил на стол тарелку с печеньем, сковороду со стопкой румяных блинов, конфеты, кусковой сахар.

– Ты ведь по делу пришел? – предположил Сергей и попал в самую точку.

– Да, – кивнул Глеб.

– Денег нет? – вновь угадал Сергей.

– Да. С работы меня выкинули, со средствами совсем плохо.

– Это, конечно, не дело...

Они помолчали, звучно прихлебывая обжигающий чай. Тихо шептало последние новости выкрученное почти до нуля радио, висящее над холодильником. Капала из неплотно закрытого крана вода...

– Хочешь в долг попросить? – спросил Сергей.

– Нет, – Глеб смутился такой вот постановки вопроса, – просто, думал, может, ты скажешь, где подработать можно.

– Может и скажу...

Сергей не торопился. Он приставил ко лбу горячую кружку и пристально разглядывал Глеба. У него был вид человека, решающего сложную задачу.

– Есть одно дельце, – неспешно проговорил Сергей через пару минут. – Назрело. Надо будет сходить с Иваном в одно местечко. От тебя ничего не потребуется. Просто будь рядом. Ну, и делай, что он тебе скажет. Если все пройдет успешно, то деньгами мы тебя не обидим.

– И что это за дельце? – спросил Глеб, чувствуя, как холодок неприятной волной пробегает по спине.

– Этого тебе знать не надо. У нас тут своя Лига... – Сергей усмехнулся. – Но будь уверен – никакого криминала, никакой опасности. По рукам?

– Просто быть рядом?

– Да.

– Без криминала?

– Да.

– Хорошо. Я согласен.

– Вот и ладно. Оставь мне телефон, я тебе позвоню, скажу, где вы встретитесь, когда, проинструктирую...

Глебу не нравилось все то, о чем говорил Сергей. Но он кивнул и сказал:

– Хорошо...

Из квартиры товарищи ушли вместе.

Сергей куда-то торопился, да и Глеб не горел желанием засиживаться в гостях. Они спустились во двор.

– Тебе куда?

– К остановке.

– А мне в другую сторону. Значит, договорились?

– Конечно.

– Я позвоню...

– Подожди, Сергей!

– Чего?

Глеб мгновение помедлил, затем спросил:

– Вероника в какой квартире живет?

– Она уехала.

– Уехала?

– Да. Неделю назад.

– Куда?

– Не знаю.

– А когда вернется?

– Она навсегда уехала. Вместе с родителями. Из города. Продали квартиру и уехали.

– Уехала, – тихо повторил Глеб. Он вдруг почувствовал себя страшно одиноким. Помолчал, опустив глаза в землю. И твердо сказал:

– Я буду ждать твоего звонка.

1

Минуло еще четыре дня.

Путники привычно двигались на запад. Они все реже вспоминали про свои цели. Про предгорья, изрытые пещерами, в которых одинокий отшельник может найти надежное убежище. Про таинственный Утес Плачущего Человека и глаз древнего демона Й'Орха в прозрачном камне талисмана. Все это было таким далеким, недостижимым, словно горизонт, к которому они шли и который все отодвигался и отодвигался. Им с трудом верилось, что когда-нибудь странствие закончится. Казалось, что дорога бесконечна, а цель каждого иллюзорна. Цель каждого – несбыточная мечта. И эта мечта – не какая-то вещь и не конкретное место, а всего лишь смутное воспоминание, повод для продолжения путешествия. Огромный магнит, зависший над горизонтом. Вечный движитель...

Друзья сжились с дорогой. Они приноровились к ее ритму, к расстояниям и масштабам. Они уже не так уставали, умели выбирать более короткие и легкие пути. Замечали многое, на что раньше не обращали внимания, и это умение видеть не раз помогало избежать опасности.

Впрочем, им несколько раз приходилось защищать свои жизни.

Однажды поздним вечером на путников напала стая летучих мышей. Это случилось в небольшом лесу, пустом и прозрачном, потому что все деревья там стояли без листвы. Ободранные стволы вздымали вверх голые сучья, словно высохшие древесные скелеты вымаливали у неба что-то. Дождь? Солнце? И странные черные плоды висли в безлистных ажурных

кронах. Но что это за плоды, друзья поняли лишь тогда, когда в воздухе зашуршали тысячи кожистых крыл, и летучие кровососы начали осыпаться с ветвей. Маленькие вампиры на лету прокусывали кожу, гроздьями повисали на человеке, ползали, цепляясь острыми коготками за одежду, отыскивая открытые участки тела. Эти твари были омерзительны.

Глеб, перемазанный собственной кровью, обеими руками сдирал кровососов, давил их в пальцах, не обращая внимания на укусы. Но крылатых бестий было много, слишком много, и он постепенно слабел, по капле теряя кровь.

Выручил Епископ. Маг полностью закутался в свой плотный плащ. Лицо скрылось под капюшоном, кисти спрятались в длинных рукавах. Упыри ползали по нему, ощущая биение сердца под одеждой, слыша ток горячей крови, но никак не могли добраться до тела. А маг, не обращая на них внимания, глухо выкрикивал слова заклинания, бешено размахивал посохом. Через несколько минут поднялся жуткий ветер, сбил Глеба с ног, переломал крылья летунам, смел, сгреб вампиров, закружил, увлек за собой, разбил их тела о стволы деревьев, стряхнул с ветвей на землю черные плоды. С треском ломались толстые сучья. Натужно скрипели корни, поддаваясь бешеному напору бури, шевелилась земля под ногами. А маг все размахивал посохом, и ветер со всех сторон огибал его, не касаясь своего повелителя. Глеб же плотно вжался в землю, уцепился за трухлявый пенёк и тревожно вслушивался с опасный треск над головой.

Буря прекратилась внезапно.

Лес поредел еще больше. Некоторые стволы переломились пополам, кое-где ветер выкорчевал деревья, и корни торчали из взрытой почвы, словно бесчисленные щупальца гигантского спрута. Подлесок засыпало валежником. А на земле сплошь лежали черные безжизненные тушки летучих мышей.

Епископ был бледен и слаб. Маг вернул долг...

А на следующий день они встретили огромного степного волка. Зверь был болен, и совершенно не боялся людей. Из его пасти капала слюна, один глаз заплаыл бельмом, на боку краснела расчесами плешь. Впрочем, все это они рассмотрели позднее, когда зверь уже был убит... Волк, прячась в траве, подполз к ним на брюхе почти вплотную, но Глеб почуял запах псины и вовремя выхватил меч. Опоздай он на секунду, лежать бы ему с перегрызенным горлом. Зверь в отчаянном прыжке напоролся прямо на подставленный клинок.

В тот же день, ближе к вечеру, когда друзья переходили вброд небольшую речушку, Епископа схватило за лодыжку нечто, невидимое под водой, потащило к близкому омуту и немалых усилий стоило вырваться из крепких объятий неизвестного подводного существа...

За четыре последних дня произошло столько событий, что Глебу казалось, будто они с Епископом путешествуют уже несколько месяцев...

Они даже не пытались заночевать под открытым небом – слишком велика была вероятность больше никогда не проснуться, и потому шли от селения к селению, совершая длинные изматывающие переходы и иногда далеко отклоняясь от основного направления. В деревнях товарищи пополняли запасы продуктов, отсыпались, и вновь выходили в путь, предварительно расспросив жителей о соседних селениях, о дорогах и возможных опасностях.

Глеб все чаще осведомлялся, не слышал ли кто об одинокой горе, которую местные зовут Утесом Плачущего Человека, но люди только отрицательно мотали головами и разводили руками.

Отдохнув, друзья покидали очередную деревню. Шли иногда по дороге, но чаще шагали по бездорожью, напрямик.

Порой возникало ощущение, что за ними непрестанно следят чьи-то внимательные глаза. И тогда Глеб поднимал руку с оловянным кольцом на указательном пальце, и неуютное чувство чужого пристального взгляда пропадало. Впрочем, все это могло быть лишь игрой воображения.

Епископ постоянно занимался. На коротких дневных привалах, пока Глеб готовил еду, маг доставал одну из своих книг и разглядывал странные письма. В пути он что-то бормотал под нос, фыркал, посмеивался, кривил губы, легко покачивал посохом. В селениях, в тавернах и на постоялых дворах, маг записывал что-то в тонкую тетрадь, и даже поздней ночью, когда Глеб уже засыпал, он все еще скрипел пером при тусклом свете масляного светильника. А проснувшись, Глеб видел, что Епископ уже давно встал и вновь что-то изучает, читает, пишет...

Иногда это раздражало.

2

Эта деревня ничем не отличалась от прочих. Разве только частокол был пониже, да крыши домов были крыты не привычной соломой, а потемневшей дранкой. В остальном все то же: узкие пыльные улочки, дорога, проходящая неизвестно откуда и уходящая неизвестно куда, одинаковые одноэтажные домики из самана, подгнивший колодец, хиреющий постоялый двор, пара маленьких магазинчиков, где продают лишь всякую дрянь, настоженные Одноживущие...

Глеб и Епископ устроились на ночлег, дали аванс, чем расположили к себе хозяина. Седой старик – владелец постоялого двора – принес им пива, утверждая, что это самое лучшее, для себя приготовленное, с холодка, из погреба.

– Часто ли бывают у вас Двуживущие? – поинтересовался Епископ.

– Не то, что бы часто, но заезжают. Иногда у меня останавливаются. И на день, и на два. Вот три дня назад один господин приезжал. Переночевал и ушел на север. На прошлой неделе был еще один. Так тот три дня у меня провел. Потом, заплатив лишь половину должного, отправился к юго-западу.

– Негусто, – посочувствовал Глеб.

– Это точно, господин. – Словоохотливый старик кивнул. – Вот полтора года назад совсем не так было. Зачастили к нам гости, я уж думал помощников нанять – не справлялся в одиночку. Много тогда понаехало – и пеших, и конных. Все видные, при оружии, в доспехах...

– Чего же им надо было?

– Да есть тут неподалеку древний курган. Никто не знает, кто там похоронен, да и похоронен ли вообще? Странное место. Мы всегда избегали ходить туда. Разве только мальчишки бегали. – Старик улыбнулся, видимо, вспомнив детство. – Мальчишками и мы туда ходили. Но все днем. А ночью ни-ни. Страшно! Есть на этом кургане плита. Огромная. Тяжелая. Сплошь письмена исписанная...

Заслышав про письма, Епископ заинтересовался, стал внимательно слушать рассказ Одноживущего.

– Всегда она лежала там, мхом поросла, к земле прикипела. Камень и камень. Но вот по весне, уже снег давно сошел, трава пробивалась, прибежали огольцы и сообщили, что якобы плита эта сдвинулась, открыв ход. И лестница там видна в самую глубь кургана. А в это время жил у меня странный человек. Двуживущий, но не воин, не маг. Оборванец. Бродяга. Уж не знаю, он ли об этом разболтал, или кто другой как прослышал, но через месяц стали к нам приходить чужаки. Выспрашивали про старый курган, про какие-то сокровища, про открытую дверь. Мы ничего не скрывали, конечно. Зачем? Вон он там – за деревней, за лесом. Только место это нечистое. Да, плита сама по себе вдруг открылась, человеку такую тягу не сдвинуть. А про сокровища мы ничего не знаем, и кто лежит там, тоже не знаем. Зачем нам это? Мы туда не ходим. Страшно там. Особенно ночью. Видится всякое. Огни, тени... Ничего мы не скрывали. И Двуживущие все приходили, ночевали у меня, пиво пили, ели. Дрались все меж собой, поделить чего-то не могли. Странно... А потом уходили на курган и пропадали. Не

слышал я ни о каких сокровищах; не знаю, вышел ли кто из-под земли живой... Много их было. Много от меня ушли. Но никто ко мне не вернулся. А через год, опять перед самым летом, плита вдруг оказалась закрытой. И мох на ней нетронут, и земля, вроде, как и была. Задвинулась сама по себе, загородила вход. Теперь у нас все тихо. Может, оно и к лучшему. Но тогда я здорово разбогател. Здорово... А что это за курган я не знаю. Вы-то не к нему идете? А то я и показать могу...

– Нет. По могилам мы не шарим. – ответил Глеб.

– Ну и ладно. Вход все равно закрыт, а чтобы плиту сдвинуть, надо сотню человек, а может и еще больше.

Старик ушел. Епископ проводил его взглядом и сказал, обращаясь к Глебу:

– Давай туда ходим.

– На курган? Зачем?

– Хочу на письма взглянуть.

– Ну, разве только взглянуть.

– Конечно. Плиту-то сдвинуть мы все равно не сможем.

– Надеюсь, ты не прямо сейчас собрался?

– Нет, конечно. Утром, когда пойдем дальше, сделаем небольшой крюк.

Друзья допили пиво, подчистили тарелки и заперлись в комнате. Глеб лег на кровать, Епископ, по обыкновению, стал что-то записывать.

– Ты чего пишешь? – поинтересовался Глеб.

– Веду дневник, – не стал скрывать маг. – Записываю все, что с нами произошло, все то, что пришло мне в голову за день. Рассказ про курган тоже надо бы внести. Кто знает, может, все это когда-нибудь пригодится.

– Отметь, что пиво у здешнего хозяина великолепное, – Глеб отвернулся лицом к стене и заснул.

3

Когда Глеб открыл глаза, Епископ уже был на ногах. Маг, фальшиво насвистывая какую-то песенку, собирался в дорогу.

– Проснулся? – приветствовал он товарища.

В ответ Глеб широко зевнул.

– Я уже все уложил. – Маг похлопал по двум объемистым сумкам. – Одевайся и пойдем.

– Куда ты так торопишься? Горы от тебя никуда не уйдут.

– Зато я могу передумать. Знаешь, мне все меньше и меньше нравится эта идея с отшельничеством.

– И чего ты хочешь?

– Не знаю пока. Может быть, ты что-то предложишь? Из нас получился неплохой дуэт, мы отлично дополняем друг друга.

– Да, пожалуй, – согласился Глеб. – Воин и маг – идеальное сочетание.

– Особенно когда они оба обретут силу...

Глеб оделся. На столе их ждал приготовленный завтрак, и товарищи быстро перекусили. Маг почти ничего не ел, зато Глеб уплетал за двоих. Последнее время он замечал, как растет аппетит, как организм требует пищи. Он рос, и сила его росла. Он здорово окреп, плечи раздались. Трудности путешествия закалили его. Дикие земли дали неоценимый опыт. Всего за несколько дней Глеб возмужал, и теперь никто не называл бы его новичком, а уже тем более Новорожденным. Он становился настоящим воином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.